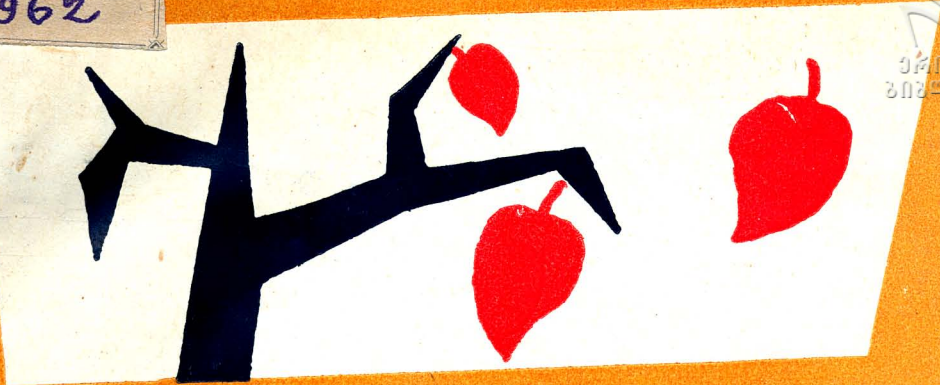

0.335
1962

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГРУЗИЯ
1962

1962

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ
Год издания шестой

СО Д Е Р Ж А Н И Е

КАРЛО КАЛАДЗЕ. Вечера. Дни и ночи... Ночь во время сбора винограда. Тбилиси. Стихи. Перевод с грузинского В. Корнилова и Э. Котляр	3
РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Вдова солдата. Роман. Книга вторая. Перевод с грузинского Л. Громeko	6
ЛАДО СУЛАБЕРИДЗЕ. Нивы. Однажды ты гневом, как тигр, вспылала... Избушка. Стихи. Перевод с грузинского Вл. Соколова	26
МАМИЯ АСАТИАНИ. Виноградные гроздья. Из записной книжки. Перевод с грузинского М. Эсакия	28
МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ. «До востребования». Ночь. Звонит телефон за стеной... Стихи. Перевод с грузинского А. Тарковского и Б. Окуджава	44
ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ. Прогулка на пони. Повесть. Перевод с грузинского А. Беставашвили. Окончание	45

ОЧЕРКИ

Н. НОВИЦКИЙ. Трасса в горах	67
---------------------------------------	----

ИСКУССТВО

М. ДОЛИНСКИЙ, С. ЧЕРТОК. «Для музыки я родился в Тифлисе»	78
---	----

См. на обороте

10

ОКТАБРЬ 1962

76639

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

КОТЭ МАРДЖАНИШВИЛИ. Из неопубликованной
переписки 82

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АНДРЭ ВЮРМСЕР. Вариации предисловия к «Баязету» 85

ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. Новый роман Р. Бежанишвили 89

ЛАРИСА ПОЛЕЩУК. Еще раз об ответственности перед читателем 95

Обложка работы худ. Р. Кон.

Заместитель редактора Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗАВЕРИН, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ,
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-44-08

Карло Каладзе

ВЕЧЕРА

Совсем не ожидал, что здесь
Откроется мне сонм чудес.
Взошел на горный перевал
И на небе заночевал.

Осанистость в природе гор.
На землю обращаю взор:
О, как внизу искрится жизнь!
Не скажешь ей: «Угомонись!»

Я в сердце не таил хулы
И дом построил у Куры.
Парят над крышею моей
Любовь и доброта людей.

Люблю Куру. Ее полет
В душе моей всегда живет.
И все ж, друзья, клянусь душой,
Кура нам не была межой.

Пестреют доли, как ковры,
И радио гремит с горы.
А если вдруг оно сейчас
О спутнике начнет рассказ?!

Так взгляд свой устремляй в зенит,
Гляди, как по небу летит
Мечта! Недаром в небеса
Полсотни лет глядят глаза.

О вы, читатели мои,
Летающие вокруг земли
Путем космических ракет.
Вы свет! Вы обогнали свет!

Что темень? Крылья вороныя.
Нет, тьма не украдет огня.
А люди неба с наших гор,
Украив огонь, зажгли костер.

Перевод с грузинского В. Корнилова

ДНИ И НОЧИ...

Тысячу дней и один,
Тысячелетье и ночь
Море качает волну,
Скалы глядят в глубину.
Тысячу дней и один
Мимо угрюмых вершин
Солнечной тихой тропой
Утро плывет над скалой.
Тысячелетье и ночь
Море гремит во всю мощь.
Радостно, точно в призыве,
В море врывается Бзыби,
Чистая горная Бзыби.
Точно в объятье, в порыве.
О, прибежавшая с гор!
Где ты была до сих пор?
Я этой вечности гость,
Я зачерпнул ее в горсть.
Тысячу дней и один,
Тысячелетье и ночь
Море гудело у скал,
Голос его не стихал.
Бзыби мерцает волна,
Светом и небом полна,
Бзыби прозрачна до дна,
Так быстротечна, юна.
Ты прибежала на зов
Мощных морских басов.
Разве ты молча могла
Вечно стоять, как скала?!
Но и на камне скалы
След прорубили валы.
Моря прикосновенье
Камню наносит раненье.

НОЧЬ ВО ВРЕМЯ СБОРА ВИНОГРАДА

О, время сбора винограда!
Соседу помогать — отрада.
И сок, урчащий непокорно,
В глубокий чан вливать по горло.
И ночь сама навеселе,
Когда поют в любом селе.
Как брызги виноградин, те мгновенья —
Губ и кувшинов соприкосновенья!
И запахи вина во тьме, как в чане,
И в голове гудит мацари,
Когда бредешь один домой
И дерево из тьмы шуршит листвой.

А ветерок, твой добрый провожатый,
Куда-то тянет за рукав помятый.
Хоть сам в ветвях запутался давно,
А ты рукой махнул, тебе смешно...

ТБИЛИСИ

И вот я вижу, как огни,
Идущие по горизонту дни.
Мой новый день, чудесному сиянью
Я отдаю и мысли, и дыханье.

Зачем мне нужен склон чужой горы?
Мтацминда здесь, на берегу Куры!
Я влаги из чужих ручьев не жажду.
О, как поют ручьи весною каждой!..

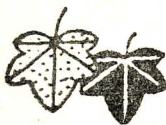
Рассветный холод нес я на плечах.
Дыханьем согривал родной очаг.
И сколько улиц новых пролегло,
И набережной светлое крыло...

О, стройностью сияющий квартал!
Я руки поднимаю, как платан.
И ласточка, ныряющая в небе,
Уносит песню о Варазисхеви.

Тбилиси, город мой, вся Грузия — в тебе.
Ты имени любимого созвучье,
Луг зеленеющий и моря гул зовущий,
Тропинка в синеве.

И тысячу пятьсот огромных лет
На город звезды проливают свет.
Я полстолетья городу дарю.
Пускай уйдут в звезду, в зарю!..

Перевод с грузинского Э. Котляр

РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ

ВДОВА СОЛДАТА

РОМАН

Книга вторая

Перевод с грузинского Л. Громеко

Рис. Т. Мирзашвили.

1

Вернувшись из Дубовой рощи, Хатуна не нашла детей дома. На дверях висел замок. Хатуна недоумевала.

«Куда же они делись?»

Она собралась уже уходить, когда соседняя дверь заскрипела и оттуда выглянула худая, остроносая женщина, счетовод колхоза.

— Не детей ли ищешь, Хатуна?

Вопрос испугал бы вдову, если б не спокойная улыбка на сморщенном лице женщины.

— Ведь сказала им: до моего прихода ни шагу из дому... Куда их понесло?

— Девочки Захара шли мимо, и дети вместе с ними отправились в кузницу.

— Давно?

— Только что.

Хатуна направилась к выходу.

— А ты куда? — крикнула ей вслед женщина.

— Пойду, погляжу, не случилось бы чего.

— Что может случиться! Послушай, милая, не томиться же им весь день в четырех стенах!

— Ключи оставили?

— Вот они, — счетовод скрылась за дверью и через минуту появилась снова: — Поздравляю! Работать, говорят, начинаешь?

— Ты откуда знаешь? — улыбнулась Хатуна.

— Слухом земля полнится!
— Пока еще рано поздравлять.
— Если строители не подкачают, к весне легче станет вам, мно-
годетным.

— Посмотрим. — Хатуна взяла у Маргариты ключи и принялась открывать тяжелый замок.

Разговорившейся женщине хотелось сказать что-то еще. Ее серые, словно выцветшие глаза хитро шурились.

Хатуна открыла дверь и пригласила соседку.

— Ты иди, иди, я мигом, — прошептала та, как заговорщица, — вот только ведомость закончу.

«Господи, на что она похожа! — подумала Хатуна, войдя в комнату и осторожно прикрывая за собой дверь. — И это называется женщиной! Не лучше ли совсем не родиться!»

Она подошла к стенному шкафу. Зеркало, вделанное в его дверцу, было маленьким, Хатуне же хотелось увидеть свое полное изображение, чтобы сравнить себя с Маргаритой, которая была похожа на прошлогодний высохший папоротник, и таким образом почувствовать свое превосходство. Она сняла шерстяной платок, провела рукой по влажным волосам. От быстрой ходьбы лицо покраснелось, только кое-где проступали едва заметные белые пятна.

«Пройдет. Это, вероятно, от мороза», — подумала Хатуна и бросила платок на стул.

Дверца печки была открыта, по комнате — рассыпана зола. В колене трубы гудел ветер.

«Для чего им понадобилась зола?» — с ласковым упреком подумала Хатуна, плотно закрывая дверцу.

Дети перевернули все вверх дном. Хатуна собралась было до их возвращения привести комнату в порядок, но у нее ни к чему не лежало сердце, перед глазами неотступно стояли гориджварская Дубовая роща, кучи земли на чистом снегу, поднимающаяся кладка стен...

Итак, настал конец ее страданиям и мучениям — отныне и она увидит свет...

Хатуна еще не совсем ясно представляла себе работу, за которую взялась, но одна мысль о том, что с сегодняшнего дня с нее могут что-то спросить, вызвала в ней радостное возбуждение. Радость ее была так велика, что она боялась: уж не приснилось ли ей все это.

«Детский сад! И как близко, даже пяти минут не понадобится, чтобы дойти туда. Почти под самым носом! Что может быть лучше такой работы!.. Если взяться за дело с душой, люди не слепые — они увидят, как я стараюсь». Хатуна замечталась.

Может со временем и новый дом удастся выстроить! Сколько новых домов в деревне: на каждом шагу из дуба, из карагача понастроили!.. Эх, если бы только повезло и Шалико вернулся домой, тогда совсем иначе устроилась бы жизнь. Трудно без хозяина в доме. Если рядом с женщиной нет заботливого мужа, его не заменят ни отец, ни сын... Пусть никто и не пытается понапрасну. Разве сама она уже не убедилась в этом?..

Хатуна со вздохом опустила на тахту и закрыла глаза.

Что, если бы сейчас он был с ними...

Вспомнив что-то, она вскочила. Обвела взглядом голые стены, хотя хорошо знала, что не увидит того, что ищет. Опустилась на колени и заглянула под тахту. Там лежали два накрытых клеенкой чемодана. Хатуна сначала выдвинула один чемодан, перевернула в нем все, по-

том раскрыла второй и стала рыться в нем с непонятным беспокойством. Наконец у нее отлегло от сердца: карточка Шалико была здесь. Теперь Хатуна вспомнила, что рамку она не брала с собой, оставила в Калосубани. Прислонив карточку к зеркалу, она отошла на несколько шагов. Шалва доверчиво смотрел на нее: его глубокие черные глаза казались задумчивыми. Шалва слегка улыбался. Улыбка показалась Хатуне грустной.

Она подошла к карточке и прижала ее к груди как живого человека; затем сразу очнувшись, положила карточку на место, подбежала к двери, закрыла ее и снова вернулась к карточке. Ей хотелось что-то сказать изображению, но она знала, что это бессмысленно, и без единого слова вглядывалась в задумчивые глаза мужа. Слезы навернулись Хатуне на глаза, все сразу покрылось туманом. Теперь и Шалико был виден смутно, будто растворился в слезах. Она покачнулась, почувствовала, что ей дурно, и тяжело опустилась на раскрытую постель.

2

На второй день после того, как Хатуна побывала в Дубовой роще, ее обуяла такая жажда деятельности, что она взяла письмо у председателя сельсовета, пошла в Циплисцкаро, поговорила с директором винного завода и уже к ночи перевезла насос на стройку. Каменщики, занятые работой, встретили будущую заведующую радостными криками. Правда, насос был старый, на винном заводе им давно уже не пользовались, там теперь качали электропомпой, но ведь на строительстве и этого до сих пор не было. Насос сразу же отнесли к запруде. Сгоряча долго не раздумывали и сразу пустили его в дело. Несколько раз качнули, и вода с шумом хлынула в трубу. Но резиновый рукав, который нужно было подсоединить к насосу, оказался коротким, не хватало куска еще такой же величины. На следующее утро Хатуна снова собралась в Циплисцкаро. Зная, что неприветливый директор винного завода больше ничего не даст, она сразу направилась к гаражу пожарной команды. Там наверняка где-нибудь завалились старые брезентовые шланги. Заведующий гаражом вначале грубо отказал: где это слыхано, чтобы одалживали шланги?! «Если нужны трубы, идите и купите, мало что ли этого добра валяется в скобяных магазинах!» — Но в конце концов он согласился. Хатуна даже слегка обиделась, когда заведующий, ни разу не взглянув на нее, бросил смотанный в клубок

Роман Реваза Джанаридзе «Вдова солдата» повествует о семье солдата Шалвы Миндели, погибшего в годы Великой Отечественной войны.

При жизни Шалвы, до начала войны, его жена Хатуна — мать троих детей — была всецело поглощена семьей, не работала в колхозе, мало бывала на людях и общалась с ними как бы через мужа. После ухода Шалвы на фронт Хатуну с детьми взял к себе ее отец Спиридон Канчавели. Хатуна с нетерпением ждала окончания войны, возвращения мужа.

Она ждала Шалву даже после того, как получила известие о его смерти. Но время шло. Если Хатуна не верила в гибель мужа, то Спиридон понимал, что зять его не вернется, и поэтому старик стал строить свои планы. Кроме Хатуны, у него не было больше детей, и он не хотел видеть ее безрадостной и одинокой. Он надеялся, что его дочь выйдет вторично замуж.

Однако Хатуна была против. Она понимала, что на ней лежит большая ответственность за судьбу детей. Сможет ли она вырастить Родине достойных сыновей? Вот о чем думала Хатуна. Наконец, полная решимости, она оставляет благоустроенную семью отца и возвращается со своими малышами в Сокоура, в заброшенный домик Шалвы Миндели.

шланг на грязный, замасленный асфальт: возьми, все равно, мол, spisанный! В другое время Хатуна не стерпела бы такого невежливого обращения, но теперь из опасения, как бы завгар не взял обратно свой «подарок», она промолчала, схватила шланг и, не поблагодарив, вышла на улицу.

К полудню насос уже работал. Хатуна была так рада, что, несмотря на усталость, как девочка болтала без умолку.

— Все это хорошо, — сказал, довольнo улыбаясь, Исаяя, — но дело вот в чем: куда мы ее собирать будем?

— Кого? — спросила Хатуна, направляя конец шланга на приготовленную для раствора кучу песка и цемента.

— Воду. Ведь не будем же бегать каждую минуту к пруду, чтобы качать ее?

— Зачем бегать, Исаяя, — сказал Пармен, переставая копать землю и опираясь локтем на черенок лопаты, — яму выроем.

— Какую еще яму? — разозлился гробовщик, который все не мог забыть свою ссору с Парменом.

— Обыкновенную. Не знаешь, что такое яма?

— Ну, а потом?

— Наполним яму водой.

— Эх ты!

— А что?

— Как же ты из ямы воду достанешь?

— Гм... Разве это так трудно?

— Тоже мне, каменщик называется! Ни богу свеча, ни черту кочерга!.. Пока будет полная, достанешь, а когда наполовину опорожнится, чем будешь доставать, полезешь в нее что ли? — возразил Исаяя.

— Нет, вы послушайте, люди, что он говорит! — воскликнул Пармен и, морща лицо в улыбке, взглянул на Хатуну. — Эх ты, правда что гробовщик, — не полезу, а привяжу веревку к ведру.

Хотя Хатуна относилась к Исаяе с большим уважением, она не могла удержаться и рассмеялась. Пармен, видя, что его слова произвели впечатление, подскочил к Исаяе, потрепал его по плечу, и, привстав на цыпочки, чтобы его все слышали, громко прошептал:

— Вот уж истину говорят: пока арба не опрокинется, дорогу не

Писатель с большой любовью и теплотой рассказывает нам о детях погибшего солдата — о маленьком Шалве, о Палико и Зурии, о трудностях их жизни, об их переживаниях. И читатель живо интересуется их судьбой, сердечно откликается на их горести и радости, близко принимая к сердцу каждое препятствие на их жизненном пути.

Хатуне было очень трудно нести на своих плечах тяжесть семьи в это тревожное время. Старенький домишко рушился, двор был запущен. Злые языки деревенских сплетниц распускали дурные слухи о поведении Хатуны. Это осложняло взаимоотношения с соседями, которые поначалу проявляли особый интерес к возвратившейся семье. Хатуна должна была приобщиться к общественному труду, чтобы прокормить малышей, направить их на верную дорогу и, наконец, самой начать жить полноценной жизнью.

Обо всем этом рассказывается в первой книге романа, опубликованной на русском языке издательством «Заря Востока».

«Литературная Грузия» печатает главы из второй книги романа «Вдова солдата».

Шалва ЧИЧУА

разглядишь. Наша арба тогда и опрокинулась, когда этого архангела Гавриила назначили над нами начальником!

— Уйди отсюда! — огрызнулся Исайя и своей длинной рукой отстранил Пармена. — Может, кто-нибудь присмотрит за цементом, не ко- ровью похлебку готовите! Скажите там, чтобы больше не качали воду! А ты, Пармен, берись-ка за лопату, нечего тут...

Хатуна, улыбаясь, с неиспытанной доселе радостью смотрела на этих жизнерадостных людей и рядом с ними словно заново рождалась на свет...

«А мне казалось, что все кончено», — думала она по дороге к дому.

Кузница Захара была закрыта. Зурия, наверное, уже дома. Хатуна только теперь почувствовала усталость. Весь день провела она на ногах, и сейчас ничего ей так не хотелось, как присесть минут на десять и передохнуть.

Перед магазином она увидела женщин. Одна из них, с бидоном для керосина в руках, смотрела в ее сторону. Хатуна издали узнала жену Петре Миротадзе — Эдуки. Вторая, полная и высокая, хорошо одетая женщина, казалась незнакомой. Хатуна пожалела, что не пошла нижней дорогой, уж очень не хотелось слушать безумолчную болтовню Эдуки.

— Смотри, кума: не женщина идет, а ясный месяц светит! И кто скажет, что она мать троих детей! Посмотришь — ну, прямо невеста!

Хатуна невольно улыбнулась. Эдуки сказала это нарочито громко, чтобы она слышала.

— Добрый вечер! — поздоровалась вдова.

Вторую женщину она так и не смогла узнать, но чтобы не проявить излишнего любопытства, окинула ее быстрым взглядом и тут же провела рукой по лбу, словно поправляла волосы.

— Дай бог тебе доброго здоровья, сестрица! — расплылась в улыбке Эдуки, обняла Хатуну и подтолкнула ее вперед. — Ведь стыдно, кума, что вы до сих пор не знакомы. Как-никак, соседи... Хатуна, познакомься — это Эленэ Лашхи, супруга нашего уважаемого Элефтера...

Хатуна и Эленэ молча пожали друг другу руки.

— Мой-то заладил: очень, мол, вы похожи друг на друга, — затарорила Эдуки, — кажется и впрямь похожи.

— Кто? Мы, Эдуки? — удивилась Эленэ, хотя об этом она слышала уже не в первый раз.

Хатуна, украдкой рассматривая румяное, хорошо сохранившееся лицо женщины, любезно улыбнулась и пожала плечами.

— Петре вечно что-нибудь придумает.

— Нет, нет, Хатуна, провалиться мне на этом месте, правду он сказал!

Хатуна и Эленэ переглянулись, потом посмотрели на Эдуки, и все трое рассмеялись.

Несмотря на то, что Хатуна заметно устала, ее привлекательность несколько не уменьшилась — на румянном, округлом лице четко вырисовывались словно подведенные брови, густые, каштанового цвета волосы красиво вились, зубы сверкали снежной белизной. Казалось, за всю свою жизнь эта женщина не испытала никаких невзгод. Эленэ исподтишка разглядывала ее и не могла насмотреться. Потом она набралась смелости, обняла Хатуну за талию и будто младшей сестре сказала, не скрывая возникшей симпатии:

— Я много хорошего слышала о тебе, Хатуна. Очень прошу, заходи ко мне. Непременно. Приведи и детей... Элефтер рассказывал, как ты с детьми дрова пилила... Непременно приходи!

В просьбе Эленэ что-то не понравилось Хатуне, но чтобы не показаться неучливой, она благодарно улыбнулась и опустила голову.

— Застенчивая она, кума, очень застенчивая, — затараторила Эдуки. — Сколько времени уже здесь, а к нам ни ногой.

— Что поделаешь, Эдуки, и так приходится всех беспокоить... — с трудом подыскивая слова, оправдывалась Хатуна.

— Ой, убей меня господь! Кого ты беспокоишь, женщина? Да ведь у тебя дети маленькие, вся деревня должна о тебе заботиться! Впрочем, эх, что там говорить...

Хатуна улыбнулась, перевела взгляд на Эленэ:

— Кажется, ваша свекровь больна? Надеюсь, теперь...

— Лежит она... — лицо Эленэ приняло недоброе выражение, хотя она пересилила себя и сохранила в разговоре такой же мягкий тон, как вначале.

— Стара уже, ничего не поделаешь, — поспешно вмешалась Эдуки. — Сколько ей будет?

— Элефтер говорит, восемьдесят седьмой пошел.

— Да-а, прости господи, пора уж. Нам бы, молодым, дожить до такого возраста.

Эленэ вздохнула:

— Как думаете, женщины, в воскресенье будет хорошая погода?

Хатуна посмотрела на небо.

— Мы с Элефтером собираемся пойти в Циплисицкаро.

— Встречать кого-нибудь? — заинтересовалась Эдуки.

— Нет. Сходим туда и обратно. Говорят, там очень красиво. Когда мы приехали, была ночь и я ничего не видела.

— Насчет красоты, кума... Какая польза от красоты, красотой сыт не будешь!

— Тебе нравятся здешние места, Хатуна?

— Не знаю... — неопределенно улыбнулась та.

— Представь себе, мне нравятся.

— Значит, полюбила! Про человека говорят: «Не по хорошему мил, а по милу хорош»!

— Я, вообще-то, немало ездила по Грузии...

— Уж кому ездить, как не тебе, кума! — вставила Эдуки.

— И все-таки здесь по-своему красиво.

Хатуне уже не терпелось уйти. Она беспокоилась о детях.

Эдуки догадалась об этом. Довольная, что ей удалось поболтать, она наклонилась и подняла бидон. Эленэ прижала к груди завернутую в газету попку.

— Тебе тоже не мешало бы зайти к нам, кума, — сказала Эдуки, прощаясь. — Ходишь мимо ворот и никогда не заглянешь. Разве так можно? Ну смотри же, не забывай нас. До свидания!

— До свидания!

— Новость слышала? — прошептала Эдуки Хатуне, когда они пошли рядом.

— Какую?

Эдуки оглянулась, посмотрела по сторонам.

— Говорят, на этой неделе начнут распахивать землю под виноградник. При ней я не хотела говорить. У Элефтера получилась неприятность с Борисом, мой рассказывал. Учитель Калистрат рвет на себе волосы...

Хатуна задумалась.

— Большая будет заваруха, увидишь сама! — настойчиво предсказывала Эдуки.

— Какая заваруха?

— Петюша сказал: Калистрат грозитя.

— Я ничего не понимаю в этих делах, Эдуки. Меня это не касается.

— А чего Калистрат лезет? Ну, скажи на милость, чего он суется?

— Не знаю, Эдуки, не знаю!

Эдуки поняла, что вдова не хочет высказать свое мнение, старается уклониться от ответа, тем не менее, она не отставала.

— Как все, так и я, — отрезала в конце концов Хатуна.

3

Павле и Шалико все глаза проглядели, ожидая мать.

Зурия уже давно пришел из кузницы, а Хатуны все не было. Пока малыши были одни, Павле сидел на полу около печки и переписывал в двухлинейную тетрадь «Сказку о блохе и муравье». Тетрадь лежала на табурете, чернильница стояла на полу. Тут же, рядом, маленький Шалва строил дворец из кукурузных початков, но лишь только он начинал возводить последний этаж, как башня разваливалась, и шелуха от початков сыпалась в чернильницу.

Из-за этого братья ссорились.

— Подвинь чернильницу! — крикнул Шалико. — Это мое место!

Павле не хотел уступать, и начиналась возня. Только с приходом нахмуренного Зурии братья уgomонились.

Павле взял свою чернильницу, тетрадь и книгу и перебрался к столу. Шалико же открыл дверцу печи и начал раздувать огонь.

Зурия по пути из кузницы зашел на мельницу, принес муку.

— Мать не приходила? — спросил он братьев, как только вошел в комнату.

— Нет, Зурия. А ты ее не видел? — в один голос откликнулись братья.

Зурия весь потный, опустил на пол мешок, снял с деревянной кадки старый поднос, служивший крышкой, и высыпал муку.

Шалва подбежал, схватился обеими руками за края кадки и заглянул внутрь.

— Мука, Зурия?

— Не видишь, что ли? — отстраняя малыша, прикрикнул старший брат. — Чем это вы тут занимались?

— Ничем, — обернулся Павле. — Я уроки готовлю, Шало играет...

— Приготовил уроки? А ну, покажи!

— Вот. — Павле протянул брату раскрытую тетрадь.

— Промакни, хочешь, чтоб размазалось?!

Павле промакнул.

— Кушали что-нибудь?

— Нет...

— Проголодались? — Зурия по-прежнему хмуро смотрел на Шалву.

— Мы маму ждали.

Зурия и сам был голоден, как волк, но кому он мог пожаловаться? Мальчик подошел к стенному шкафу, приоткрыл его.

Уцелели лишь два крохотных кусочка сыра и немного мчади. Зато сациви из рыбы, которое приготовила Хатуна вчера вечером к ужину, лежало нетронутым. «Сбегаю-ка, принесу хлеба», — подумал Зурия и собрался уходить, но вспомнил, что поздно и пекарня уже закрыта.

Он снял куртку и поставил на печку небольшие глиняные сковородки — кеци, потом разжег огонь.

Младшие братья стояли рядом и смотрели ему в глаза с беспокойством и морочений.

— Перелей воду в эту миску... Подожди, сперва принеси дрова, — обратился Зурия к Павле. — А ты, Шало, протри кеци, они, небось, запылились.

Не успел Зурия отдать распоряжения, как мальчики засуетились, наперебой стараясь угодить старшему брату.

Пока Шалико обтирал кеци, а Павле носил дрова, Зурия достал муки и, засучив рукава, начал просеивать ее.

— Ой, Зурия, оказывается тут нет воды! — воскликнул Павле.

Зурия вздохнул, поставил наполовину опорожненное сито на деревянный поднос, вышел из комнаты и с кувшином в руке спустился по лестнице. Братья смотрели в окно, надеясь, что вот-вот покажется и мать. Увидев ее, оба в один голос закричали:

— Мама идет!

Спрыгнув с подоконника, они выбежали во двор.

Хатуна разговаривала с Зурией у калитки. Увидев малышек, бросилась к ним.

— Ох и озорники же вы, небось, перевернули все вверх дном?!

— Нет, мам, мы тебя дожидались, — обиженно сказал Павле.

Хатуна наклонилась, поочередно прижала детей к груди.

— Значит не проказничали?

— Нет, только мы проголодались... — нахохлился Шалико.

— Ладно, ничего с вами не случится, сейчас будет ужин.

Хатуна переоделась и принялась хозяйничать у печки.

— Мама, а трубу достали? — деловито спросил Павле.

— Какую трубу, сынок?

— Трубу для насоса?

— Да, достали.

— Теперь вода по трубе течет до самого дома, да?

— Ага, течет.

— Завтра мы тоже пойдем с тобой туда.

— Завтра нет, там грязно. Растает снег, тогда...

— У-у! — захныкал Шалва.

— Цыц! — прикрикнула на него Хатуна. — Хочешь, чтобы дядя Исая тебе уши отрезал?!

В это время на балконе послышались шаги, и скоро вошел Зурия с кувшином на плече.

— Вот человек, не мог тряпку подложить! — упрекнула сына Хатуна, видя, как стекающая по пузатым бокам кувшина вода капает Зурии на плечо.

Мальчик, стараясь не показать усталости, легко поставил кувшин на пол.

— Разве ты сегодня не идешь в школу? — спросила Хатуна.

— Поем чего-нибудь и пойду.

— Тогда займись уроками, пока я испеку мчади... А Павле все выучил?

— Не знаю, говорит — все.

В подтверждение слов брата, Павле бросился к столу, раскрыл тетрадь и показал матери.

— Вот!

— А арифметика?

- Арифметику сейчас сделаю.
- Что же ты до сих пор делал?
- Шалико мне мешал!

— Врет он! — возмущенный до глубины души малыш не мог вынести такой клеветы: сжав кулаки он бросился на брата. Зурия разняла ссорящихся и долго пытался успокоить рассерженного Шалву и насупившегося Палико, который поглядывал в сторону матери, словно хотел сказать — смотри, как я умно поступаю: не связываюсь с малышом.

Почти совсем стемнело, когда дети, наконец, уgomонились.

Поужинав, Зурия надел куртку, сунул под мышку книги и отправился в школу. Хатуна уложила малышкой, но они долго не могли уснуть, потому что в коридоре ни на минуту не затихали шум шагов и разговор. Одни уходили, другие приходили, — наверное, Борис был в кабинете.

Сегодня Хатуна хотела во что бы то ни стало повидать председателя, чтобы договориться с ним о деревянных или даже металлических бочках, которые были так нужны строительству...

Борис собирался уходить, когда Хатуна, накинув на плечи шаль, постучала в дверь кабинета.

— Входи, кто там? — откликнулся Борис и, увидев Хатуну, встал.

— Здравствуй, Хатуна! Больно редкой гостией стала, хотя и живешь у нас под боком! — с этими словами Борис крепко пожал руку вдове Миндели, поставил стул для нее рядом со своим и вежливо предложил сесть.

— Я на минуту задержу тебя, Борис. Ты, кажется, собирался уходить... — извинилась Хатуна.

Кроме них, в комнате находилась еще счетовод Маргарита, которая сидела у покрытого сукном стола и, уткнувшись острым носом в какие-то бумаги, шелкала на счетах.

— Насос установили, — начала Хатуна, — а сегодня резиновый шланг принесла из Циплискар, пожарники одолжили...

— Видел. Вечером был на вашей стройке.

— Теперь у меня еще одна просьба, и если ты мне поможешь...

— Говори.

— Нужны бочки. Или деревянные, или железные — все равно.

— Для чего вам бочки? — вскинул брови Борис, и серповидные морщины на его щеках растянулись в улыбке.

— Чтобы запастись водой, — слегка смешалась Хатуна.

— А-а!

— Хотели яму вырыть, но, я думаю, не стоит. Это задержит нас дня на два. Вот если ты знаешь, где есть пустые бочки, то одолжи нам, как только кончим строить, вернем обратно.

— Гм, бочки... — Борис задумался и будто невзначай взглянул на раскрасневшееся от волнения лицо женщины, — в гвадилаурском марани есть у нас бочек пять-шесть, из-под медного купороса...

— Ну что ж, нам не для питьевой воды нужно.

— Возьмите, я не против.

— Спасибо тебе, Борис. Еще три железные бочки стоят перед кузницей... и те возьму, если...

— Это эмтеэсовские.

— Ну и пусть! Мы ведь не потеряем, а там они все равно без дела стоят.

— Ты посмотри на нее, какая она настырная!

— Не для себя ведь беру, — улыбнулась Хатуна.

— Еще что?
— Пока ничего. Если что понадобится, ты здесь.
— Тогда ты мне вот что скажи: как будем оплату труда производить?

— Труда? — Хатуна подняла глаза.
— Ну да. Ты ведь работаешь. Даром что ли?
Хатуна растерялась.

— Трудоднями рассчитаться с тобой или деньгами?
— Я не знаю, Борис, это ваше дело.
— Как это — наше дело? Тебе, может, лучше деньгами получить, решаю. Сделаем расчет...

— В других местах ведь есть детские сады, сколько там заведующие получают, столько же выдайте и мне. Какой тут особенный расчет требуется!

— Но ты ведь пока не заведующая?
— Как? — у Хатуны расширились глаза. — А мне Серго сказал...

— Серго... На должность заведующей не мы утверждаем, поняла? Мы хотим, чтобы тебя назначили, и будем поддерживать твою кандидатуру, но решение принимают другие.

У Хатуны сразу испортилось настроение. Она чуть не расплакалась.

— Что с тобой, — поспешил успокоить ее Борис, — обсудим это дело и все уладится...

— Чему уж тут улаживаться!

— Погоди. До начала мая, наверное, мы сад не откроем, а до открытия о назначении заведующей не может быть и речи. Чего доброго, нас на смех подымут, поверь мне... А сейчас ты работаешь на стройке. Поскольку работаешь, постольку должна что-то получать... Ну хотя бы, как подсобный рабочий, верно?

— Борис, ты шутишь?

— При чем тут шутки? — натянуто улыбнулся председатель.

Хатуна глотала слезы, не могла вымолвить ни слова.

— Послушай, чего ты плачешь, что я такого сказал? — обиделся Борис.

Хатуна опустила голову и концом наброшенной на плечи шали вытерла слезы.

— Эх, Борис, видно никогда не будет мне удачи.

— Все от тебя зависит.

Хатуна подняла полные слез глаза.

— А разве я не стараюсь?

Борис многозначительно улыбнулся и бросил взгляд на уткнувшуюся в ведомости Маргариту. Та, боясь пропустить хоть одно слово, жадно вслушивалась в их беседу, но для отвода глаз притворялась занятой своим делом и громко щелкала счетами, записывая на краешке четверго сложенной газеты какие-то цифры.

Желание Эленэ исполнилось. Воскресный день выдался солнечным. Снег растаял. Мокрая земля блестела. По виноградникам и дорогам с шумом текли мутные ручьи. Было настоящее весеннее утро.

Хотя в доме, в комнатах и первого и второго этажей, и даже на затененном огромным ореховым деревом балконе было еще довольно прохладно, на дворе солнце уже припекало всюду.

Мунджия выпустила в виноградник насадку с цыплятами, и те с радостным пискom расправляли только что оперившиеся крыльшки и выискивали выползших на поверхность земли червей и насекомых.

Элефтер проснулся поздно. Всю ночь у него болела голова, пришлось принять три таблетки пирамеина. Встав с постели, он первым делом хотел спросить о матери, но Мунджии нигде не было видно, а Эленэ, забыв обо всем, с увлечением готовилась к поездке в Циписикаро. Элефтер подумал, что если он спросит у Эленэ о здоровье матери, то жена сочтет это за намек остаться дома, и поэтому решил промолчать. Надев пижаму, он поднялся наверх и осторожно приоткрыл дверь в комнату матери.

Старуха не спала. Она лежала на спине и ее сморщенное, величину с кулак, лицо было обращено к двери.

— Мама, вы спите? — едва слышно спросил Элефтер.

— Входи, — словно из другого мира, донесся голос больной.

Элефтер на цыпочках приблизился к кровати. Почувствовав, что сын стоит возле нее, больная, не раскрывая глаз, левой рукой слегка коснулась края одеяла и тем же отрешенным голосом прошептала:

— Садись.

Элефтер огляделся — в комнате не оказалось стула. Тогда, по-прежнему ступая на носки, он вышел на балкон, оставив дверь открытой, взял из маленькой кладовки стул и снова вернулся к постели больной.

— Какая сегодня погода? — прохрипела мать.

— Хорошая, настоящая весна, — сказал Элефтер и осторожно, стараясь не шуметь, опустился на стул.

— Солнечная?

— Да, мама.

— Я чувствую...

— Почему у вас закрыты глаза?

— Мне так лучше.

— Открыть ставни?

— Как хочешь, мне все равно.

— Мне тоже все равно.

— Элефтер! — послышалось в это время со двора.

Элефтер приподнялся. Скрипнул стул.

— Кто это? — спросила больная.

— Эленэ... Моя жена.

— Иди сюда, Петре пришел! — крикнула Эленэ, когда Элефтер появился на балконе.

— Сейчас, пусть подождет.

— Что ей нужно? — спросила больная вернувшегося Элефтера.

— Петре, говорит, пришел... Миротадзе.

— Ты не очень приучай его к дому... Ненадежный он человек, как и его отец. Тот крест продал...

— Крест?

— Крест... Христов крест... с церковной колокольни...

— Хорошо, мама.

— Почему ты ко мне не приходишь?

Элефтера бросило в холодный пот.

— Жена не пускает? — голос больной упал до шепота.

— Не пристало вам, мама, так говорить... — торопливо проговорил Элефтер, ерзая на стуле.

— Ничего... Я ни в чем не виновата... Она тоже... Никто не виноват.

Элефтер мучительно думал, но не смог угадать скрытого смысла материнских слов, и только проговорил чуть слышно:

- Никто не виноват, мама...
- Правда, никто, — согласилась больная.

Оконные стекла задребезжали: кто-то поднимался по лестнице. Элефтер привстал. На балконе показался раскрасневшийся и словно еще более похудевший Петре.

— Доброе утро, кум! — он поздоровался срывающимся то ли от усталости, то ли от волнения голосом и снял башлык. — Надеюсь, все в порядке?

Не дожидаясь ответа, Миротадзе вошел в комнату и подошел к постели больной.

Увидев, что старуха еще дышит, он оживился.

— Здравствуй, тетя Эбе! Как ты тут, так и лежишь все время?

— Мама спит, — приложил палец к губам Элефтер и встал.

На лице Петре опять появилось выражение озабоченности. Он с сожалением покачал головой, еще раз посмотрел на постель и повернулся к двери.

— Что говорит врач? — спросил он Элефтера, когда тот нагнал его на последней ступеньке лестницы.

— Серго приходил позавчера и...

— Эх, удивляюсь я тебе, Амберкич! Что понимает Серго? Нашли тоже врача! Вчера он сделал укол Эгнатэ, так чуть не сломал иглу. Мне ли учить тебя? Из района надобно привезти кого-нибудь.

— Привезем, конечно, если будет нужно.

— Вы, кажется, в Циплисцкаро собираетесь?

— Да вот, Эленэ посмотреть хочет.

— А что, хорошая мысль! Но сегодня воскресенье?

— Что делать, в рабочий день мне некогда.

— У меня тоже кое-какие дела в Циплисцкаро, так что возможно я догоню вас.

— Что ж, будет неплохо.

— Вы сейчас идете?

— Да. Вот только оденусь.

— Тогда я сбегаю, кликну Эдуки.

— Давай. А приходил зачем?

— Так, дело было, но...

— Говори.

— Нет, в другой раз.

— Эленэ! Костюм почистили?

— Все готово, только одевайся скорее, жарко становится! — крикнула из комнаты Эленэ.

— Ладно, Петре. Если не хочешь сейчас говорить, отложим до другого раза, — сказал Элефтер и пошел к дому. — Эленэ, подай-ка полотенце!.. Чего она у входа развалилась, окаянная! Джалхана, пошла отсюда!

Собака нехотя поднялась, прошла мимо Петре и легла в тени дома, у лестницы. Эленэ вынесла чистое полотенце и, увидев, что Петре уже ушел, вполголоса спросила мужа:

— Он тоже идет?

— Не знаю. Говорит, да. Почему в мьельнице нет мыла?

Эленэ засуетилась, побежала за мылом, торопливо налила воды в рукомойник.

Всю дорогу Элефтер и Эленэ шли молча.

Солнце стояло в зените и припекало горячо, как в июле. Зелень ранних всходов пшеницы казалась еще ярче на фоне легкой дымки пара, который поднимался с освободившейся от снега земли.

— Неужели нигде нет тени, Элефтер? Отдохнуть бы... — вырвалось у изнуренной жарой Эленэ.

— Внизу родник. Видишь, там, где акации, — ответил Элефтер.

— Что с тобой? Почему ты такой хмурый?

— Жарко.

— Сними пиджак.

У родника отдыхали возвращающиеся с базара женщины. Разувшись, они сидели в негустой тени акаций и тихо беседовали.

Издали заметив идущих в сторону Циплискарро мужчину и женщину, они быстро вскочили, надели чусты и собрались уходить.

— Не беспокойтесь, — поспешила остановить их подошедшая Эленэ, — мы здесь все поместимся!

— Что правда, то правда, — улыбнулись в ответ женщины.

— Хороший у вас родник! — сказала Эленэ.

— Да, хороший родник.

Эленэ подошла к воде. Кто-то вытащил из узелка кружку и быстро протянул ей.

— Спасибо, милая!

Элефтер посидел около родника, потом встал и, не оборачиваясь, пошел по дороге. Женщины продолжали болтать.

«Теперь ее не сдвинешь с места!» — желчно подумал Элефтер о жене.

— Ты что так спешишь? — проговорила Эленэ, догнав нарочито медленно идущего мужа.

Элефтер, не останавливаясь, молча взглянул на жену.

Они миновали пекарню. Направо виднелось белое здание железнодорожного вокзала, которое когда-то было единственным трехэтажным домом в Циплискарро. На путях стоял поезд. Оттуда доносилось сопение паровоза и изредка свист. На центральной улице было жарко и пыльно. Поминутно взад и вперед сновали легковые машины и грузовики. Позади высоких крыш домов, образующих улицу, с шумом текла разлившаяся после таяния снегов Лухунья.

Пока дошли до моста, они встретили нескольких знакомых. Элефтер спохватился, что жена идет позади, и замедлил шаг. Эленэ догнала его и взяла под руку.

— На базар зайдешь? — спросил Элефтер.

— Зачем?

— Посмотришь, какой базар, может купишь что-нибудь.

— Мне ничего не надо. Я хочу остаться с тобой вдвоем. Только вдвоем!

— Нашла время!

Они шли по мосту.

— Как прибыла вода! — воскликнула Эленэ.

Элефтер посмотрел вниз. Мутные волны с грохотом катились одна за другой. Река вышла из русла, захлестнула каменистый берег и затопила дорогу, ведущую на базар. Несколько мальчишек с закатанными штанами перевозили на крошечных лодках желаящих переправиться с одного берега на другой.

— Ой, боюсь! Я не сяду в такую лодку! — сказала Эленэ, прижимаясь к плечу мужа. Элефтеру стало неловко, и он отодвинулся.

— Что ты делаешь, с ума сошла! Неудобно, кругом люди.

Эленэ игриво улыбнулась.

В лодке оказалось одно свободное место, и мальчишка-лодочник предложил его Эленэ.

— Мы вместе переедем, — отказался Элефтер.

Они сели в следующую лодку.

Пока плыли вблизи берега Эленэ не было страшно, но когда она почувствовала под лодкой глубину воды, то ухватилась обеими руками за Элефтера.

— Если бы ты тонула и я подплыл к тебе на помощь, вот так и ухватилась бы за меня? — тихо спросил Элефтер.

Эленэ дрожала.

— Потонули бы оба, — невесело усмехнулся Элефтер.

— А ты не хотел бы утонуть со мною вместе?

Тем временем лодка подошла к берегу. Эленэ первая ступила на землю.

— Посмотри, как бьется сердце! — сказала она, беря руку мужа и прикладывая ее к груди.

— Эленэ, я не узнаю тебя сегодня!

— Какой простор! — чтобы скрыть свое смущение, сказала Эленэ и обвела взглядом уходящую вдаль реку. — Похоже на Алазанскую долину, не правда ли?

— Куда мы идем? — спросил Элефтер.

— Пойдем по этой дороге, мне кажется, что я в Алазанской долине! — с непривычным возбуждением ответила Эленэ. — Куда она ведет?

— В Картли.

— Далеко отсюда до Картли?

— Наверно. За теми вон горами. Может зайдем на базар?

— Зачем нам базар, разве здесь не лучше? Не хочу видеть людей. Хочу, чтобы только ты был со мной, только ты!

Они подошли к небольшому ручейку, впадающему в Лухунию.

— Почему здесь вода такая прозрачная? — изумилась Эленэ.

— Фильтруется сквозь песок.

— Ее можно пить?

— Конечно. Поблизости нет других родников. Хочешь пить?

— Нет, так просто спросила.

Когда они перешли через ручеек, Эленэ заметила стоящий в стороне бревенчатый дом. Это оказалась мельница.

— Когда-то наша была, — вполголоса проговорил Элефтер.

Неподалеку от мельницы, там, откуда доносился гул воды, стояли две пары быков, связанные между собой веревкой, и жевали солому. Хозяева расположились возле самой мельницы и курили.

— Хорошо, что Петре нет с нами, — нарушила молчание Эленэ.

Элефтер старался найти тему для разговора с женой, но ничего не получалось.

— Куда теперь пойдем? — устало спросил он, когда они уже отошли на большое расстояние от берега Лухунии.

— Элефтер, — начала Эленэ, не обращая внимания на его вопрос. — Я кое-что хочу сказать тебе. Можно?

При этих словах она взяла его под руку и заглянула в глаза.

Элефтер с вялым любопытством посмотрел на нее.

— Ты был бы счастлив, если бы сейчас по этой дороге мы шли втроем?

— Как это втроем?

— Ну, я, ты и наш сын...

— Эх, скажешь тоже! — махнул рукой Элефтер.

— А что?..

— Элико! Ты сегодня меня с ума сведешь!

— Давай посидим здесь, — Эленэ потянула мужа к обочине дороги.

— В такую жару?

— Подумаешь, жара! Я что-то хочу тебе сказать.

Почти не скрывая своего недовольства, Элефтер сел на камень.

— Помнишь, когда мы в прошлый раз говорили о Хатуне Миндели?

— Помню, и что же? — Элефтер удивленно взглянул на жену, стараясь угадать, к чему она клонит.

— Поверишь ли, такой приятной женщины я еще не встречала, — продолжала Эленэ.

— Это твои причуды, — нехотя возразил Элефтер. — Вам, женщинам, свойственно восторгаться друг другом.

Эленэ, видимо, собралась сказать что-то важное, но никак не решалась. Наконец, преодолев смущение, она начала:

— Одинокая она женщина, трое детей у нее...

— Ну? — пристально посмотрел ей в глаза Элефтер.

— Усыновим ее младшего мальчика, — проговорила Эленэ и облегченно вздохнула. То, о чем она давно уже мечтала, было высказано. Теперь не было пути к отступлению.

Элефтер задумался.

— Ну, чего же ты молчишь? — Эленэ прижалась к мужу и обхватила рукой его шею.

Элефтер с минуту подумал, потом покачал головой и решительно сказал:

— Прошу тебя, об этом со мной больше не говори.

— Почему? — Эленэ почувствовала прилив решимости, так как поняла, что отступать уже нельзя.

— Из этой затеи ничего не выйдет!

— Почему не выйдет? Я сама пойду и попрошу ее. Ребенка мы ведь никуда не увозим! Когда захочет, всегда сможет повидаться...

— Главное не это!

— А что же?

Элефтер замолк, жена не отступала.

— А если я договорюсь с ней, ты не будешь против?

— Не знаю.

— Не знаю, не знаю! Отвечай, мне необходимо твое согласие.

— Мое согласие делу не поможет.

— Раз так, раз ты согласен, — расхрабрилась Эленэ, — остальное я сама знаю! Женщина с женщиной всегда найдет общий язык.

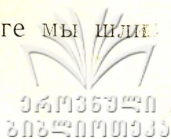
— Я боюсь, как бы ты не поставила себя в неловкое положение.

— Я не боюсь! Увидишь, что уговорю ее!

Элефтер сидел на двигаясь и смотрел на канаву, тянувшуюся вдоль дороги. Эленэ срывала травинки, которые росли около нее.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда они повернули назад.

Эленэ шла и мечтала. Она даже не заметила, когда при переправе через Лухунию лодка внезапно накренилась, и пассажиры чуть было не попадали в воду.

У родника их дождался возвращавшийся с базара Петре Миротадзе. Рядом сидела его отрада и гордость — маленькая Лали, в косички которой, как обычно, были вплетены пестрые лоскутки. Эленэ порывисто кинулась к ребенку, чем доставила Петре явное удовольствие. Лали, капризная, ласкалась к отцу, но Эленэ, жаждавшая детского тепла, все-таки добилась ее внимания и не отпускала девочку от себя, пока они не подошли к кузнице Захара.

Мужчины, о чем-то беседуя, шли сзади. Временами слышались громкие восклицания Петре.

Чем ближе Эленэ подходила к дому, тем грустнее становилось у нее на душе. Из калитки, виляя хвостом, выбежала Джалхана. Мунджия, обозленная на весь свет, размахивая хворостинкой, загоняла наседку с цыплятами в курятник.

6

Эленэ немедленно приступила к делу. На другой же день, как только стемнело, она оделась, знаком объяснила суетившейся у камина Мунджии, что идет в село, и уже уходя еще раз заглянула в висевшее на стене зеркало. Настроение у нее сразу испортилось. Она вдруг вспомнила вчерашнее предупреждение Элефтера, его нерешительность. К тому же ей показалось, будто она одета наряднее, чем это было нужно. Эленэ стала неторопливо раздеваться.

«Но что же одеть?» Она долго копалась в шкафу. Наконец нашла гладкое шерстяное платье с глухим воротом, которое она сшила три года назад и которое, как ей казалось, не привлекало к себе особого внимания. Поверх платья накинула шаль Мунджии и вышла из дому.

Приход такой гостьи был для Хатуны совершенной неожиданностью. Павле и Шалико, застеснявшись, спрятались за мать. Зурия сидел за столом. Он хлебал ложкой горячий суп, заедая его хлебом и аппетитно причмокивая. Увидев Эленэ, мальчик встал, но он был так голоден, что снова сел спиной к взрослым и продолжал есть.

Вежливо улыбаясь, Хатуна предложила гостье стул. Однако Эленэ не торопилась сесть. Она сразу же стала возиться с малышами — поймала одного, потом второго и раздала им конфеты.

— Ну зачем вы беспокоились, уважаемая Эленэ, право же, это ни к чему... А вы, бесенята, хоть спасибо скажите! — смутилась Хатуна. — Зури, сынок, как ты сидишь, повернись!

— Пусть сидит ребенок, Хатуна. Дай ему поесть!

— Какой он ребенок, скоро бриться начнет!

Зурия опустил голову, чтобы скрыть зардевшееся лицо, и подошел к подоконнику, где лежали его книги.

— Уже уходишь? В школу идет, — пояснила Хатуна.

— В вечерней школе учиться? Молодец мальчик! — сказала Эленэ и села.

— Молодец-то, это верно, только трудно ему. Я мало чем могу помочь, вот он и предоставлен самому себе... А эти малыши тоже целыми днями одни. В полдень забегу домой, сидят, как кукушки. Пока Палико не придет из школы, Шалва совсем один. В будущем году и его пошлю в школу, — взглянула на малыша Хатуна. — Спрячь конфету, потом развернешь!

— Какой славный, какой милый мальчик! — с бьющимся сердцем проговорила Эленэ, не сводя глаз с Шалвы. — Подойди, сынок, я тебе помогу развернуть конфетку. Хатуна, сколько лет этому малышу?

— Нынешней осенью шесть исполнится, — улыбнулась Хатуна.

— А Зурии?

— Зурии шестнадцатый пошел...

— Неужели? Сколько же тебе лет, Хатуна?

— Мне? — она горько усмехнулась. — Зачем спрашивать о моем возрасте, если он теперь для меня не имеет значения.

Эленэ посмотрела на нее. «А ты это искренне говоришь? Не поверю!»

— Шоколад! — напомнил о себе Шалва.

— Ой, миленький! — Эленэ взглянула на оставшийся у нее в руке шоколад и начала заигрывать с ребенком: — А не боишься, что не дам?

— Ты ведь сама мне подарила?!

— Разве так можно отвечать? — обняла малыша Хатуна и прижала к груди. — Тетя Эленэ скажет, что у тебя плохая мама, не научила вежливости.

Зурия собрался уходить. Эленэ с нетерпением ждала его ухода. Она уже не раз видела первенца Хатуны и почему-то недолюбливала его.

«Интересно, в кого он такой бирюк? — думала Эленэ. — Мать у него — ангел!»

Женщины остались одни, если не считать малышей, которые с увлечением что-то рисовали, ели шоколад и ни на кого не обращали внимания.

В маленьком чугунном котелке, стоявшем на печке, что-то булькало. Хатуна иногда подходила к нему и будто невзначай в него заглядывала.

«Кажется, я пришла в неурочное время, они еще не ужинали, — думала Эленэ. — Посижу еще немного и уйду. Такой разговор нельзя начинать с налета».

Хатуна сгорала от стыда, что ей придется отпустить гостью без угощения, хотя кое-какие продукты в доме были.

— Уважаемая Эленэ, — произнесла она наконец, — вы впервые посетили мой дом, а у меня нет ничего достойного вас... Если вы немного подождете, я испеку хачапури, и мы выпьем чаю... Я быстро, вы только не скучайте...

Просьба Хатуны была так трогательна и искренна, что Эленэ не могла отказать, хотя и упрекнула хозяйку:

— Я еще не раз зайду проведать детей. Так что же, ты каждый раз будешь печь хачапури?

— Вовсе нет, только сегодня! — простодушно улыбнулась Хатуна. Она легко забегала по комнате, словно весь день только и делала, что отдыхала.

— Раз так, я тоже помогу тебе, — встала Эленэ.

— Ой, что вы, мне только осталось разделить тесто.

Услышав, что мать будет печь хачапури, мальчики наострили уши. Женщинам стало смешно.

— Избалованы они у меня, — ласково глядя на сыновей говорила Хатуна. — Палико, детка, отодвинь котелок в сторону и поставь чайник, только быстро!

— Чаем я займусь! — прежде, чем Павле успел вскочить со стула, Эленэ нагнулась и схватила мокрый кувшин.

— Поживее, сынок, неужели гостья должна беспокоиться?

— А мне скучно без дела сидеть, подумаешь, беспокойство какое!... Тебе пишут из дому, Хатуна?

— Сегодня как раз получила письмо от соседа. Нехорошие вести: отец, оказывается, заболел.

— Давно?

— Не знаю, лежит он. Вот подожду еще немного и, если не будет никаких вестей, поеду, другого выхода нет.

В это время в коридоре раздался громкий топот, и кто-то с силой толкнул дверь.

Все обернулись.

Каково же было удивление Эленэ, когда в комнату ворвалась Мунджия.

Не обращая никакого внимания на Хатуна, немая подлетела к Эленэ и, отчаянно жестикулируя, стала что-то мычать. Дети, испугавшись, прижались к матери. Немая улыбнулась им какой-то вымученной улыбкой, словно желая сказать: я, мол, совсем нестрашная, не надо меня бояться, и протянула Эленэ сложенный вчетверо листок из тетради.

«Приходи скорее, — писал Элефтер, — матери очень плохо».

Мунджия стояла с таким жалким видом, словно нищая на паперти, и глотала слезы. Как только Эленэ кончила читать и посмотрела на немую, та закрыла лицо руками и громко завывала.

Хатуна растерянно смотрела то на Мунджию, то на побледневшую Эленэ.

— Успокойся, — с трудом выговорила она, — свекрови плохо, да? Эленэ ничего не ответила и выбежала из комнаты.

— Не бойся, Эленэ, я тебя сейчас догоню! — крикнула ей вслед Хатуна и схватила кувшин, чтобы ополоснуть руки.

Дверь осталась открытой. В комнату заглянула счетовод Маргарита.

— Что случилось, Хатуна?

— Матери Элефтера плохо! — поспешно ответила Хатуна. — Маргарита, будь добра, присмотри за детьми, я скоро приду!

— Мама, куда ты? — вырвалось у перепуганного Шалвы.

Не ответив сыну, Хатуна накинула шаль и выбежала вслед за Эленэ. Уже у ворот она замедлила шаги: ей пришло в голову, что нужно кликнуть Миротадзе.

Через несколько минут она очутилась возле знакомой калитки. В окнах света не было. Очевидно, хозяева уже спали.

— Эдуки! — позвала Хатуна.

Под террасой затыкала собачонка.

— Эдуки! — теперь уже громче крикнула Хатуна. Послышался шум, в доме что-то упало. Спустя мгновение, зажегся свет и на террасу вышла полуодетая Эдуки.

— Кто там? — отозвалась она сонным голосом.

— Это я, Хатуна... Эдуки, дорогая, сейчас же одевайся и пойдем к Элефтеру, кажется с его матерью что-то стряслось.

— Вай, что ты говоришь, убей меня бог! Сейчас, сестрица, сейчас иду, Хатуна!.. Петюша! Вставай скорей, у Элефтера в доме беда!

— Какая беда?

— Эбе, кажется, помирает!

— Нашла тоже время!

— Вставай, чтоб тебе провалиться, не срами меня! Хатуна ждет!

— Эдуки! — снова позвала Хатуна.

— Да, Хатуна?! Сию минуту, сию минуту, Хатуна, оденемся только и прибежим. Ты иди!

— Может вашего мальчика пошлете за Серго, я бы сама пошла, но Ушанги быстрее добежит.

— Вай, горе мне, а мальчика-то дома нет! Но ничего, пошло Петюшу!

В ответ послышалось ворчание Петре, но Хатуна не стала больше слушать и бросилась бежать.

7

Хатуна опоздала. Когда она добежала наконец до дома Лашхи, все уже было кончено. Из комнаты покойной доносились глухие завывания Мунджии. Хатуне стало не по себе от этого воя, и она даже не заметила ошетинившуюся Джалхану, которую в суматохе забыли запереть. Собака лежала под забором и злобно рычала на всех, кто проходил мимо. Хатуна решительно отперла калитку и направилась к освещенной террасе.

На балконе второго этажа показался Элефтер с непокрытой головой. Увидев Хатуну, он направился к лестнице.

Неожиданно со стороны амбара, где была небольшая калитка, ведущая в виноградник, послышался треск.

Джалхана вскочила и с лаем кинулась туда.

— Осторожнее, собака не привязана! — крикнул Элефтер уже спустившись во двор и вместо того, чтобы подойти к Хатуне, бросился за Джалханой.

Собака на кого-то яростно кидалась, а тот отбивался от нее, стараясь производить как можно меньше шума.

— Что случилось? — послышался Хатуне знакомый, чуть хриловатый от усталости голос, когда собака, наконец, унялась и отошла в сторону.

— Матери у меня больше нет, — сказал Элефтер.

К террасе подошел учитель Калистрат, едва заметным кивком головы поздоровался с Хатуной.

Хатуна слышала, что Калистрат и Элефтер в ссоре друг с другом.

«Интересно, почему он пришел сюда?» — думала женщина, пока Элефтер выносил из комнаты стулья и молча расставлял их на террасе. Он уже собирался сесть сам, но вспомнил про привязанную собаку, тихо извинился и вышел во двор. Через минуту оттуда послышались его тяжелые шаги и жалобное повизгивание Джалханы.

— А как вы узнали, дядя Калистрат? — спросила старика Хатуна, не в силах вынести наступившей тишины.

Калистрат, словно очнувшись ото сна, поднял голову:

— Я услышал крик...

— А я дома была, Эленэ как раз зашла к нам... вдруг прибежала немая... Пока мы добежали сюда, она уже скончалась.

— Все там будем. Ей еще повезло, что у ее постели сын стоит, глаза ей закрыл... Иные помрут так, что...

Хатуна бросила взгляд на Калистрата.

— Так и будем сидеть? — спросил старик.

— Не знаю... — смешалась Хатуна.

Вошел Элефтер и, скрестив руки на груди, остановился у лестницы. Калистрат подвинул ему стул.

Внезапно на дороге раздались чьи-то вопли. Все трое вздрогнули от неожиданности, так резко прозвучал этот крик в тишине. Распустив волосы и громко причитая, в ворота вбежала Эдуки

и направилась к освещенной террасе. Она то издавала вопли, то исподтишка, опасливо оглядывалась по сторонам: не отвязана ли собака, и лишь когда убедилась, что Джалханы нигде нет, принялась кричать и причитать изо всех сил.

Элефтер растерялся. Не зная, что предпринять, он слонялся из угла в угол.

Эдуки уже добралась до террасы. Не обращая внимания на присутствующих, она пошла прямо наверх.

Элефтер не мог больше выдержать. Он подошел к Хатуне и вполголоса сказал:

— Скажи ей, чтобы она не кричала так... Чего кричит...

Ему стало страшно. Матери больше не было... Элефтеру казалось, что прошло очень много времени с тех пор, как матери не стало, хотя она умерла сегодня. У него давно уже был пуст тот уголок сердца, где когда-то хранился ее образ, но теперь не стало и того, что существовало вне его сердца, того, что так или иначе называлось матерью и как-то влияло на его жизнь, вызывая в нем робость и почтение...

Теперь матери больше нет, теперь ее действительно нет, но робость и почтение остались в душе Элефтера.

Последнее время Элефтер избегал матери, боялся оставаться с ней наедине. Он прекрасно понимал, что не мать была в этом виновата, а он сам, но в чем заключалась его вина, — этого он никак не мог понять.

Теперь мать лежала там, наверху. Все счеты с жизнью у нее уже были кончены, и с нее нечего было спрашивать.

Элефтер стоял опустив голову. Он ничего не видел вокруг себя, только слышал, как наверху глухо рыдала Мунджия, а внизу тихо перешептывались пришедшие посочувствовать соседи.

Продолжение следует

ИЗБУШКА

Она стоит, как бы подкошена,
Она заброшенно вздыхает.
Над ней одни витают коршуны.
А жизнь поодаль гроыхает.

Грустит изба о нашем говоре,
Как позабытое преданье.
А там — такие песни в городе,
Такие каменные зданья.

Она шатается на режущем
Ветру, среди дерев отцветших.
А ведь была она убежищем
Для самых первых из пришедших.

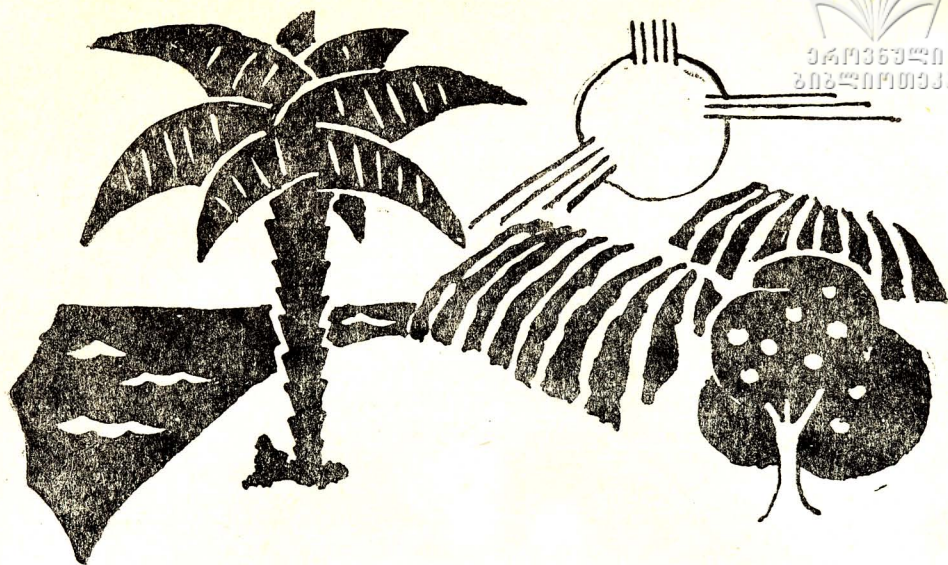
А ведь была работникам
Приютом верным и хорошим —
Тем землекопам или плотникам,
Порой усталым и продрогшим.

А нынче никому не нужная
Она стоит. И похоронно
Чернеют в ней под вопли вьюжные
Одни замерзшие вороны.

А я бы все ж в музее выделил
Ей подобающее место.
Она так много стужи видела,
Она достойна, чтоб согреться.

Перевод с грузинского Вл. Соколова

Мамия Асатиани

Виноградные гроздья

Из записной книжки

Перевод с грузинского М. Эсакия

Рис. Р. Кони

Кажется, будто в Аджарии небо ближе к земле, чем повсюду. Густая лазурь — не только на небе, она покрывает каждую пядь аджарской земли, стирая на горизонте грань между сушей и небосводом. Порой облака прозрачной пеленой затягивают небо над Аджарией. Прольются потоки воды на зелень полей и плантаций, или светлый дождик окропит своими каплями апельсиновые и мандариновые сады. Облака

пронесутся дальше своими неведомыми путями, лучи жаркого солнца зальют зеленые холмы Аджарии — и снова над миром господствует один цвет, одна краска — лазурь. Лазурное море омывает лазурные берега, и все это осенено лазурным пологом неба. Попробуйте, отыщите границу между морем и сушей, между землей и небом, между воздухом и водой!

Потому, наверно, небосвод над

Аджарией и кажется таким низким и недалеким.

Было время, когда вся красота этого края принадлежала лишь небольшой кучке избранных — «верхи общества» проводили здесь время в гулянках и кутежах, строили в живописных уголках дачи, катались на собственных яхтах, сажали сады, охотились на дичь, которой столь богата здешняя земля. Было это время — и прошло.

Сейчас в горы и доли, в леса и сады пришел подлинный властелин — трудящийся человек. Богатство и изобилие стали достоянием их создателей. Я хочу вас познакомить с некоторыми из них. Вот Исафил Сурманидзе, председатель Урехского колхоза, и колхозница этой артели Шушана Девидзе.

Шушана — самая обыкновенная девушка. Только приглядевшись, замечаешь умный внимательный взгляд ее больших, янтарного цвета глаз и улыбку — скупую, застенчивую, но такую, что озаряет светом и радостью все кругом.

Я впервые увидел ее, когда она со своими подругами сортировала чайный лист.

Свежесобранные зеленые листья чая высились на оструганном добела длинном досчатом столе небольшими, величиной с годори,¹ снопами. Тут же возле стола стоял и бригадир Дурсун Варшанидзе. Собственно говоря, он не просто стоял рядом, а, закатав рукава, работал, помогая сортировщицам.

Солнце обволокло все кругом пыльно-золотистой пеленой. Тяжелая, удушливая жара легла на землю. В дощанике, где сидели девушки-сортировщицы, было не намного прохладнее, чем на дворе. В углу стоял большой глиняный кувшин с родниковой водой, рядом, на блюдечке, — граненый стакан с мерцающими таинственным фосфорическим светом жемчужными каплями на гранях. Видно, из него только что

¹ Годори — плетеная из прутьев корзина.

пили, и влага еще не успела испариться.

Девушки с интересом разглядывали нас. Мы очень удивились, услышав, что они знали почти всех из нашей писательской группы если не в лицо, то по произведениям. Хотя, говоря по правде, удивляться было нечему — культура прочно проникла в село. Молодежь села Урехи славится не только своими трудовыми делами, но и тягой к образованию. Только за последний год среднюю школу окончило 22 человека, и все остались работать в родном колхозе.

Дареджан Гучманидзе, окончив восьмилетку, стала работать в колхозе, в то же время продолжая заочно учиться. Ее ближайшая подруга Лиана Шавлидзе тоже успевает совмещать учебу с трудом. Теперь она учится в одиннадцатом классе и скоро получит аттестат зрелости.

Комсомолки Лили Варшанидзе, Натэла Партанидзе и Тунтули Диасамидзе, трудясь в родном колхозе, в то же время заочно учатся в вузах.

Я поинтересовался, каковы их успехи в учебе. Исафил Сурманидзе улыбнулся и сказал:

— У них все первого сорта: и собранный чай, и отметки.

Дареджан, например, выполняет в день две-три нормы по сбору чая. Это тонкая и гибкая, как ветка орешника, девушка, чуть выше среднего роста. Ее светло-карие, медового цвета, глаза смутили покой многих здешних парней. И, конечно же, ни одна мамаша в селе не отказалась бы ввести в дом такую трудолюбивую, красивую и обходительную невестку.

Шушана Девидзе выделяется среди подруг — она может собрать в один день столько чая, сколько приходится по норме на пять-шесть человек. В мае и июне она только деньгами получила за свой труд по пять тысяч рублей (в старом масштабе цен).

Я обратил внимание на вертев-

шуюся поблизости девочку, лет десяти-двенадцати, с черными, горящими любопытством глазами.

— Меня зовут Эминэ, фамилия Бахтадзе, — стремительно обернулась она на мой вопрос.

— Эминэ, ты тоже сборщица? — спросил ее один из нашей группы. Девочка обиженно стрельнула глазами в сторону девушек, остановила взгляд на бригадире, шмыгнула носом и проговорила:

— Не пускают меня на плантации. Подрости, говорят, сперва.

Все засмеялись.

— Чего ты торопишься, не понимаю, — вмешался в наш разговор Исафил. — Подожди лет пять, а там — пожалуйста, милости просим!

— Пять лет! — возмутилась Эминэ. — А пока...

— А пока — учись. Какие у тебя еще дела.

Девочка не на шутку расстроилась и со слезами на глазах стала убеждать непреклонного председателя:

— Я и так учусь, небось, сами знаете — у меня все пятерки, а еще говорите...

Кругом опять засмеялись — не обидно, по-дружески. Но Эминэ махнула рукой, волчком завертелась на пятке и стрелой умчалась, вконец разобиженная.

Мы снова обернулись к нашему гиду и путеводителю — председателю колхоза.

— Нынешний год оказался для сборщиков чая очень удачным... Каждое утро на чайных кустах, ровными рядами усеявших склоны холмов, появляются новые росточки. Проклюнутся на рассвете два новорожденных листика, взглянут робко на солнце и разойдутся в стороны, как концы шелкового банта в девичьей косе. Тогда и нужно сорвать эти листочки, не упустить срока, иначе зарубеют они, станут шершавыми, как древесная кора, потеряют качество, — объясняет нам Исафил Сурманидзе.

А я смотрю вокруг и думаю:

«И впрямь небо здесь кажется так близко к земле, что даже бросает на нее лазоревый отблеск».

...Наша машина мчится по направлению к Сарпи. Шоссе грузно переваливается с холма на холм, сбегает в низины. Судя по всему, дорогу недавно расширили. Она убегает вдаль, оставляя за собой по обе стороны мандариновые и апельсиновые сады, чайные плантации.

А внизу — море, огромное, спокойное, синее. Ни одна волна не нарушает его величавого спокойствия. Разве только чайка, стремительно спикировав на морскую гладь, чиркнет с разгона крылом по морю и оставит за собой белопенный бурн.

Машина упрямо взбирается вверх по крутой спирали шоссе. Море отступает все дальше и дальше. Пронесли мимо устремленные ввысь развалины старой Гонийской крепости, окруженные зубчатой кромкой скал, словно крепостной стеной. Отсюда, от Гонио, отправлялись некогда богатые караваны к берегам Греции и Римской империи. Здесь грузили корабли обтесанными бревнами ореха, дзелквы и вербы, тюками шелковых тканей, которыми славилась Грузия. Отсюда отправлялись в дальний путь в монастыри Греции и Иерусалима жаждущие образования юноши-грузины, и последним видением родной земли таяла вдали чудесная лагуна, на которой стояла крепость Гонио.

Отсюда начал, должно быть, свое далекое путешествие в чужие страны Шота Руставели, и к этой пристани причалил после долгих странствий Сулхан-Саба Орбелиани, и сердце его было сокрушено бесплодным хождением ко двору Людовика XIV, равнодушного к бедам Грузии.

Сарпи раскинулось прямо в середине широкой подковы морского залива. Даже на всем Черноморском побережье, прославленном

своей красотой, трудно найти место красивее Сарпи. Синее-пресинее небо мечет солнечные лучи до самого морского дна. На прибрежной полосе, собранные многовековой работой волн, перламутром переливаются морские камешки. Полого уходят вверх плавные склоны холмов, где изумрудная зелень садов к осени пронизывается зрелой желтизной цитрусов — апельсинов, мандаринов, лимонов. Шелестят листья в садах, шелестят, набегаая на берег, морские волны. И когда стоишь здесь, прислушиваясь к этому равномерному шуму, мысли уносятся ввысь, устремляются куда-то далеко-далеко...

Село Сарпи разделено на две части. С одной стороны — двухэтажное здание школы, колхозная контора, одинаковые, как близнецы, утонувшие в зелени садов и по вечерам расцветенные лампочками двухэтажные дома. Совсем иное — на другой стороне: там царит бедность и нищета. Разница особенно бросается в глаза, когда стемнеет и в селе по эту сторону залива дружно загораются электролампочки, тогда как на той стороне чуть заметно мерцают в окнах тусклые лампадки.

Молодой колхозник Нодар Вахидзе рассказал нам:

— Там живет семья моей тети, сестры отца. Мы уже давно не видим друг друга, не знаем своих родственников.

Невидимая межа делит надвое не только село, но и семьи, судьбы...

Нам пора покидать Сарпи. Сегодня в селе Ахалшени Батумского района торжество — открытие Дома культуры. Мы отправляемся туда.

Село большое — до тысячи домов. А такого Дома культуры я не видал даже в городах. Выстроен он по проекту Кемала Бурчуладзе. Двухъярусный зрительный зал имеет семьсот мест, сцена — просторная, благоустроенная, своды украшены оригинальным грузинским орнамен-

том. В самой вышине, там где сходятся арочные полукружья, художник изобразил лозу с тяжелыми спелыми гроздьями винограда. Три с лишним столетия грузинским крестьянам запрещалось растить здесь лозу, сажать виноград. А теперь Кемал Бурчуладзе вспомнил вековую мечту здешних людей и изобразил виноградные гроздья на своде выстроенного им Дома культуры как символ возрожденной жизни.

Председатель колхоза Александр Вердзадзе показал нам у себя во дворе лозу древнего сорта — качичи. Потом дал нам испробовать вино из этого винограда — нежное, тонкое, как изабелла, но более душистое и терпкое.

Теперь в Аджарии виноградники попадают все чаще и чаще — после долгих мытарств и гонений лоза возвращается на эти благодатные земли.

На празднество, посвященное открытию Дома культуры, в Ахалшени приехало много гостей из всей Аджарии. Здесь я встретил народного артиста Грузинской ССР Юсуна Кобаладзе, чаевода Асие Чамба, школьницу Мадонну Мжаванадзе, драматурга Амирана Шервашидзе и многих других.

Вот с трибуны произносит приветствие известная всей Аджарии сборщица чая Фати Цителадзе. Ее бригада, за которой закреплено одиннадцать гектаров чайной плантации, носит высокое звание бригады коммунистического труда. Уже к 15 августа Фати со своей бригадой выполнила годовой план сбора. У этой девушки слово никогда не расходится с делом. И потому избрали ее колхозники Аджарии делегатом съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Огромный переполненный зрительный зал Дома культуры внимательно слушает колхозницу.

Фати говорит о том, что трудовое сознание советского народа находится на необыкновенном подъеме, что полеты советских космонавтов

свидетельствуют об огромных успехах нашего народа в науке и технике.

— И я, как каждый человек в нашей стране, буду счастлива, если своим трудом внесу вклад, достойный великой страны и великой эпохи. — Так говорит она в заключение.

...Да, небо над Аджарией — спокойное и голубое, оно кажется повисшим над самой землей, богатой и плодородной, как мечталось труженику и землепашцу только в сказках. И Фати Цителадзе вместе со своими друзьями — создатели этого сказочного плодородия, хозяйева этой легендарной земли.

Колхозный парторг Ношреван Думбадзе и председатель сельсовета Шакро Сурманидзе с высоты сцены удовлетворенно оглядывают переполненный зал. Колхозный духовой оркестр гремит во всю мощь медных геликонов. В широко раскрытые окна видны бесконечные ряды цитрусовых садов и чайных плантаций, террасами уходящих ввысь.

— Ты слышал старинное предание о виноградной лозе? — вдруг спрашивает, наклонившись ко мне, сидящий рядом старый крестьянин и указывает на купол, где в переплетениях орнамента поблескивает тусклым золотом налившаяся тяжестью виноградных гроздьев плодоносящая лоза. Он снова приближается ко мне, заглядывает в лицо.

— Слушай, сынок, — начинает свой рассказ старый колхозник, — слушай и запоминай: во всякую легенду народ запрятал мудрое поучение, только порой нелегко бывает его понять. Предание, которое я хочу рассказать тебе, создано у нас в Аджарии, потому оно порой спокойно, как наше море в ясную погоду, а порою бурлит и грохочет, словно шторм в десять баллов.

Так вот. Была у одного из наших предков, по имени Надира, жена-красавица. Сам Надира славился

как непревзойденный мореход и лодочник. В самую темную ночь его кошачьи глаза отыскивали берег во мраке и благополучно приводили судно в спокойную гавань. Росту он был, рассказывают, небольшого, но телом крепок и жилист, как витой корабельный канат. На ладони его мог уместиться мельничный жернов, а грудь была широкая, как площадка для игры в лело.

Жену его звали Диндина. Я уже говорил, что красоты она была неопишуемой: глаза и брови черные, как воронье крыло, лицо белое и чистое, улыбка такая, что самого мужественного человека могла лишить отваги. Так рассказывает предание...

А повелителем лазов в те времена был Бека Джакели, тот самый Бека Джакели, который изменил вере и отечеству и даже от имени своего отступился — назвался Сафаром. Слава о красоте Диндины разнеслась по всей округе и дошла до дворца повелителя. И услышал об этом сам Сафар. Предание утверждает, что именно пристрастие к женщинам и побудило его перейти в мусульманство. Но счастье человека не во множестве жен, а в настоящей любви между женой и мужем. Не зря называются они: супруги! В одной упряжке суждено им идти бок о бок всю жизнь, сынок.

Но Бека-Сафар думал только о своем удовольствии. Услышав о красоте Диндины, послал он гонца к Надиру со строгим наказом: немедленно явиться во дворец.

Сердце предвещало Надире беду. Кровь прилила к лицу, гнев охватил его душу. Ничем не выдал своих опасений Надира, попросив жену собрать его в дорогу. Но может ли муж скрыть свое горе от любящей жены. Сказала Диндина:

— Я мать троих детей твоих, Надира. Отчего же скрываешь ты от меня свои заботы, не делишься горем?

Мужчине не подобает лгать. И

Надира рассказал жене о своем предчувствии.

— Впрочем, может, и обманывает меня сердце. Может, и не сделает Сафар ничего дурного, а велит ехать в Хонткари старшим лодочником.

— Нет, Надира, чувствую я, что злое дело замыслил Бека-Сафар. Волк не отучится есть овечье мясо, и предатель не пойдет по прямому пути, — ответила Диндина.

— Как же нам быть?!

— Я поеду с тобой, Надира. Все равно не смогу я здесь жить без тебя, а вместе мы будем вдвое сильнее. Я одену твой архалук, твою старую чоху, и пусть догадается кто-нибудь, что я женщина!

На том и порешили Диндина с Надиром, а детей отправили в Имретию, к дяде.

Нынешний Трапезунд был известен в те времена лазам под названием «Железный кол». Название это произошло от того, что именно здесь впервые стали крепить причалившие к берегу корабли к железным кольям, врытым в землю. Дубовые кольца не выдерживали напора ураганного ветра. А лазы издавна прославились как люди беспокойные и ищущие — они прокладывали новые пути на морских просторах и разрывали земную глубь в поисках ископаемых богатств. Кто-то из лазов впервые решил довериться прочности железа, врыл железный столб в землю и железными канатами накрепко привязал к нему нос корабля. И с тех пор это место называлось у рыбацких и моряцких «Железный кол».

В этом городе и жил тогда Бека-Сафар.

Было раннее утро, когда Надира после долгого пути подошел к дворцовым воротам. По обеим сторонам, прикованные цепями к столбам, лежали львица и леопард. Хищники были обучены так, что беспрепятственно пропускали во дворец всех пришедших, но обратно не давали

никому выйти без хозяина и повелителя.

— Что за юноша пришел с тобой? — спросил Бека, указывая на Дириду на Диндину.

— Брат моей жены, — отвечал Надира. — Я обучаю его науке мореплавания.

Бека хитро прищурился:

— А он красив, этот мальчик. Должно быть, и сестра у него недурна, а? — изощренный глаз опытного в подобных делах Сафара сразу разглядел, что перед ним не юноша, а переодетая женщина необычайной красоты. Но не таков был Сафар, чтобы выдать себя. Как ни в чем не бывало, он продолжал:

— Я вызвал тебя, Надира, чтобы послать в Хонткари немедленно, но сейчас передумал — отдохни сегодня здесь со своим молодым зятем, а завтра я приглашаю вас к себе во дворец к обеду.

Но и Надира был не промах, да к тому же опасность обострила его ум. Он тоже догадался обо всем. В тот же вечер расспросил он своих друзей-рыбаков и ему указали в порту женщину, внешностью отдаленно напоминавшую Диндину. Он быстро сговорился с ней, посулив дорогие подарки, и рассказал о своем плане.

Мужская одежда каждой женщине придает какую-то своеобразную прелесть, а красивую женщину делает вдвойне привлекательней. Так произошло и с той, которую Надира уговорил пойти на обед к Бека-Сафару.

На следующий день они вдвоем отправились во дворец. Зажмурившись от страха, прошла женщина мимо страшных зверей, охраняющих ворота, поднялась вслед за Надиром по широкой лестнице и оказалась в покое Бека-Сафара. Повелитель встретил их приветливо, усадил за стол по правую и левую сторону от себя и, по обычаю своей новой веры, стал угощать их шербетом.

— Брат твоей жены мне очень

понравился, — сказал Бека Надиру после обеда. — И потому я решил оставить его у себя во дворце. Я сам обучу его мореплаванию. — Слово девять хитрых дьяволят насмешливо кривлялись в глазах Бека-Сафара, когда он говорил эти слова.

— Пусть будет ваша воля, — ответил Надира. И попросил отпустить его на судне в заморские страны.

Бека-Сафар не думал, что его хитроумный замысел осуществится так быстро и легко. Поэтому он с готовностью дал согласие на просьбу Надира, одарил его золотом и серебром и благословил в дорогу.

В ту же ночь чужеземный корабль должен был увезти Надира и Диндину в дальний путь.

Лазутчики донесли Бека-Сафару, что Надира покинул эти берега. А на самом деле Надира, подождав, пока корабль отойдет в море, пересел в лодку и, поднявшись вдоль морского берега, высадился на землю возле устья реки Фазис.

Бека-Сафар довольно скоро узнал, что его обвели вокруг пальца. Ярости его не было предела. Он понимал, что Надира со своей женой уже вне его власти. Обуреваемый жаждой отмщения, Сафар вскочил на коня и помчался к Сарпи, но и там его ждало разочарование: семья Надира укрылась в Имеретии и была недоступна его гневу. В довершение ко всему, вернувшись в свой дворец, он узнал, что исчезла и обманувшая его женщина: ни сторожа, ни хищные звери у ворот не смогли ее удержать во дворце.

Прошли годы.

К богато разукрашенным воротам дворца Хонткари в Стамбуле подъехал всадник, сопровождаемый многолюдной свитой. Когда они спешили с коней, к ним подошла женщина в чадре и дорогих украшениях и попросила указать ей всемогущего господина Сафара.

— Это я, — отозвался тот. — Что вам угодно?

— Мне нужно поговорить с вами, — ответила женщина по-рузински.

Бека-Сафара поразила грузинская речь, неожиданно прозвучавшая в этом городе, он от растерянности не мог произнести ни слова.

— Сегодня вечером я буду ждать вас одного, без спутников... — женщина назвала место и удалилась — спокойно, величественно, не оглядываясь назад.

Стамбул — большой и красивый город. Его дворцы привлекают глаз разукрашенными оградами, мечети устремляют высоко в небо острые луковки своих куполов. По берегу залива расположились самые богатые дворцы и дома.

Перед одним из таких дворцов, который выделялся роскошным садом и широкой мраморной лестницей, Бека-Сафар в назначенный день остановил своего скакуна. Его встретили у ворот, вежливо попросили оставить внизу оружие и проводили в комнаты.

Гордый и самолюбивый Бека Джакели без возражений и колебаний отдал слуге саблю и стал подыматься по лестнице. Все вокруг поражало глаз: мраморные ступени поднимались, казалось, до самого неба, золотая и серебряная чеканка украшала стены, шелковые занавеси свешивались с дверей и окон, хрустальные светильники на тысячу свечей висели под потолками. Посередине огромного зала стояли рядом два кресла. В одном из них сидела женщина с закрытым чадрой лицом. Увидев вошедшего, она гостеприимно поднялась навстречу и молча указала на кресло возле себя. Бека уселся, не отводя глаз от таинственной незнакомки.

— По вашему повелению я пришел сюда, госпожа. Что вам от меня угодно? — произнес он после долгого молчания.

— Не удивляйтесь, могуществен-

ный Бека, — тихо проговорила женщина. — Я давно ждала вас. Знала, что рано или поздно вы придете во дворец Хонткари. Если вы обещаете выслушать меня спокойно и не перебивая, я расскажу вам мою историю. Она касается и вас. Всем, что вы здесь видите, я обязана вам. Только вам и еще одному человеку.

Бека, не удержавшись, воскликнул:

— При чем здесь я?

— Если хотите слушать — слушайте, но помните об условии: сохраняйте спокойствие!

Гость не мог прийти в себя от удивления. «В своем ли уме эта женщина?» — пронеслось у него в голове. Но Бека решил выслушать все, что она расскажет, и потому обещал:

— Я выполню ваше условие. Думаю, что у меня нет причин для волнения.

Казалось, женщина не слышала его слов. Она глядела в широко раскрытое окно, которое выходило в сад над самым морем. На ветке высокого тополя сидели рядом два сокола. Время от времени один из них негромко, отрывисто клекотал, и в ответ тотчас же раздавалось позвякивание маленьких колокольчиков, подвязанных к лапкам прирученных птиц.

— Я знаю, что вы любили соколов, — тихо проговорила хозяйка, словно и не было предшествовавшего разговора. — Я тоже любила этих отважных птиц. Мои слуги иногда водят их на перепелов — вы ведь увлекались перепелиной охотой...

Бека подскочил, как от выстрела.

— Так это вы?! Неужели?! — воскликнул он.

— Вы узнали меня, господин! Значит, помните, не забыли.

— Надира привел вас ко мне тогда... вместо своей жены.

— Да, — спокойно ответила женщина и откинула чадру. — Те-

перь я не сомневаюсь — вы узнали меня.

Перед ним стояла та женщина, только ставшая еще красивей, уже не похожая на угловатого юношу, а властная и уверенная в своей силе и красоте, с глазами быстрыми и горячими, как у сокола там, за окном. Так вот какая красавица была у тебя, Бека Джакели, и ты отказался от нее, считая себя обманутым, одураченным! Ты действительно оказался дураком тогда, когда не отыскал ее.

Бека молчал, погруженный в грустные раздумья. Женщина подошла к нему.

— Или я обманываю себя, и вам ничего не говорит наша встреча? А я... я-то никогда не забывала вас, господин, не забывала своего недолгого счастья. Да и могла ли я когда-нибудь забыть отца своего ребенка?!

Молчать было невозможно. Бека воздел кулаки к небу:

— Что ты говоришь, женщина! У тебя ребенок? Мой ребенок?!

— Посмотрите сами, господин, и решите, ваш это ребенок или нет.

И снова неведомая сила сковала язык пораженному Бека-Сафару.

— Отчего вы молчите, господин? Или не рады? Или вы думаете, что ребенок от меня опозорит ваше имя? — женщина взволнованно и вопрошающе заглядывала в глаза гостю, схватила его за рукав и тянула к креслу:

— Садитесь! Пожалуйста, садитесь и выслушайте меня. Умоляю вас, выслушайте, а потом поступайте как пожелаете.

Бека приготовился слушать.

Женщина начала свое невеселое повествование:

— Я не помню, кто я, откуда родом, из какой семьи. Четырех лет меня похитили из дому и до сих пор не изгладилось из памяти, как какой-то мужчина в бурке, с лицом, закутанным башлыком, долго вез меня куда-то. Потом я очу-

тилась в Стамбуле. Меня продали одному старому развратному купцу. Тогда мне было тринадцать лет. Я проклинала свою судьбу, все в жизни мне опостылело. Но мой купец утонул в море. Я убежала из ненавистного дома и после долгих скитаний очутилась в вашем городе. Там и столкнула меня судьба с Надиром. Его подарки и посулы прельстили меня — я ведь тогда была совсем еще девочка, нищая, полуголодная. А потом — встреча с вами, господин. Семь дней и семь ночей провела я в вашем дворце и на всю жизнь сохраняю память об этих днях. Вы обращались со мной, как с любимой женой до тех пор, пока не разоблачили обман. Тогда и вы были молоды, красивы. Я полюбила вас, полюбила первый раз в жизни. Вы помните, я сама призналась в том, что я не была женой Надира. А потом... Мне и сейчас грустно вспоминать, что было потом. Вы оттолкнули меня, выбежали из покоев и надолго исчезли. Я догадалась, что вы поехали, чтобы отомстить за обман. Могла ли я оставаться в вашем дворце? Я собрала все подарки, которые вы поднесли мне за эти семь дней моего счастья, и с первым же кораблем отправилась снова в Стамбул. Здесь мне удалось получить свою долю из наследства утонувшего купца. Вместе с вашими дарами и тем золотом, которое дал мне Надира, это составило изрядную сумму. И с тех пор я живу здесь, в Стамбуле, совсем одна. Хотя нет — не одна: со мной моя радость, счастье мое — наша дочь, господин. Она уже совсем взрослая девушка, воспитанная, образованная. И только одно горе гнетет ее сердце — она не знает своего отца. Я так ждала этого дня, я знала, что вы приедете, непременно должны приехать сюда. И вот вы здесь, господин, молчаливый, чужой. Должно быть, вам стыдно, что у вашей дочери такая мать, как я!

— Неправда! — воскликнул Бека. — Я просто очень растерян, не могу собраться с мыслями. Эта встреча после стольких лет — правда, ки... И такая весть — неожиданная, радостная. К черту всякие сомнения! У меня есть дочь, моя родная дочь, и это самое главное. Где она, почему ты не показываешь ее мне?

Бледная, взволнованная женщина со слезами на глазах еле слышно проговорила:

— Хорошо, пойдете.

Дочь Бека-Сафара была девушкой неопишуемой красоты: большие черные глаза пытливо глядели на все, заплетенные в косу волосы ниспадали до пояса. Девушка еще лежала в постели, когда мать ввела в ее комнату незнакомого мужчину.

Бека с первого же взгляда признал свою дочь, наследницу рода Джакели.

— Тамуня, это твой отец.

Стремительно бросился Бека к девушке, крепко прижал ее к груди, стал целовать. Но она выскользнула у него из рук и, отбежав в угол, стала испуганно разглядывать незнакомца в чужеземной одежде.

— Горе мне, если даже дочь не хочет признавать меня! — вырвался из груди Бека-Сафара стон.

Грузинская речь, которую она слышала только из уст матери, заинтересовала девушку. Только один раз слышала она эту речь от чужого человека. Только один раз...

В тот день она прогуливалась на берегу моря. Красивый юноша, которого она ни разу до того не видела, тогда тоже говорил по-грузински. А потом юноша поднялся на свой корабль и ушел в море. Тамуня много раз ходила на пристань, но ни разу больше не слышала грузинской речи, ни разу не видела того юношу. Он исчез, как тень тополя с наступлением темноты.

«С тем юношей на корабле был его отец, — вспомнила девушка, —

он стоял на корабле — молчаливый, угрюмый. «Отец!» — позвал его юноша, и улыбка тотчас же осветила его суровое лицо. Неужели этот человек, который стоит рядом с мамой, — мой отец, и я должна называть его: «Отец!»

— Тамуния, дочь моя, ты поняла — это твой отец, родной отец.

Девушка отвернулась:

— Где же он был столько времени?

Бека стоял неподвижно, опустив голову, прикрыв глаза руками.

— Я тебе все расскажу, — растерянно говорила мать, — все объясню, ты поймешь...

— Дочь моя, ты должна все понять! Взгляни на меня, видишь? Мы одной крови, одной плоти, я твой отец...

Девушка упрямо глядела в окно, где по-прежнему сидели полускрытые в ветвях соколы. Припомнились ей слова матери: «Твой отец любил соколов, потому и я полюбила их!» И словно услышав ее мысли, откликнулся Бека:

— Ты поедешь со мной и увидишь, сколько у меня этих птиц. Они будут все время перед твоим окном...

— Вы живете в другом городе?

— Да, мой дом далеко отсюда. Он станет родным для тебя.

«Может, и тот красивый юноша живет там?» — подумала девушка и быстро спросила:

— Когда вы возьмете меня в свой город?

— Когда угодно, хоть сегодня.

Тамуния обрадовалась, захлопала в ладоши, с детской непосредственностью бросилась к матери:

— Мама, и ты поедешь с нами, правда? Верно, и тот юноша-грузин живет там, помнишь — я тебе рассказывала!

— О ком говорит моя дочь? — удивился Бека.

— Однажды она рассказала мне, что встретила на пристани молодого грузина. Они двух слов не сказали друг другу и с тех пор не

виделись ни разу. Боюсь, не сына ли Надира встретила она на свою беду.

— Надира еще жив? — воскликнул пораженный Бека.

— Да, он водит небольшие суденышки вдоль берегов Фазиса и изредка заходит сюда.

Бека погладил Тамунию по голове:

— Этот парень тебе не пара, девочка. Он — сын простого рыбака, ты же — наследница могущественного властелина.

Тихо выпустила Тамуния руки матери, и, не говоря ни слова, вышла из комнаты. Мать и отец долго глядели ей вслед.

Прошло три дня. Матери Тамунии сообщили, что видели Надира с женой и сыном в Стамбуле. Женщина задумалась.

«Надо поостеречься, — решила она. — Если юноша в тот раз приметил мою дочь, то непременно попытается встретиться с ней». Она внимательно разглядывала всех, проходивших по набережной, и скоро действительно увидела юношу-чужеземца, который разговаривал с шедшей рядом женщиной. Тотчас же опустив на лицо чадру, она выбежала на набережную.

— Кажется, ее дом здесь, — услышала она произнесенные юношей по-грузински слова. И тотчас же учащенно забилося сердце: «Да, это он, сын Надира. А кто эта женщина? Боже, как она красива! Должно быть, это и есть Диндина. Бека Джакели и теперь, верно, при виде ее потеряет голову. Он не должен узнать об их приезде. Юноша ищет Тамунию, значит, он не забыл ее».

— Может, тебе почудилось, сынок? Девушке из нашей страны нечего делать в этом городе.

— Нет, мама, я видел ее, слышал ее речь.

— Ты даже разговаривал с ней? Что же она сказала: какого она роду, кто ее родители?

— Отец мой, говорит, далеко, а

живу я с матерью. Если бы ты видела, мама, как она прекрасна, на ней такие богатые одежды и украшения.

— Дочь богачей может не пристись нам ко двору.

— Мне полюбилась девушка, а не ее богатство.

Женщина ласково улыбнулась:

— Ты прав, сынок. Только ты должен знать, что у богатства свои законы, а мы — простые, бедные труженики.

— Я ведь сказал тебе, мама: меня ничего не интересует, кроме самой девушки, — разгорячился юноша, но мать предупредила его:

— Говори тише, мне кажется, эта женщина в чадре подслушивает нас.

Юноша махнул рукой.

— Здесь никто не поймет нашей речи.

— Ты помнишь, отец говорил: этот город полон ловушек и опасностей.

Юноша резко обернулся, и мать Тамунии смогла разглядеть его. Ее поразила мужественность и красота юноши.

— Если вы что-нибудь потеряли, ханум, скажите, может, я смогу помочь вам, — обратился к женщине на хорошем турецком языке юноша.

— У меня упал с пальца перстень, должно быть, покатился к морю.

— Верно, он был очень дорогой, ваш перстень?

— Это была память, потому он и был мне дорог, — ответила мать Тамунии и сама задала вопрос: — А вы, видать, нездешние?

Диндина поспешила опередить сына с ответом:

— Мы из дальних краев, ханум.

— Я вижу, вы не носите чадры. Значит, вы христианка, не так ли? Должно быть, ваш муж приехал в Стамбул по торговым делам. Хотя внешностью вы похожи на знатную госпожу, а не на жену купца. — Последние слова женщина произнесла по-грузински. Диндина с упреком посмотрела на сына.

— Мой муж — простой рыбак и мореплаватель, — ответила Диндина. — А это — мой сын. Вы слышали наш разговор?

— Да, я все слышала. И должна вам прямо сказать: беда не в том, что девушка, о которой вы говорили, воспитывалась и росла в богатой семье, а в том, что она — дочь вашего кровного врага.

— Откуда у нас враги? — поразила Диндина.

— Она дочь того, из-за кого ваша семья покинула родину.

Диндина побледнела, обернулась к сыну:

— Уведи меня отсюда, сынок, эта женщина — колдунья.

— Нет, я не колдунья и не провидица. Ваш враг сам стал жертвой своего умысла, только не знаю — на счастье себе или на беду.

Но Диндина уже ничего не слышала, ничего не понимала.

— Скорей, на корабль, к отцу, скорей, — взволнованно повторяла она.

Юноша, ничего не понимая в происходившем, удивленно смотрел на женщин. Он крепко прижал к себе мать, словно собираясь защитить ее от неведомой беды, и повел прочь. Но мать Тамунии крикнула им вслед:

— Знай же и то, женщина, что Бека сейчас в Стамбуле. Берегитесь его, он ничего не забыл.

Услышав ненавистное имя, юноша остановился:

— Что я слышу! Бека Джакели... Значит, та девушка его дочь! — и столько горечи было в его словах, вырвавшихся из самой глубины сердца, что Диндина погладила его по голове, как будто он был еще маленьким ребенком, и сказала:

— Ничего, Дато, пройдет время, и ты забудешь эту девушку.

— Нет, мама, я никогда не забуду ее, — тихо и совсем по-детски ответил Дато.

Со слезами на глазах смотрела на юношу мать Тамунии.

— Сердце матери не пожелало

бы для дочери лучшего счастья, — проговорила она. — Но Бека не такой человек, который может забыть обиду или простить ее. Забудь мою Тамунию, Дато!

— Вы мать той девушки? — воскликнул Дато. — У меня к вам большая просьба — позвольте мне встретиться с Тамунией! Даю вам слово, что моей ноги не будет больше в этом городе. Но я хочу поговорить с нею, узнать, может, и она думала обо мне, вспоминала меня. Позвольте нам увидеть друг друга перед расставанием. Вы не можете быть такой жестокой и не разрешить нам встретиться, ведь вы — мать!

Поддавшись внезапному порыву, мать Тамунии, ответила:

— Хорошо, Дато, я верю твоему слову.

— Не иди, сынок, чуеет мое сердце, что там тебя ждет опасность! — с отчаянием воскликнула Диндина, но мать Тамунии прервала ее:

— Ты — мать, и я — мать, в моем доме твоему сыну ничего дурного не сделают.

— Тогда хоть сообщи отцу обо всем, сынок.

Дато глянул в сторону моря, где теснились в порту корабли, отыскал глазами мачту небольшого суденышка своего отца, одно мгновение колебался и вдруг бросился к берегу.

Две матери стояли рядом, провожая взглядом юношу.

Мать Тамунии первой нарушила молчание.

— Скажи, Диндина, твой сын знает о том, что произошло в ту ночь?

— Отец сам рассказал обо всем детям.

— У тебя еще есть дети?

— Трое сыновей.

— А у меня — никого, кроме Тамунии. И кто знает, какая ее ждет судьба!

— Ничего худого не может приключиться в жизни с дочерью всемогущего Бека-Сафара, — сказала

Диндина, но ее собеседница горько вздохнула:

— Она любит твоего сына, Диндин, зналась во всем отцу.

— А он?

— Он ничего не сказал на это, только отвернулся в сторону и ушел так же молча. Я знаю его, это дурной признак. Потому и поджидала я вас все время, чтобы предупредить, если вы появитесь.

В конце набережной показался запыхавшийся Дато. Рядом с ним торопливо шагал, придерживая на боку саблю, Надира.

— Отец подождет нас здесь, а мы подыдемся, — проговорил Дато.

...Тамуния лежала в кровати, только что проснувшись. Услышав стук двери, девушка приподнялась. В комнату вошла мать, бледная, взволнованная.

— Одевайся скорее, — коротко сказала она дочери. И девушка сердцем поняла все.

— Он здесь? Приехал? — воскликнула она и, вскочив с постели, подбежала к матери.

— Я привела его, одевайся, — женщина обреченно махнула рукой: — Но если об этом узнает...

— Не бойся, мамочка, я сама отвечу перед отцом, — прервала Тамуния, торопливо одеваясь.

Когда Тамуния с матерью вошли в гостиную, Диндина стояла, прислонившись к косяку двери, словно пыталась загородить путь Бека-Сафару, если бы он вдруг появился.

— Это не девушка, а ангел, — прошептала она, увидев девушку.

— Тамуния! — воскликнул Дато. — Видит бог, я не могу жить без тебя...

— И я без тебя тоже не могу, — тихо и грустно откликнулась девушка. — Возьми меня с собой.

Дато: — Я для этого и приехал сюда, чтобы увезти тебя.

Тамуния: — Это твоя мать? О, как она красива! Она похожа на мою

Нодар подошел к окну. Дождь.

«Как можно говорить так просто: дождь».

— Хорошо, что дождь! — громко сказал Ника. — Очень хорошо!

Арчил сидел у стола и улыбался, глядя на свои руки.

— Давайте сыграем еще, — предложил Гурам. У него был грустный и напряженный прищур глаз. Так смотрят близорукие, когда снимают очки. — Еще рано. — Он посмотрел на жену. Та кивнула — мол, мне все равно. Она сидела и ждала, когда пройдет время и можно будет идти домой. Только один раз, когда с ней рядом очутилась Маринэ, она наклонилась и прошептала ей на ухо:

— Вы знаете, Майя из детдома...

Потом она выпрямилась и опять замолчала, с безразличным и невыразительным лицом.

— Хватит играть! Пейте лучше коньяк! — Майя повернулась к мужу. Он сразу поднялся из-за стола и повторил:

— Хватит, хватит играть.

— За здоровье Майи! — произнес Гурам.

Арчил встал. Поднял свою рюмку, хотел что-то сказать, но не смог, махнул рукой и опять сел.

— Ну как твои рыбы? — спросил Ника. — О чем они думают теперь?

— Теперь ни о чем, — Арчил заулыбался, — они начнут думать, когда я войду в комнату.

Оба рассмеялись, чокнулись и выпили.

Ника и Маринэ проводили гостей до ворот, попрощались с Майей и решили погулять под дождем — возвращаться в дом не хотелось.

Дождь шел тихо и незаметно. Где-то высоко, над крышами и проходами, он взмахивал легкими крыльями и поднимался на цыпочки, как призрачная балерина, трепетный и сияющий в кругу уличных фонарей.

«И моя жизнь шла так же, тихо и незаметно... как медведь в берлоге, я высасывал из пальца какие-то мысли и не хотел просыпаться... Никогда я не страдал из-за отсутствия денег, никогда не думал — буду ли сегодня сыт, есть ли во что одеться. Все делалось просто, само собой. Иногда среди зимы вспоминал, что нет теплого пальто, или в театре замечал, что сорочка на мне не новая... А потом и это забывалось, и все шло по-прежнему. Мне казалось, что не стоит обо всем этом думать. Странное безразличие... Из-за него я терял друзей и ту, которую любил больше всех...»

Из открытых окон на пустынную улицу лилась мягкая теплая музыка.

Маринэ шла рядом и думала о чем-то своем.

Оба молчали, и говорить ни о чем не хотелось. За них говорил дождь. Так шли они очень долго.

Чтобы вернуться, пришлось сесть в автобус.

В автобусе было светло и пусто. На последнем сидении храпел пьяный. Сонный кондуктор вязала носок.

Ника подумал: «Ехать бы так долго-долго...»

Автобус шел медленно. Пьяный во сне бормотал:

— Ни в коем случае! Ни за что на свете...

Ника выпил достаточно, но опьянения пока не чувствовал.

— Скажи что-нибудь, — попросила Маринэ.

«Отчего я так устал?» — Ника повернулся к окну, поджал ноги и закрыл глаза.

Дождь все шел.

— Ты слышал музыку?

Нике вдруг показался странным и чужим голос Маринэ.

Он не ответил.

Автобус шел очень медленно. Окна загорались от цветных реклам и становились похожими на плакаты.

Ника выпрямился и повернулся к Маринэ. Накрыл ее руку своей. «Так нельзя. Надо что-нибудь сказать...»

Он чуть сжал ее пальцы.

— Маринэ!

— ?

— Маринэ... — он закурил сигарету.

— Гражданин, не курите! — неожиданно громко сказал кондуктор. Ника потушил сигарету и обнял Маринэ. Почему-то посмотрел на кондуктора — она продолжала вязать.

Автобус вдруг стал.

Как только Ника очутился на улице, он почувствовал, что пьян, покачнулся и взял Маринэ под руку.

— Ну вот...

— Что?

— Я пьян...

Он был в прекрасном настроении.

Деревья никли под дождем, мягкие и податливые, как водоросли. Интересно, какой он со стороны? Среднего роста, в сером коротком плаще, без шапки... худое лицо, нос с горбинкой... Чисто выбрит...

— Ничего, сойдет! — сказал Ника громко и весело.

Маринэ засмеялась.

— А ты чего смеешься?

— Ты пьяный.

— Да. По-хорошему...

Дождь шел бесшумно, разом покрывая дома, деревья и горы. Город, как огромный аквариум, был полон воды, и лампионы, как золотые рыбы, медленно плавали в нем.

— Глупые рыбы.

На мостовой мерцал бледный электрический свет. Вода рвалась вылиться из блестящих лужиц, но гладкая поверхность только дергалась и не двигалась с места.

Ника рассказывал про море, пароходы, мачты и якоря. Рассказывал громко и увлеченно. Он поднимался на цыпочки, словно хотел казаться выше дождя.

— Нас было трое... в ледяной воде... мы держались за одно бревно... в темноте мы не видели друг друга... море шумело, но мы ясно слышали дыхание друг друга.

— Я хочу курить, — сказал один.

«Он с ума спятил!» — подумал я.

— Я небритый, — опять сказал он.

Я поднял над водой руку и коснулся плеча второго.

— Слышишь?

— Да, молчи!

Волны покрывали нас с головой и играли с нами, как с куклами.

Потом мне тоже захотелось курить.

«Я небритый», — подумал я, как будто собирался в театр.

— Врунишка ты, вот кто! — Маринэ засмеялась.

— Знаешь, мне кажется, что все это было на самом деле.

— Ха-ха-ха!

— Не веришь?

«А может это правда, а может это правда!»

Он обнял ее.

— Не смейся.

Она смеялась, жмурилась, и на щеках появлялись ямочки.

Ника поцеловал ее.

— Пусти...

— Маринэ...

Она вырвалась и смеясь побежала вперед.

Утром она проснулась, села в постели, обхватила руками колени и спросила:

— Ветер?

Ника не ответил. Он лежал с закрытыми глазами и прислушивался к ветру.

«Разгонит облака...»

— Ника, пойдем сегодня в парк.

«Разве мог я мечтать об этом! Да нет, и сейчас она не принадлежит мне вся, целиком...»

Ника встал, достал из кармана сигареты и закурил.

— Да, ветер...

— Ты меня не слушаешь.

— Слушаю.

— Пойдем?

— Куда?

— В парк.

Он начал одеваться.

— Пойдем? — опять спросила Маринэ.

— Обязательно.

Он умылся и открыл шкаф.

— Покушаем что-нибудь.

— Я ничего не хочу.

— У меня как раз «ничего» и есть.

Он достал хлеб, сыр и вино.

— Ты очень много куришь.

— Я получаю от этого удовольствие. Наверное, никогда не брошу. Да и зачем?

«Ветер всегда портит настроение... я просто теряю равновесие! Арчил уверяет, что рыбы тоже чувствуют ветер в своем аквариуме...»

— О чем ты думаешь?

— Ни о чем.

— И обо мне тоже?

— И о тебе тоже.

— Я не люблю вино.

— Это хорошо.

— Некоторым женщинам идет, когда они пьют и курят.

— Да, некоторым идет.

«А река и лес под ветром преображаются, вот-вот начнут говорить...»

— А мне бы пошло?

— Наверное. Выпьешь еще?

— Совсем чуточку...

— Я тоже не люблю вино. Но говорят, с похмелья хорошо.

— А Майя пьет?

— Не знаю... Нет, наверное.

— Который час?

Ника достал из пиджака часы.

— Опять остановились. Часов десять будет.

Он встал и подошел к мольберту. Постоял перед картиной подбоячянсь, потом отошел назад, потом зашел сбоку.

— Нет, опять не то!

Когда Ника рисовал, всегда бывал в прекрасном настроении, а когда кончал, то ходил хмурый, все думал, что получилось плохо. Мог лучше и не сделал! Не хватает чего-то главного. Как называлось это «что-то», он не знал. К похвалам он обычно относился равнодушно.

Ника любил работать.

Дед Иорам рассказывал: человек пахал землю.

— Трудно? — спросил бог.

— А ты попробуй! — ответил человек.

Бог походил за плугом и устал.

«Что же теперь делать?» — подумал растерянно бог. Потом вспомнил, что он всемогущ, и исчез.

— Когда мы пойдем в парк? — спросила Маринэ.

— Пойдем-пойдем...

— Дай тогда что-нибудь почитать.

— Возьми на полке.

— Ох! Ремарк!

— Тебе он нравится?

— Не очень.

— А «Время жить и время умирать»?

— Это хорошо.

— Это Майя? — Маринэ сняла со стены портрет.

— Да... Почему ты сняла?

— А почему ты сердисься?

— Я не сержусь, повесь на место.

Он опять смотрел на картину. Какие-то неестественные краски. Хотя в этой комнате смешно говорить о цвете.

Комната была большая, но совершенно негодная для работы.

В тени акации женщина в накинутом на плечи белом халате продавала мороженое. Покупателей не было, и она читала книгу.

— Я хочу мороженое, — сказала Маринэ.

Ника отодвинул столик поглубже в тень и крикнул продавщице:

— Две порции мороженого, пожалуйста...

Маринэ повесила сумку на стул, оперлась локтями о стол и посмотрела на Нику.

— А ты не хочешь пива? Можно принести из того павильона.

— Да, я лучше возьму себе пива...

Он хотел сказать женщине, чтобы она не приносила вторую порцию, но раздумал и пошел к павильону:

— Бутылку пива. Я буду за тем столиком.

— Пожалуйста.

Продавец лениво поднялся, хорошенько потянулся, подмигнул Нике, как будто давал ему пиво по знакомству, и достал бутылку из бочки с водой.

— С самого низу... как лед!

Он сунул Нике мокрую мелочь, снова оперся о стойку и попытался завязать разговор:

— Ну и погодка! Ночью дождь, а днем жара.
— Да... Есть болгарские сигареты?
— Возьмите папиросы, — посоветовал продавец. — Я, например, курю только «Казбек».

— Я привык к сигаретам.
— Отвыкать трудно, это точно.

Продавец взобрался на табурет, достал сверху сигареты, с трудом спустился и протянул Нике пачку.

— «Балканы».
Он вымыл стакан, вытер его и спросил:
— Что еще?
— Все.

Как-то Ника ехал из Москвы, и с ним в купе был точно такой тип. Он вез уйму чемоданов, авосек и пакетов. Он сразу выставил на столик коньяк, выложил закуску, назвал себя работником торговли и спросил Никку, уплетая за обе щеки:

— Правда, что поэтам за одну строчку платят десять рублей?
— Кажется, так...

— Что делается, а! Вы только подумайте! Десять рублей! Ника положил сигареты в карман и еще раз оглядел павильон. Пестрые коробки папирос, пыльные черные бутылки шампанского. Рядом с Маринэ сидела цыганка и кормила ребенка. Ника налил себе пива. Цыганка улыбнулась.

Правильные черты лица, большие черные глаза, в ушах круглые медные серьги.

— Твой муж? — кивнула она на Никку.

Маринэ подумала, посмотрела на Никку и ответила:

— Да. Муж.

Ника пил пиво и смотрел на цыганку. Потом придвинул к ней свое мороженое.

— Ешь.

— У меня тоже есть муж. Но он высокий. Я не люблю высоких. Она опять улыбнулась Нике.

— Ты ей нравишься, — заметила Маринэ.

Цыганка взяла на ложечку мороженое и сунула в рот ребенку.

— Ой! — вскрикнула Маринэ. — Разве можно?

— Не бойся, от хорошего вреда никому не бывает.

Она застегнула свою кофту и повернулась к Маринэ.

— Хочешь, погадаю?

Маринэ вопросительно посмотрела на Никку. Он молчал.

«Все, как бывает в романах».

— Дай руку, — пристала цыганка.

Маринэ неуверенно протянула ей руку.

— Рождена ты под счастливой звездой. Вышла за того, кого любила. Он тебя любит и еще крепко любить будет. Жизнь у тебя долгая, рука счастливая.

Маринэ смеялась и смотрела на Никку.

— Когда муж верный — женщина счастливая. Ты красавица, муж тебе не изменит...

И Ника увидел, как по щеке у Маринэ покатились слеза, другая, третья. Она расплакалась.

— Ты не смотри на меня. Я поплачу.

Он встал, закурил и отошел в сторону.

В полдень они вышли из парка. По улице в ряд шли подвыпившие пожарники, одинаковые, как фишки лото. Они кричали встречным де-вушкам — «хопля!» и дружно хохотали.

При виде Маринэ и Ники они выстроились в два ряда, а один застегнул ворот, надел фуражку и вытянулся, как перед командиром.

Маринэ подняла руку и крикнула:

— Хопля, ребята!

И так смело прошла между ними, как будто училась со всеми в одном классе.

— Видел? — спросила она Нику.

Он сжал ей руку.

— Больно!

Он глубоко затянулся.

— Хорошо!

— Маринэ, пошли со мной в Академию.

— Нет, не могу, ты же знаешь... Я зайду к подруге. Только возвращайся скорее, не так, как вчера.

Ника пошел прямо в комитет комсомола. Заза, наверное, уже вернулся из Москвы, где была выставка молодых художников.

В маленькой комнате накурено. Окна распахнуты настежь, но и это не помогает. Стульев мало, поэтому сидят даже на столе.

Заза, видимо в сотый раз, рассказывал одно и то же. Он напрасно умолял ребят отпустить его. Всем хотелось узнать о выставке как можно больше.

Увидев Нику, Заза вскочил и стал энергично к нему пробираться.

— Поздравляю! — он крепко обнял Нику. — Твои картины имели успех. Около них часами спорили... Висели очень удачно. Какходишь, бросаются в глаза.

Они вышли в коридор.

— Выкладывай, как ты здесь?

— Хорошо, все хорошо...

Заза был очень рад Нике, с улыбкой смотрел на него, хлопал по плечу и говорил:

— Ты молодец! А еще не верил... то, что сделано с душой, — никогда не пропадет! Знаешь, надо любить свое дело!

— Заза... — проговорил Ника смущенно, — Маринэ...

— Что — Маринэ?

— Пришла ко мне...

— Как так пришла?

— Ну, насовсем...

— А муж?

— Она оставила мужа и пришла...

— Что случилось?

— Не знаю.

— Дато неплохой парень.

— Он хороший парень.

— Может, ты...

— Нет, я никогда, ни слова...

— Ну и что ты будешь делать?

— Сам не знаю.

— Ты ее любишь?

— Ты же знаешь.

— Маринэ хорошая девушка.

ЭЛЭНЭЭНЭЭ
ЭНЭЭНЭЭНЭЭ

— Если бы я знал, какой я!

— Ты тоже... но...

— Говори...

— Тут не помогут ни разговоры, ни советы... Ты сам должен ре-

шить.

Ника окликнули. Он повернулся и лицом к лицу столкнулся с отцом Дато.

— У меня к вам дело, — сказал знаменитый художник, — пойдете со мной.

— Заза, ты заходи!

— Непременно...

В комнате было тесно: тяжелые портьеры, иранские ковры, гобелены, цветы, хрусталь, китайские фарфоровые вазы и почему-то полное воинское облачение — шлем, кольчуга, копье, щит и длинная сабля. На стене — репродукция картины Курбэ.

— Я не видел этой картины, — сказал Ника.

— Вам нравится Курбэ?

Ника сел в мягкое и глубокое кресло и сказал:

— Очень...

— Когда я был в вашем возрасте...

«Начинается...»

Толстый, грузный мужчина взял со стола шкатулку черного дерева и предложил Нике. Ника закурил длинную папиросу.

Он курил и улыбался.

Непонятно, чему он улыбается: репродукции Курбэ, блестящему шлему или цветам, задиристым, как петушинный гребень.

— Ваши работы понравились в Москве. Возможно, они будут посланы за границу, в страны народной демократии...

— Да, я слышал... и очень рад.

— Еще бы! Когда я был в вашем возрасте...

Ника разогнал рукой дым от папиросы, собравшийся в солнечном столбе, и повторил:

— Я очень рад.

Его собеседник наморщил лоб.

— В вашем возрасте я был скромнее...

В открытом окне виднеется акация, и ее сильный аромат доходит до Ники.

— Да, наверное, вы были скромнее...

«Начинается...»

— И в личной жизни я вел себя порядочнее...

— Вы можете хвалить или ругать мой картины. Но я прошу вас воздержаться насчет моей личной жизни.

— Я, как ваш профессор, имею право...

— Как профессор вы имеете много прав...

Ника встал.

— Я хорошо знаком с Дато и очень его уважаю. Он сам может сказать мне все, что хочет. Но я не сделал ничего дурного...

Заза пришел утром. Ника обрадовался, обнял его и сказал Маринэ:

— Это мой лучший друг.

Маринэ протянула руку.

— Ника все время говорит о вас!

— Это совсем неважно его характеризует.

— Но это правда, — подтвердил Ника.

Гостя усадили на единственный стул.

— Ника, наверное, уже рассказал вам о выставке?

— Он очень доволен.

— И я тоже... несмотря на то, что на мои картины никто и не взглянул...

— Заза, не выдумывай!

— Честное слово.

— Я не верю, — Маринэ посмотрела на рисунок Зазы на стене.

— Да это детский рисунок. Ника пристал, чтобы я ему подарил...

— Если уж мне что-нибудь нравится, я не успокоюсь...

— А теперь вставайте и едем за город. Я взял напрокат машину.

Чудесная погода! Все это время, говорят, шли дожди.

— Без перерыва.

— Весной это бывает.

— Но все-таки странно.

— Ничего странного. Едем! Собирайтесь, я буду у машины.

Это было совершенно в его характере — приехать с готовым решением и потащить с собой Нику. Его жизнерадостность и энергия моментально передавались другим.

В кармане он вечно таскал футбольный календарь, имел собственное мнение о каждой команде и о каждом игроке. Среди болельщиков, которые после каждой игры собирались в Кировском парке, он пользовался непререкаемым авторитетом.

Он любил бродить по горам, а потом возвращался усталый и серый от пыли, приносил кучу набросков и пейзажей и хохотал над своими приключениями. Ника любил, когда Заза смеялся. Ему вообще нравилось, когда люди смеялись от души, а не растягивали в улыбке резиновые губы.

Заза мог неожиданно снять сорочку и выжать на перилах стойку. Тогда обычно раздавался крик перепуганной соседки, Ника выбегал на балкон и просил Зазу «не сводить с ума весь дом».

Маринэ надела зеленое платье, повязала желтую косыночку и стала похожа на маленькую девчонку.

У ворот стояла открытая машина, и Заза с видом заправского шофера ударял ногой по колесам, проверяя покрышки.

Увидев Нику и Маринэ, он открыл заднюю дверь и почтительно согнулся:

— Прошу вас, ваше сиятельство...

Заза гнал машину и декламировал:

«Стрелой несется конь мечты моей...»

Сердито гудел ветер. Маринэ прижалась к Нике и закрыла глаза. Ника обнял ее и крикнул Зазе:

— Еще быстрее! Давай!

Заза только этого и ждал.

— Здорово! Это я понимаю! Нет ничего лучше машины!

На красных кирпичных стенах и в зеленых верхушках тополей играло солнце. Краски смешивались и, переходя одна в другую, создавали один праздничный и сложный цвет.

Впереди — большое белое стадо овец.

Заза остановил машину.

Овцы шли медленно, повесив головы, словно думая об одном, необычайно важном, и забыв про все остальное.

Впереди бараны и сторожевые псы...

А позади плелись красноглазые ослы...

Пастухи щелкали кнутами и пытались согнать овец с дороги.

У одного безусого пастуха на плечах ягненок.

— Здравствуйте! — крикнул Заза пастухам.

— Здравствуйте и вы, — ответили те и подошли к машине.

Безусый пастух положил ягненка Маринэ на колени. У пастуха лицо смуглое от солнца, черные сросшиеся брови. Он смущенно улыбается. Улыбается и щелкает кнутом по земле. Маринэ смеется, прижимает ягненка, целует его белую мордочку и глаза.

— Бедненький, маленький...

Стадо прошло с дороги. А пастух все стоял у машины и не соби-рался уходить и, казалось, хотел что-то сказать.

— Эй, парень, чего стоишь! Гони овец сюда! — крикнул седой па-стух и подмигнул Нике.

Юноша молча повернулся, с силой щелкнул кнутом и протяжно свистнул.

Маринэ открыла дверь и спустила ягненка на землю.

Пастух поднял его и снова посадил на плечи.

И опять полетели навстречу холмы, красноватые клочья облаков, ореховые деревья и тонкие тополя.

У ворот стояла мадам Эка, величественная, холодная и гневная.

— Дожила я, нечего сказать!

— Заходите, пожалуйста.

Она даже не взглянула на Нику.

— Так ты нас отблагодарила!

— Мама, неудобно...

— И ты еще смеешь говорить что удобно, а что нет!.. Сейчас же идем домой!

Она говорила негромко, хотя и была крайне раздражена.

— Заходите, я прошу вас, — повторил Ника.

— Замолчите, ради бога! Я не могу слышать вашего голоса!

Ника вошел во двор, за ним Маринэ. Мадам Эка подошла к лестнице.

— Идешь ты или нет?

— Мама!

— Идешь?

Маринэ не ответила и вбежала в комнату.

Ника открывал окна.

Мадам Эка стояла в дверях.

— Бросила мужа, на все махнула рукой и пошла... к этому...

— Замолчи, мама, я тебя умоляю!

— Нет, я не замолчу, пусть все узнают, какая у меня дочь!

Она повернулась к Нике:

— Скажите ей, чтобы она шла домой. Я вижу, она подчиняется только вам!

Ника пожал плечами, достал сигарету и закурил.

— Вы слышите? Скажите ей, пусть идет домой!

— Маринэ не ребенок. Захочет — уйдет, захочет — останется...

— В конце концов, вы не имеете права...

— Не будем об этом.

— Маринэ замужем, у нее есть муж.

— Да, Маринэ была замужем.

— Нет, она и сейчас замужем! Закон еще существует, не забывайте!

— Я знаю, что существуют люди, со своей любовью и ненавистью...

Человек сам может выбирать...

маму, правда? Я вас буду очень любить, госпожа!

Диндина: — Я тебя сразу же полюбила, дочка. Но отчего же невзлюбила нас злая судьба?

Тамуния: — Не говорите так, госпожа. Моя судьба — Дато.

Дато: — Горе нам, ибо судьба наша решается не любовью, а враждой.

Тамуния: — Не говори так, Дато, я боюсь!

Мать Тамунии: — Ты должна знать, дочка, что между твоим отцом и семьей Дато кровная вражда.

Дато: — Мой отец примет тебя, как родную дочь.

Тамуния: — У меня есть отец, и он любит меня.

Неожиданно в эту минуту в дверях комнаты возник Бека. Он услышал последние слова Тамунии и горячо ответил:

— Я люблю тебя, дочка, и пусть весь мир знает об этом. Сегодня я даже во дворце Хонткари поделился своей радостью.

Тамуния: — Я хочу, чтобы и ты разделил мою радость, отец. Гляди, вот это Дато, он приехал за мной.

Бека: — Дато? Сын Надира? Твой выбор — гибель для нашей семьи, дочка.

Тамуния: — Твои слова — гибель для меня, отец.

Дато: — Смилостивьтесь над нами, господин Бека.

Бека: — Нельзя принять в свою семью чужака, нельзя врага сделать другом, нельзя ничтожество превратить в человека.

Дато: — Но и человека нельзя превратить в ничто. Не забывайте, что и мы — люди.

Бека: — В своем кругу, может, ты и считаешься неплохим парнем. Но в мои ворота постучится юноша иного рода и племени, чем ты.

Дато: — Мы с вами одного племени, господин.

Бека: — У меня чалма на голове.

Дато: — Я же никогда в жизни не расстанусь с грузинской шапкой.

Диндина (не стерпев, вступила в разговор): — Идем отсюда, сынок.

Бека: — О, это уважаемая Диндина?! Я никогда не видал тебя и не слышал твоего голоса, но сразу же узнал.

Мать Тамунии: — Я не помню своего отца и матери, но все же считаю, что человеку пристала родная шапка на голове.

Бека: — Молчи, женщина, это не твоего ума дело. Пол-Грузии обращено в османскую веру. Скоро и над Тбилиси взвьется султанское знамя.

Мать Тамунии: — Да спасет нас бог от этой беды!

Тамуния: — Отец, ты знаешь, что, кроме нас с матерью, в этом городе нет грузин. Но мы ведь не изменили своей вере, своему народу!

Внимательно поглядел Бека-Сафар на свою дочь. Сейчас он ясно видел в ней кровь Джакели. Будь жив его отец, он бы так же прямо и горячо осудил его за вероотступничество.

— Я немало слышал о тебе, говорят, что ты хорошо воспитан и учен. Так вот, прибавь к своим знаниям еще одно: дочь царя может стать женой крестьянина или рыбака разве что в сказке, но не в жизни. Запомни это. А тебе я скажу вот что: если бы твой отец был самым владетельным князем Дадиани, и тогда я не отдал бы дочь за тебя. И это тоже запомни. Больше мне с тобой говорить не о чем. Но если завтра ты со своими родичами не уберешься из Стамбула, то послезавтра твоя голова будет висеть на ограде султанского дворца. Ты слышал мои слова, а теперь — поступай как знаешь! — Бека повернулся и направился к выходу. У дверей остановился и, оглянувшись, добавил: — Я обещал повелителю завтра явиться к нему во дворец вместе с дочерью. — И вышел.

Тяжелое молчание повисло в комнате.

В широко раскрытые двери было видно, как Бека тяжелым, грузным

— Ах, так!

— Мама, успокойся!

— Как я могу успокоиться! Вы только послушайте, что он говорит!

Она снова повернулась к Нике.

— Я никого никогда ни о чем не просила. Теперь я прошу вас! Я готова стать перед вами на колени! Пусть Маринэ вернется домой! Она должна все обдумать. Я умоляю вас...

— Что вы, что вы...

Ника посмотрел на Маринэ.

— Я пойду, Ника...

Он вышел из комнаты и сел на перила балкона.

Вскоре на балкон вышла мадам Эка. Ника вскочил:

— До свидания, мадам Эка.

Она не ответила.

— Как ваша дача, мадам Эка?

Она обернулась:

— Вы такой же наглец, как и были!

Маринэ сложила чемодан и сидела на кончике стула, словно боясь, что если сядет глубже — останется навсегда.

Ника вдруг почувствовал, что все кончено.

— Я ухожу, — сказала Маринэ, — ты мне обязательно позвони.

Ника подошел к окну и посмотрел на деревья.

«Будет дождь... Обязательно будет дождь...»

Он рассердился: не время сейчас об этом. Но мысль эта забивала все остальные.

«Будет дождь... Обязательно будет дождь».

— Сигареты я положила на стол...

«Все мое имущество...»

Он опять молчал.

«Маринэ полна надежд. Она живет только ими. А другие? Как живут другие? Надеждами и хлебом насущным...»

Маринэ встала:

— Ника, ты позвонишь?

«Останься, Маринэ, останься!»

— Да, завтра...

«Останься!»

— До свидания, Ника...

Ника поднял чемодан.

— Я провожу тебя до ворот.

«Будет дождь... Обязательно будет дождь».

Дядя Коция обмотал шею красным кашне. Он кутался даже летом. Бахрома кашне свисала до самых колен. На плечи он накинул зеленую полосатую куртку. Он потирал руки и кашлял глухо и мучительно, как чахоточный. Дрожащими руками он разливал вино, оно проливалось и оставляло на скатерти лиловые пятна.

Нике было жарко и душно в этой маленькой, темной комнатке. Откуда-то издали доносилось до него беззубое шамканье:

— Все кончается так быстро, что не успеваешь даже пережить, как следует. Попробуй взглянуть на жизнь, как евнух на женщину, и поймешь, что все очень просто!

Он был уже пьян. Шарил растопыренными пальцами по столу, нащупывал бутылку и наливал себе снова.

На грудь и колени осыпается легкий серый пепел.

— Ну, а как Маринэ? — вдруг спросил Коция. Он спросил это чересчур вежливо, и вопрос прозвучал, как насмешка.

Нике стало больно — он не представлял себе, что кто-то может так легко и просто назвать ее имя.

— А вы откуда знаете?

— Я все знаю, мой голубчик!

Он закашлялся, весь залился краской:

— Маринэ, мой голубчик... повелительница сердец...

— Замолчите...

— Каждый должен знать себе ровню! Захотел! Маринэ!

Ника уже не понимал, кашляет он или смеется.

— Ты еще желторотый и многое поймешь позже... когда будет уже ни к чему!

«Есть же такие люди... сами сидят в яме и тебя норовят затащить! Все ругают, надо всем издеваются! Что я тут делаю? Зачем я здесь?!»

— Я уйду.

— Уходишь? Ну да, тебя ждет Пикассо... Понимаю...

Ника хлопнул дверью.

Горели лампы, и асфальт запестрел от первых капель дождя.

«Хоть бы уже скорее пошел дождь!»

Как будто дождь мог ему помочь привести в порядок его мысли и успокоить!

У подъема Элбакидзе Ника столкнулся с Дато. Он шел чуть покачиваясь, с расстегнутым воротом. Увидев Нику, он развел руки в стороны. Это была его всеглашая манера приветствовать друзей.

— Вот мы и встретились.

Ника остановился. С пьяными и детьми он всегда чувствовал себя неловко, не знал, что говорить и как вообще себя вести. Единственным спасением была улыбка, но, оказывается, и с ней он не мог справиться.

— Что, не ожидал?

Ника улыбался и сам не знал, чего он так глупо улыбается.

«Какое время сейчас улыбаться!»

— Я должен с тобой поговорить...

«Теперь будет...», — подумал Ника.

Дато взял его за руку выше локтя.

— Идем в Кировский парк...

— Дато, я немного спешу, давай встретимся завтра.

— Завтра? Не знаю. Что ты называешь завтра? Когда после сегодняшней ночи будет утро — это?

— Да, это.

— Примитивно. Очень...

— А что ты называешь завтра?

— Не знаю... знал и забыл.

Дато был выше Ники. У него было крепкое тренированное тело.

«Он сильнее меня», — подумал Ника.

— Заходите завтра, позвоните завтра, сегодня у меня нет времени, а завтра все будет хорошо. Что же это за такое завтра!

Ника внимательно слушал Дато. Он совсем забыл про улыбку — единственную его возможность защищаться от пьяных.

— Идем, — голос Дато изменился. — Идем!

— Дато, скажи прямо здесь...

— Нет. Здесь нельзя.

Он отпустил руку и посмотрел как-то сбоку.

— Боишься?

Ника засмеялся.

— Нет, чего мне бояться!

— Ты знаешь, чего...

— Ты сейчас немного выпивший...

— Скажи — пьяный! Чего церемонишься!

— Ты пьяный. Иди, выпись, а завтра поговорим.

«Не убьет же он меня!»

На них уже оглядывались прохожие, а самые любопытные даже останавливались.

— Ладно, идем в Кировский парк, Дато...

Дато заупрявился.

— Нет, я все скажу сейчас... здесь!

Ника вдруг успокоился.

«При драке так много не говорят».

— Я тебе все скажу! Вот здесь скажу, — закричал Дато. — Завтра! Я не знаю, что такое завтра!

И вдруг сразу умолк, пощупал карманы.

— Дай папиросу, — сказал он тихо и неловко, не глядя на Ника.

Ника протянул ему сигарету.

— Ты думаешь я пью, потому что... все... потому что ты меня победил?

— Нет, Дато, я тебя не победил...

Дато не слушал его. Руки у него дрожали, спички ломались и гасли.

Ника протянул ему огонь.

Дато заколебался, помял в пальцах сигарету, потом наклонился к спичке и закурил.

— Ты не думай, что я все забыл... что больше ничего не могу...

— Я не думаю...

— Ты знаешь, у меня такая судьба... Пароход подарят, а море высохнет...

«Как же так получается? Почему ушла от него Маринэ? Да она и от меня ушла!»

И он вдруг решил все сказать Дато.

— Зайдем в «Самайю».

Они подошли к стойке.

— Что будем пить? — спросил Ника.

Дато стоял сзади и молчал. Ника удивленно обернулся. Дато поблудил и смотрел выкаченными бессмысленными глазами.

— Дато!

Дато размахнулся и ударил его в лицо. Ника согнулся и первое, что он подумал, было: «Да он слабый! И отвечать не стоит!»

Ника выпрямился, опираясь о металлическую стойку. Дато опять поднял руку, но на этот раз промахнулся, и удар пришелся в плечо.

Подбежали официанты:

— В чем дело, молодой человек? Почему вы хулиганите?!

Дато вырвался и бросился к Нике.

Он обнял его и заплакал по-мужски — неумело, громко.

— Ника, прости меня, Ника...

— Ничего, Дато...

Они долго сидели и молча пили, только звенели, сталкиваясь, стаканы. Потом Дато засмеялся.

— Помнишь, в кино? Ричард Третий топил в бочке с вином своего брата.

— Помню... Сильная сцена.

ՀԱՅԿԵՅԻՆ
ՆԱԽԱՐԱՐԱՆ

— Вот я возьму и утоплю тебя.

— К сожалению, здесь нет бочек...

Дато хлопнул его по плечу.

— Ты меня прости.

Ника не любил вино. Но сейчас ему захотелось опьянеть, и он выпил стакан за стаканом.

— Мы оба проиграли... — сказал Ника.

— Почему оба?

— Нас обоих положили на лопатки...

— Кто?

Ника не ответил и снова наполнил стаканы.

Возвращался он здорово шатаясь. Улыбался манекенам в витринах. Пел и хохотал. Он весь вымок под дождем и казался себе частью этого дождя, его веселой и пьяной частью. Он скользил по мокрым камням мостовой, хлопал каблуками по лужам и кричал:

— Эй вы, лужи, лужи, просыпайтесь!

Потом он решил поймать свою тень. Она убежала, испуганно прижималась к мокрым стенам, бросалась на асфальт, ныряла в лужи.

«А ведь можно, наверное, ее поймать. Но не стоит».

Ника присел на ступеньку и закурил. Табак отсырел, но все-таки было приятно. Ника прислонился спиной к стене и закрыл глаза.

Шел дождь.

Ника с трудом поднялся еще на несколько ступеней и спрятался под навес. Он ни о чем не думал. Смотрел на дождь и ждал, когда пройдет опьянение. И вдруг из какого-то темного угла памяти выплыло лицо Маринэ.

— Во всем виноват я! — произнес он громко.

«Маринэ любит меня».

Он расстегнул воротник и глубоко вздохнул. Огромная гордость волной прошла по всему телу и забилась в крови:

— Она меня любит!

Шел дождь. У него был свой, особенный, вкус, такой же определенный, как у меда, соли и крови.

Нику клонило ко сну. Глаза не открывались, веки были как склеенные. Он прислонился к стене и задремал.

Куда девалось время?

Оно осталось за дождем, за городом, за небом и землей.

Погасло и потемнело сознание.

Деревья застыли и превратились в тени.

Лампочки фальшиво блестели, как бумажные фонарики, и таяли во тьме.

Остановилась улица. Трамвай.

Погасли рекламы. Их холодное пестрое сияние слилось со сном и мерцало на дне спящего сознания.

Потом Ника увидел на комодe белых слонов. Они выросли, задвигались и все вместе сделали шаг вперед. Подошла мама, хотела вытереть с них пыль. Но они были такие огромные, а мама — маленькая и беспомощная.

Цветные блестящие круги пошли перед глазами, потом сменились треугольниками и трапециями и совсем непонятными фигурами.

Нике было холодно. Он во сне чувствовал, как ему холодно, но не мог пошевелиться. Холод подбирался к ногам, всползал по позвоночнику и колотил по шее железным кулаком.

Потом раздался мерный стук железа по асфальту. Совсем издале-

жа. Он едва доходил до отключившегося слуха. Он был слабый, как стук воробьиного клюва по огромному колоколу.

Приближаясь, он становился четким и острым, как нож или камень.

Ника раскрыл глаза.

По улице шел слепой. Нащупывая дорогу, он стучал по асфальту малкой.

«Почему слепые не видят ночью?» — подумал Ника.

Дождь не переставал. Но теперь он шел для себя, и его больше ничего не связывало с Никой.

Ника встал и оглядел улицу.

Перед ним из тумана вставал город: стены, окна, столбы, задумчивые мосты.

«Что со мной?

И сон какой-то странный.

И дождь особенный...»

8

Свет был только в комнате Арчила и у железнодорожника.

Нике не хотелось идти к себе, и он зашел к Арчилу.

В соседней комнате — голос Майи, холодный и резкий.

«Наверное, муж вернулся...»

— Заходи, — Арчил убрал со стула книги. — Садись.

Ника обвел глазами комнату.

— Извини, что я так поздно.

— Ну что ты, я очень рад. Работал целый день. Теперь хочется поговорить.

— А твои рыбы не разговаривают?

— Смейся, смейся! А я тебе скажу, что есть моллюски, которые движутся по принципу реактивных двигателей. Некоторые из них пускают ракеты, которые светятся в течение пяти минут. Смотри, что пишет Фрэнк Лейн: «Подумать только, одним из самых последних изобретений человека уже давно пользуются существа, родственные улиткам».

— Интересно, — Ника постучал пальцем по аквариуму.

— Моллюски меняют окраску, когда они в опасности. Они принимают тот цвет, который преобладает вокруг.

— Значит, и в этом люди не оригинальны.

— Да... люди тоже меняются. Но бывает и так, что до конца жизни не находят себя по-настоящему.

В этот момент открылась дверь. Вернее не открылась, а ее чуть не выбили. На пороге стоял железнодорожник, бледный, с выпученными глазами.

— Что случилось?

Железнодорожник подошел к аквариуму, запустил в него обе руки и плеснул в лицо воды.

— Господи, господа... Помогите ей, спасите...

Арчил и Ника непонимающе смотрели на него.

— Помогите же! — заревел он. — Я... я... вот этими руками... Господи, как же это я... Идите к ней... Я пойду в милицию...

Он грохнулся на колени перед столом и стал биться головой об угол.

— Помогите, помогите!

«Машина. Машина. Машина».

Улица была пуста.

Не слышно даже дождя.

Где он найдет в полночь машину!

Но он бежал и добежал бы, наверное, до края света, потому что только это могло спасти Майю. В этом сумасшедшем беге было ее спасение.

— Машина!

В конце улицы стоял «Москвич».

Ника никак не мог перевести дыхание.

— Если вы... если вы...

Шофер вышел из машины.

— Успокойся. Что с тобой?

— Скорее! Надо ее отвезти!

— Кого? Куда? Что ты говоришь?

Но в голосе Ники было что-то такое, что заставило шофера заторопиться.

— Этот проклятый мотор никак не заводится!

Он поднял капот, снова опустил его и сел за руль.

— А ну подтолкни, может пойдет...

Ника со всей силой упирался в багажник. Машина вздыхала, как живая, тарахтела и вздрагивала.

— А ну еще капельку, еще немного, ну... — упрасивал ее Ника и тем самым ободрял себя.

Мышцы напряжены до предела, суставы трещат, вся кровь бросилась в голову, руки скользят по мокрому корпусу, но он толкает и толкает машину.

Он был не один.

Был шофер и была эта машина.

Живая, дрожащая машина.

— А ну еще...

— Мама, мамочка...

Майя стонала.

Ника обнял ее и так крепко прижал к груди, словно хотел согреть ее своим теплом и влить в нее свои силы.

— Потерпи, потерпи, Майя, осталось совсем немного.

Машина еле ползла.

— Скорее!

— Скорее уж некуда. — Шофер оглянулся, потом надвинул на лоб кепку. — Эх, была — не была!

Майя затихла. Ее тело ослабло и словно растаяло в руках Ники. Он испуганно прикасался к ее лицу и шептал:

— Еще немного... совсем немного... сейчас приедем..

Машина остановилась перед высокими железными воротами.

Ника осторожно высвободил руки, положил голову Майи на сиденье и вышел из машины.

— Откройте, откройте! — он бил кулаками по гулкому железу.

— Откройте!

Сторож запер ворота и выглянул из узкого окошечка.

— Жена?

— Нет.

— Сестра?

— Нет.

— А далеко вы живете?

Ника молчал.

— Заходи, посидишь в ожидальне...

Ника обрадовался.

— Спасибо.

В комнате для ожидающих стояли стулья, длинный стол у окна с опущенными занавесями. За столом сидела пожилая женщина в белом халате и что-то писала.

— Простите... я хочу узнать, как Майя.

— У вашей Майи, наверное, есть фамилия... Ну, неважно, я знаю, о ком вы говорите. Она в операционной.

— Ну и что?

— Не знаю... будем надеяться...

— А когда началась операция?

— Уже десять минут.

«Десять минут...»

Ника взглянул на часы.

Маленькая стрелка прошла такой крошечный путь!

«Чем измеряется страдание?»

— Это больно?

— Она не будет ничего чувствовать.

— Можно мне здесь подождать?

— Конечно... А кто она вам?

— Соседка.

— А-а... Садитесь, что же вы...

— А курить можно?

— Здесь можно.

«Уже двенадцать минут...»

— Иногда операция длится два часа, а то и больше...

— А теперь?

— Ничего не могу сказать. Я сама хочу, чтобы все кончилось быстрее.

— Вы видели Майю?

— Да... бедная девочка...

— Она не девочка... у нее есть муж.

— Она смотрела на нас и ничего не видела, кроме...

— Кроме?

— Ничего, ничего... Таких, как она, обычно очень любят...

— Уже прошло пятнадцать минут...

— Не волнуйтесь, бывает и дольше, я же сказала. Так вы ее сосед?

— Да...

— Понятно...

Ника встал и начал искать пепельницу. Женщина взяла ее со стола и передала Нике.

— Вот она...

— Спасибо.

Ника опять сел на стул.

Белые анатомические схемы на стенах вызывали такую же тоску, как плакаты в аптеке, когда ждешь лекарства.

Ника погасил сигарету и сел очень прямо. Со сном невозможно было бороться. Он раскрыл глаза, но через минуту опустил голову и задремал. Опять проснулся и решил сидеть с закрытыми глазами, но не засыпая. Он решил так потому, что глаза просто не хотели открываться.

Высокую белую лошадь спустили в яму. Закро зарядил ружье и прицелился. Ника отвернулся, и как раз в этот момент раздался испуганный голос Закро.

— Павле, иди сюда!

По спуску бежал толстый милиционер и кричал:

— Не трогайте, это же человек! Не стреляйте!

В яме сидел железнодорожник и жалобно тарачил глаза.

Седая женщина в белом халате с улыбкой сказала:

— Вы во сне разговаривали...

— Я? Не может быть...

Она удивленно взглянула на Нику.

«Что за чушь я несу!» Он поправился:

— Да, иногда я разговариваю во сне...

Ника не спеша возвращался домой.

Город поднимался из тумана, как затонувший корабль.

Кричали заводские гудки.

В рассветном тумане звенели торопливые шаги, и по пятам за ними следовало утро...

Н. Новицкий

Трасса в горах

Так это было

Было это осенью 1958 года в Ростове-на-Дону. Шло собрание партийного актива области. В перерыве многие участники собрания, как это повторялось не раз на таких встречах актива, беседовали, каждый о своем, с Михаилом Шолоховым.

Писатель спросил Ивана Павловича Каплина, начальника Ростовского строительного управления Главгаза СССР:

— Как дела газовые?

— Хороши, Михаил Александрович. Тянем третью «нитку» из Ставрополя в Ростов.

— Ну а по ту сторону гор, к югу от нас?

— Там, в Закавказье, слышно, целину поднимают. Строительство первого магистрального газопровода Карадаг—Тбилиси идет полным ходом.

Шолохов помолчал с минуту, задумчиво тронул усы и сказал напоследок:

— Вот ведь как интересно получается — Кавказ покрывается сетью газовых линий. Не могли бы вы написать статью для нашего журнала «Дон» о том, что за люди газостроители, и о всей, так сказать, кавказской проблеме газостроения? Очень нас обяжете...

Статья Ивана Павловича Каплина появилась в февральской книжке «Дона» за 1959 год. Вот уже не думал, не гадал он тогда, что ему вскоре

придется поработать и «по ту сторону гор» и действительно, на практике, стать участником решения всей Кавказской проблемы магистрального газоснабжения! К тому времени, когда была написана статья для «Дона», Иван Павлович закончил свои строительные дела в Ростовской области и готовился к переезду в Грозный. Там его ждала сравнительно более спокойная работа начальника управления газопроводов.

Сидя в Грозненском управлении, Иван Павлович вспоминал свою жизнь. Вот он, казаченок Ваня Каплин, поступил учеником слесаря на нефтепромысел. Вот он на стройке нефтепроводов. И все время учится — то на рабфаке, то в вечернем техникуме в Грозном и, наконец, в Азербайджанском индустриальном институте. Да, нелегко дался диплом инженера! Но зато какой большой практический опыт приложен к этому диплому!..

В конце 1961 года Иван Павлович был вызван в Москву к начальнику Главгаза СССР Алексею Кирилловичу Кортунову. Разговор конкретный:

— Принимайте новое дело: назначаем вас директором строящегося газопровода Орджоникидзе—Тбилиси. Опыт у вас большой. Да и Закавказье вы знаете. Так ведь?

— Да, так. До войны участвовал в прокладке нефтепровода Баку—Ватуми. В войну был на оборонительных работах на перевалах. Ну, а в последние годы состоял в государ-

ственных комиссиях по выбору трассы газопровода Орджоникидзе—Тбилиси и окончательному ее варианту. Пешком исходил эту трассу дважды, туда и обратно.

— Значит, говорить вам о значении новой трассы не приходится. Вы и сами знаете, что она поможет нам создать Кавказскую газотранспортную систему, а затем присоединить ее к будущей Единой газотранспортной системе европейской части СССР. Давайте сразу же обсудим кое-какие детали этой стройки...

Репортаж с перевала

В конце мая нынешнего года, когда новая трасса, принятая Иваном Павловичем Каплиным, уже жила полноценной жизнью, сотрудники грузинского радио и телевидения попросили меня подготовить передачу о людях голубого огня, о газостроителях, забравшихся так высоко в горы, как никогда еще не приходилось мастерам этой романтической и удивительной профессии.

И в самом деле: до сих пор в нашей стране самыми высокогорными считались газопроводы Уфа — Магнитогорск, идущий через Урал, и отвод Карадагского газопровода на Ереван, сквозь скалы Иджевана. Чуть повыше пролегает газовая магистраль через Скалистые горы в США — 1 700 метров над уровнем моря. Ну, а я отправился на самую высшую отметку газовой магистрали Орджоникидзе—Тбилиси — на высоту 2 500 метров!

И мне необыкновенно повезло: я стал свидетелем небывалого события — на высоту двух с половиной километров над уровнем моря впервые поднимались газовые трубы. Спирально медленно двигались в заблачную высь трубопроводы на автоходу. Впереди каждого из них шел сигнальщик. Задача у этих «впередсмотрящих» сложная: зорко следить за каждым сантиметром дороги, по одну сторону которой зияли бездонные пропасти, а по другую — сверкали нестерпимо белые шапки снегов, с которых каждую минуту мог сорваться громадный ком. И вот тогда я, кажется, по-настоящему понял, что представляет собой трасса нового

газопровода, которой, как мне говорили строители, предстоит пересечь до 300 речек, оврагов и участков. Беспокойных по части селевых потоков и снежных лавин...

Операция по доставке труб на перевал прошла благополучно. Первые полтора километра газовых труб были осторожно сгружены на подготовленную площадку, где их предстояло непрерывно накапливать для, как говорят строители, укладки в дело. Иван Павлович Каплин и начальник Главгаза Грузинской ССР Вахтанг Александрович Пааташвили пояснили, что я, в сущности, присутствую в данный момент при рождении нового участка трассы — третьего по счету. Два других — орджоникидзевский и тбилисский уже действуют и движутся навстречу друг другу. Между ними начинает работу перевальный участок. Прокладка газовой магистрали отсюда ведется с высшей отметки в двух направлениях к орджоникидзевскому и тбилисскому участкам. Создание этого участка, ранее не предусмотренного проектом, позволит быстрее завершить прокладку всей трассы. Почему? Да потому, что летние месяцы будут полностью использованы для укладки труб на самом трудном, перевальном участке, где уже осенью полным-полно снега и льда. Трубы здесь для надежности укладываются на большую, чем обычно, глубину. Есть и еще одно важное соображение: газостроители в эти месяцы меньше будут мешать туристам, движущимся по узким ущельям.

От Орджоникидзе до Тбилиси

Военно-Грузинская дорога... Кто не помнит посвященные ей восторженные строки Пушкина и Лермонтова, Толстого и Горького, Важа Пшавела и Ильи Чавчавадзе! А если вы начинали свое путешествие в Орджоникидзе, очевидно, вслед за Пушкиным повторяли его слова о том, что «мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен». Заканчивая свой путь во Мцхета, древней столице Грузии, у самого порога Тбилиси, вы, бесспорно, невольно шептали про себя лермонтовские строки о струях

шагом спустился по мраморной лестнице, как окружили его у ворот приближенные, которым он что-то долго и горячо говорил. Можно было увидеть и притаившегося за деревом Надира, который украдкой наблюдал за своим врагом.

— Я сейчас вернусь! — крикнул Дато и побежал вниз к отцу. Никто не знает, о чем говорили тогда отец с сыном, как решили они действовать. Только в тот же вечер на виду у всех корабль Надира покинул гавань и ушел в море. На палубе стояли рядом Диндина, Дато и сам Надира. Но когда земля скрылась вдаль, с корабля спустили лодку, которая направилась к берегу.

Через десять дней, когда Бека-Сафар с каким-то поручением султана отправился в Тегеран, Тамуния с матерью бесследно исчезли из Стамбула.

Бека-Сафар рвал и метал. Он разослал лазутчиков во все концы, объездил сам окрестности города, но нигде не смогли напасть на след беглецов. Три года длились тщетные поиски. В конце концов Бека вернулся в «Железный кол» и заперся от людей в своем дворце. Волосы у него поседел, лицо покрылось морщинами, сдал и надломился непримиримый Бека.

Однажды ночью слуга доложил Бека-Сафару:

— Какой-то незнакомец просит допустить его к вам.

В комнату вошел представительный мужчина. Огонь загорелся в глазах у Бека: он узнал Надира, вскочил с кресла и бросился навстречу.

— Успокойтесь, господин, — остановил его тот. — Я пришел к вам для важного разговора.

— Видно, постарел я и обессилел, если враг решается прийти ко мне в дом, — проговорил Бека хрипло.

Но Надира даже бровью не повел. Он продолжал, как ни в чем не бывало:

— Не по своему делу решился

переступить я этот порог, господин, и вам придется выслушать, что я скажу. Меня послал народ, и воля его превыше всего.

Бека-Сафар отступил и снова уселся в свое кресло, не отводя горящего, как у голодного сокола, взгляда от лица Надира.

— Я слушаю тебя, говори, — произнес он наконец.

— Грузинский народ тяжело стонет под гнетом османов. Ты отступился от нас, отдал свой край врагам на растерзание. Тех, кто не изменяет родной вере, преследуют и притесняют, разоряют хозяйства, выселяют с семьями в Турцию, продают в рабство. Разве так поступали люди из рода Джакели прежде, господин Бека?!

— Меня зовут Сафар-бегом, не забывай об этом!

Надира вполголоса проговорил:

— Моя невестка и твоя дочь нарекла своего сына Бека. Ты знаешь об этом?

— Что?! — воскликнул Бека-Сафар, приподнявшись в кресле и сжимая изо всех сил его ручки. — У меня есть внук Бека? — он потерял голос, последние слова произнес полупшепотом.

— Да, своего третьего сына Тамуния назвала твоим именем.

— Третий сын! У моей дочери трое сыновей!

— Младший очень похож на тебя. Когда его крестили твоим именем, католикос так и сказал — настоящий, говорит, Джакели.

Рука Бека непроизвольно потянулась к эфесу сабли. Он задумался на мгновение, затем крикнул:

— Значит, меня ты считаешь изменником, человеком без роду и племени!

Опустив голову, Надира негромко, но твердо ответил:

— Так говорят в народе.

— Что же еще велели передать мне?

Надира сунул руку за пазуху и вытащил оттуда бумажный кулек,

Арагвы и Куры, обнявшихся точно две сестры...

А теперь Военно-Грузинская дорога стала трассой новой большой стройки семилетки. В горы пришла коммунистическая новь. Пришла в образе новой первоклассной техники, нарушив первозданную тишину заснеженных перевалов.

Строительство газопровода Орджоникидзе — Тбилиси началось с первых дней 1962 года — четвертого года семилетки. Что это за магистраль, каково ее назначение? Первый, кто ответил нам на этот вопрос, был Вахтанг Александрович Пааташвили. Беседа с ним велась в Тбилиси — штаб стройки находится здесь, в столице Грузии. Но свой коротенький рассказ Вахтанг Александрович начал не со строящегося газопровода Орджоникидзе — Тбилиси, а с действующего Карадаг — Ереван — Тбилиси.

— Прошло уже почти три года, — сказал он, — как в столице Грузии и Армении пришел природный газ из Азербайджана. Карадагский газопровод, который народы Закавказья назвали трассой дружбы, находится в действии. За время его эксплуатации в городах Тбилиси и Рустави газифицировано много предприятий и тысячи квартир трудящихся, что позволило сберечь государству и населению многие тысячи рублей, которые раньше расходовались на другие, дорогие виды топлива. Но газа требуется все больше. Достаточно сказать, что с будущего года вступит в действие мощная Тбилисская ГРЭС, которая в основном будет работать на газе. Поэтому понятно, с какой радостью было встречено в Грузии решение Советского правительства безотлагательно начать и быстро осуществить строительство нового газопровода Орджоникидзе — Тбилиси, который даст столице Грузии могучий поток северокавказского газа. Проект этого строительства выполнен Украингазпром. Самое же важное состоит в том, что новый газопровод соединится с действующим Карадагским. Образуется единое «газовое кольцо», которое позволит лучше регулировать режим эксплуатации этих магистралей и лучше распоряжаться ресурсами газа в интересах всего Закавказья.

— Откуда лучше всего начинать поездку по трассе?

— Разумеется, с Дигоми...

Новая судьба Дигоми

И, действительно, если вы хотите попасть на стройку газопровода Орджоникидзе — Тбилиси, приезжайте раньше в Дигоми. Здесь воздух свеж и чист, а Военно-Грузинская дорога, еще в черте Тбилиси, сразу же предстает перед вами в новом своем облике, здесь на фоне синееющих вдали гор, в зеленой рамке леса поднялись десятки жилых домов. Тбилисцы быстро обживают этот уголок своего города. И вместе с ними уже называют себя дигомцами и многие газостроители: исполком Тбилгорсовета предоставил им здесь жилую площадь.

Этот новый, быстро растущий жилой район столицы Грузии стал теперь важным отправным пунктом газовой трассы. Здесь в нижнем этаже одного из новых больших домов разместились недавно дирекция строящегося газопровода. Контора почти целый день пуста — все люди на стройке. Но как-то недавно она вдруг наполнилась многоголосым шумом. Собрались все командиры трассы, все, кто ответственны за судьбу нового газопровода. Обсуждались по существу два вопроса: с сроков строительства и о некоторых особенностях прокладки газопровода в высокогорных условиях. Строительство газопровода Орджоникидзе — Тбилиси должно быть закончено с таким расчетом, чтобы столица Грузии получила северокавказский газ в пятом году семилетки — таково было решение, принятое на этом памятном совещании. Газостроители обязались преодолеть любые трудности, чтобы заставить горы открыть дорогу голубому огню...

Тбилиси заботливо отнесся ко всем нуждам газостроителей. И дело не только в хороших квартирах. Стройке активно помогают и многочисленные организации столицы Грузии. Перечень этих организаций и порученных им в интересах трассы работ весьма внушителен. Тбилгидеп проводит изыскательные работы и выдает рабочие чертежи по прокладке тоннелей. Грузшхатстрой строит эти тоннели. Министерству строительства дано задание соорудить все дома линейных работников и РЭП — ремонтно-эксплуатационный пункт с поселком. Наконец, Главтиблстрой воздвигает в Дигоми административное здание и 60-квартирный жилой

дом для Закавказского управления газопроводов. Дигоми, таким образом, станет центром крупного газового хозяйства республик Закавказья.

Здесь, в Дигоми, с особой наглядностью видишь, что газовики идут по пути энергетиков. Подобно тому, как создана Закавказская энергетическая система, подобно тому, как она соединена с энергосистемой Краснодарского края, рождается и Закавказская газовая система, которой вскоре предстоит стать Кавказской. А дальше она войдет важной составной частью в Единую газотранспортную систему европейской части СССР. Диспетчерское управление газопроводами Закавказья будет в Дигоми точно таким же, как в Тбилиси, где существует диспетчерское управление энергосистемой. Это здесь, в Дигоми, будут регулировать снабжение газом Тбилиси и Рустави, Еревана и Ленинакана и других городов Закавказья. Дигоми будет в дружбе со всеми газовыми месторождениями Кавказа — с Карадагом и Ставрополем, с Грозным и Майкопом...

Встречи в пути

На одном из участков трассы мы идем по рыхлой, словно вспаханной земле. Не верится, что еще несколько дней назад здесь была возвышенность, преграждавшая путь газостроителям. Теперь ее нет, как ножом срезало. Мощный взрыв сделал свое дело.

Производитель буровзрывных работ молодой инженер Зураб Мамиевич Кантария рассказывает:

— На протяжении полутора километров мы подняли в воздух огромные массы земли и скальных пород. Зрелище, конечно, было величественное. Не знаю, зарегистрировали ли этот мирный взрыв сейсмостанции, но на киноплёнке он запечатлен. И скоро вы его увидите на экране в документальном фильме, посвященном разворачивающемуся в горах строительству газопровода...

Зураб Кантария окончил Грузинский политехнический институт, затем работал на одной из шахт Донбасса, а сейчас стал газостроителем... Таких встреч с интересными людьми много на трассе. Есть здесь и кадрики, побывавшие в самых различных уголках страны, есть и новички.

Газостроители бережно обходят виноградники и сады. Они уважают труд грузинского крестьянина. Действительно, раздвигая горы, они вместе с тем ничем не нарушают вековой красоты этих мест.

Подъезжаем к одному из участков трассы на подступах к горам. Вдаль, до самых гор, среди которых сверкает на солнце белая папаха Казбегги, тянется прорытая роторным экскаватором траншея. Рядом с ней сваренные в «нитку» 500-миллиметровые трубы, подготовленные к укладке в землю. Это трубы, поступившие из Чехословакии. Вместе с сотнями километров труб отечественного производства они скоро протянутся стальной нитью по всей трассе газопровода. На этом участке много техники — изолированных машин и трубоукладчиков. И управляет всем этим хозяйством бригада Георгия Петросяна. В ней дружно трудятся грузины, азербайджанцы, армяне. Они участвовали в строительстве газопровода Карадаг — Ереван — Тбилиси и сейчас умело используют на новой трассе накопленный опыт. Традиции трассы дружбы перенесены на новую стройку!

А вот еще одна любопытная встреча. Перед нами машинист трубоукладчика Михаил Арчилович Мезвришвили. Он прибыл к нам с севера и, хотя родом из Кахетии, впервые строит на земле Грузии газопровод. В армии газостроителей он уже лет десять, окончил специальные курсы в Куйбышеве, работал во многих местах страны, прокладывая газопроводы к Москве, Ленинграду, Краснодару...

Беседуя с Мезвришвили, мы пригласили и его помощника — шустрого, старательного парня. Познакомились и с ним. Роман Апицаури оказался из местных водителей. Очень старается, радуясь тому, что газ получит и его родной район, лежащий у трассы... Да, это одна из самых последних огоньки больших новостей: голубые огоньки газа вспыхнут в горах также, как вспыхнули здесь много лет назад «лампочки Ильича»!

Повстречался я на стройке и с Борисом Георгиевичем Кравцовым. Его лицо показалось мне знакомым.

— Где я мог вас видеть?

— Если в Тбилиси, то много лет назад. Я ведь родился здесь, отец мой старый железнодорожник...

— Ну, а еще где мы могли познаться?

Борис Георгиевич подумал с минутой, а затем ответил с улыбкой:

— Не иначе, как вы могли меня видеть в кино. На экране. Меня сняли крупным планом в документальном фильме «Люди голубого огня». Было это в Средней Азии, около Бухары...

И Борис Георгиевич рассказал мне, что, участвуя в строительстве знаменитого газопровода в Средней Азии, прославился тем, что нашел возможность сократить трассу на 9 километров. Это дало большой выигрыш во времени, сберегло много металла, рабочей силы, денежных средств.

Познакомился я и с Отаром Владимировичем Гзиришвили. Родился он в Орджоникидзе, учился в Грозном, работал на нефтяных промыслах Татарии, а затем в Москве в Главгазе СССР.

— После окончания строительства газопровода Орджоникидзе — Тбилиси, — говорит Отар Владимирович, — останусь на его эксплуатации...

Инженеры Кравцов и Гзиришвили рассказали, как коллектив строителей готовит кадры. Группа местных специалистов прошла обучение в Челябинске, где у Главгаза СССР есть своя школа механизаторов. Часть этих новых людей останется на построенном действующем газопроводе, часть уйдет с коллективом на новые трассы.

Буквально рядом с трассой, где сваривают трубы и роют роторными экскаваторами траншеи, стоят красивые вагончики на автоходу. Они как бы образуют поселок строителей. Вагончики изготовлены в Прибалтике, а сколько они уже поездили по нашей стране! Захожу в один, другой, третий. Жилье с комфортом: с превосходными умывальниками, отопительной системой и холодильниками. Разместились в вагончиках и магазин, и столовая, и баня... А закончат строители работу на этом участке трассы, и вагончики переедут на новое место.

Повстречались мы на трассе и с теми, кого называют здесь первыми помощниками газостроителей, — с тоннельщиками Грузии. Это проходчики «Грузшахтостроя», люди, которые умеют прокладывать путь к угольным залежам, а сейчас по про-

екту Тбилгидэпа пробивают горы, чтобы открыть дорогу могучей струе природного газа. Проходка первых и самых больших тоннелей идет полным ходом!

Но самое сильное впечатление произвели на нас забота и внимание, с которыми относятся местные жители к газостроителям. Трасса проходит через красивые села и памятные, дорогие грузинскому народу места. Я видел, как старик-горец, живописный и романтический, угощал хлебом и сыром бульдозеристов и экскаваторщиков — русских ребят, где только не побывавших со своими машинами, видевших и минареты Самарканда, и леса Урала... Они с первого же дня почуствовали, что обрели на земле Грузии новых, больших друзей.

Эстетика стройки

Орджоникидзевский участок трассы во многом отличен от тбилисского. Здесь несравненно больше сложных инженерных сооружений. Большинство тоннелей в горах пробивается на этом участке. Наконец, здесь будет огромный воздушный мост над Терекком на 23-метровых пилонах. Газовые трубы повиснут высоко в воздухе, над бешеными водами реки...

Об этом мне рассказал Иван Иванович Ключац, молодой специалист, недавно назначенный начальником Орджоникидзевского участка. Я заметил, что это, очевидно, будет очень красиво.

— Да, — раздумчиво сказал он. — Военно-Грузинская дорога приобретает все новую красоту. И начали это преобразование не мы, газостроители. Приоритет за энергетиками. Ведь как здорово, органически впечатали они Загас с его плотной и с шадровским монументом Ленину в привычный пейзаж дороги. Теперь одно не отделишь от другого — Джвари и Загас стоят лицом к лицу, как живое воплощение многовековой истории Грузии. Вот так и мы, газостроители, сейчас решаем и эстетическую сторону наших сооружений на трассе. Воздушный мост над Терекком, к примеру, должен запечатлеться в вашем сознании такой же органической частью дороги, как, скажем, «Замок Тамары», который мы только что проехали. Кстати сказать,

этот «замок» я помню еще с детства по известному лермонтовскому рисунку. С юных лет я рвался на Военно-Грузинскую дорогу: манила романтика, увлекала колдовская сила лермонтовской поэзии. И вот, как видите, теперь я не просто связан с этой сказочной дорогой в горах, но и несу ответственность за эстетические начала наших строительных работ...

Об эстетике строительства на трассе я слышал не раз. Меня глубоко тронула забота строителей о том, чтобы все очертания сооружений были как бы естественным продолжением силуэтов, созданных здесь природой. Даже сторожевые домики. Это будут рассыпанные по всей трассе домики для линейных ремонтеров, внешне схожие с теми архитектурными формами и линиями, которые исстари существовали на Военно-Грузинской дороге. А во всем остальном это будут комфортабельные жилища со всеми современными удобствами — с газом и ваннами. Словом, я предвижу, что уже в будущем году фотообъективы туристов будут направлены не только на загадочный «Замок Тамары», не только на снеговую вершину Казбеги, но и на то новое, что возникает сейчас на Военно-Грузинской дороге, как знамение нашей эпохи, наших дней.

Хочется сказать несколько добрых слов о проектировщиках. Их работа на трассе полна смелой новизны. Прежде всего широко применяется так называемый метод полевого проектирования. Это значит, что проектировщики живут и трудятся тут же на трассе и без отрыва от трассы оне-

ротивно принимают решения и вносят необходимые поправки в проект. А искать новые решения приходится чуть ли не каждые сто метров трассы. И сделано уже немало для того, чтобы ускорить и удешевить строительство, — например, найдена возможность полностью исключить сооружение двух тоннелей.

Много сил у строителей отнимает устройство так называемых «полок». Это — площадка, на которой должны укладываться трубы. И такую площадку надо еще создать в какой-нибудь круто падающей в пропасть скале. Только за первые три месяца работы в скалистых грунтах было проложено 26 километров «полок». Пройдя однажды по одной такой аккуратно вырубленной в скале «полочке», я невольно вспомнил изречение Козьмы Пруткина — «Не ходи по косогору — сапоги стопчешь». Но нет: косогор исчез, можно смело гулять по «полке»; только дух захватывает, когда смотришь вниз, где движутся на дне ущелья автобусы: каждая машина не больше спичечной коробки...

Такова сегодня Военно-Грузинская дорога. В ее панораму сказочной красоты органически вписаны теперь картины новой, невиданной стройки, ведущейся по планам семилетки, по плану создания материально-технической базы коммунизма. Эта стройка даст новый могучий источник энергии экономике, культуре, быту Грузии, да и всего Закавказья. И можно не сомневаться: Военно-Грузинская дорога наших дней, новая газовая магистраль, мастера голубого огня найдут своих певцов!

М. Долинский,
С. Черток

„Для музыки я родился в Тифлисе“

Греческие города спорили о Гомере, английские — о Шекспире, российские — о Шаляпине. Казань и Нижний Новгород, Петербург и Уфа, Баку и Москва... Каждому из этих городов хотелось быть родиной творчества гениального певца. Этот спор разрешил сам Шаляпин в пользу Тбилиси. Именно здесь, вконец отчаявшийся, он встретил людей, сердечно поддержавших его. В Тбилиси, прожив два года, он постиг основы музыкальной культуры, обрел веру в свои силы. Наконец, поступив в местный оперный театр, он исполнил роли, навсегда вошедшие в его репертуар. Тут был завоеван первый прочный успех. Отсюда был услышан голос Шаляпина, вскоре покоривший весь мир. Сам Шаляпин говорил о том, что он родился два раза: для жизни — в Казани, а для музыки — в Тифлисе.

1

Горы бежали мимо...

— Скоро уже Тифлис? — спросил кондуктора, дремлющего на тормовой площадке последнего вагона, долговязый оборванец.

— Зачем спрашиваешь? — недовольно буркнул кондуктор. — Наш поезд товарный, могут и задержать.

И снова задремал. А оборванец — высокий костлявый парень с длинными волосами — принялся снова глазеть по сторонам.

Он не жалел, что оставил Баку: выступать там больше было негде, к тому же холера безжалостно косила людей. Приехал он туда с «малороссийской» труппой Деркача, грубияна и человека жадного, выдававшего всего по четвертному в месяц; но вскоре удалось устроиться к Евгению Лассалю — хозяину французской оперетки. Помог Семен Яковлевич Семенов-Самарский — первый его антрепренер в Казани и Уфе. Денег ему здесь не платили, вручили только небольшой аванс, зато управляющий труппой Пальмский сочинил записку в магазин, и там дали драповое пальто на ватной подкладке.

Он с охотой и старанием занимался с капельмейстером Шпачеком, и все поразилась, когда за четыре дня им была выучена вся партия Жермона из «Травиаты». Первый выход в оперетке прошел успешно, публика долго аплодировала, даже вызывала. Были и еще удачи. Но вдруг все пошло прахом: предприятие Лассалья лопнуло, в другую труппу молодого артиста не взяли, в соборный хор — тоже. Пальто было «съедено» без остатка, ночевать приходилось где придется — и на садовых скамейках, и обманным путем в номерах, и в воровском притоне. Подрабатывал подноской вещей на вокзале, был грузчиком на пристани пароходного общества «Кавказ и Меркурий». Жилось все хуже и хуже.

Нужно было уезжать. Хотелось в Тифлис — он слышал о нем много хорошего. Но денег не было даже на билет в третьем классе.

И тут повезло. Нашел на улице носовой платок с завязанными в узелок четырьмя двугривенными. Он поел, побегал на вокзал и уговорил кондуктора за тридцать копеек пустить его на площадку товарного вагона.

Так весной 1892 года Федор Шалапин попал в город, откуда началась его триумфальный путь в искусстве.

2

Через несколько дней Шалапин узнал, что Семенов-Самарский тоже в Тифлисе. Они встретились. Семен Яковлевич рассказал, что работает у Ключарева — офицера, который держит антрепризу и собирает оперную труппу в Батум. Пошли к нему на Саперную улицу. Ключарев Шалапина взял, и тот быстро завоевал репутацию славного малого. Он пел любые партии, мастерски паковал театральное имущество и вообще всегда мог выручить. Стоило, скажем, Семенову-Самарскому неожиданно заболеть, и Федор по просьбе антрепренера за два дня выучил и исполнил партию кардинала Броньи в «Жидовке» Галеви.

В Батуме видели Федора в ролях Фернандо в «Трубадуре» Верди, жреца Оровезе в «Норме» Беллини.

А когда труппа переехала в Кутаиси, у Шалапина прибавилась еще одна партия — Валентина в «Фаусте» Гуно. Музыкальность, сочный и сильный голос привлекли внимание к молодому певцу. Но его и тут подстерегала неудача: Ключарев уехал, опера распалась. Шалапин вернулся в Тифлис.

Тут-то и настали для него самые тяжелые дни. Он ночевал на улице, по два-три дня не ел. Если же случайно зарабатывал гривенник, тратил его экономно — ничего, кроме хлеба, не покупал.

Работу найти не удавалось. Костюм, одетый прямо на голое тело, был обтрепан до крайности. Федор снова походил на того оборванца, каким добрался до Тифлиса. Единственное, что напоминало о недавних лучших временах, была шляпа. В

эти месяцы Шалапина видела артистка М. Г. Измирова. «Это был, вспоминала она, — длинноногий парень, худой, нескладный. На нем были косovorotka и какие-то немислимые брюки (которые он именовал «пьеDESTалами»). На голове почему-то соломенная шляпа-канотье с черной ленточкой. Дно шляпы было оторвано, держалось сзади на одной ниточке, при ходьбе и ветре поднималось вверх. Немало мы смеялись по поводу этой необыкновенной шляпы».

Ему отказывали в работе — пугали лохмотья. А когда он пошел устраиваться рабочим на лесопильный завод на Куре, его не взяли из-за этой самой шляпы: «Барин!»

На всю жизнь запомнил Шалапин это время. Но в память запали не только голодные ночлеги в пустом театре или на садовой скамейке, а и те, кто помогал чужому, незнакомому человеку, кормил его и оставлял у себя ночевать.

Именно тогда, в долгие часы блужданий по городу, Шалапин по-настоящему узнал Тифлис и его жителей. В новой его части — с европейскими домами, роскошными магазинами и широкими проспектами, он избегал показываться часто: слишком неподходящим был костюм. Зато в кипящем котле старого города с его лабиринтом улиц и кривых закоулков ему было свободнее и легче.

У людей, живших тут, не было счетов в банке. Зато были отзывчивые и щедрые сердца. И не раз, увидев голодного парня, духанчики с раскаленными лицами давали лепешку и наливали стакан вина.

А когда наступал вечер, из домов неслась музыка. Шалапина поражало и восхищало, как любят в этом городе музыку. Слушая ее, Федор на время забывал о голоде.

Но потом все начиналось сначала. Одурающие запахи неслись из духанов, кружилась голова, подкашивались ноги. И все-таки милостыню он просить не мог.

«Что же делать? — мучительно раздумывал Шалапин. — Покончить с собой?»

Мысль о самоубийстве все чаще приходила в голову. И однажды Федор решил зайти в оружейный магазин: пусть только покажут револьвер, а он выстрелит в себя. Уже у

входа встретился с товарищем по труппе Ключарева — итальянцем Понтэ. Тот бросился расспрашивать: «Что с тобой? Почему ты так выглядишь?» Федор не смог говорить — расплакался. Понтэ потащил его к себе, накормил макаронами, успокоил. А на следующий день Шаляпин прочитал афишу, извещавшую, что в одном из увеселительных садов будет разыгрываться любительский спектакль. Он пошел туда, встретил актера по фамилии Охотин и рассказал о себе. Тот послушал, как поет Федор, и пригласил его в хор, дав для выступлений русский костюм. Назначили ему по 50 копеек в вечер.

Вскоре в Пушкинском саду он познакомился с хористом Иваном Перестиани (будущим известным кинорежиссером и актером). Бедность, юношеская мечтательность, общность интересов сблизили их. Дружба эта продолжалась почти тридцать лет. Вместе с артистом Н. Г. Северским и гимназистом Костей Прокофьевым, ставшим впоследствии опереточным баритоном, они ночевали на скамейках в Александровском саду (теперь сад Коммунаров). Отсюда было близко до старого казенного театра на Водозной улице, куда друзья ходили слушать оперы, ухитряясь проходить без билетов.

Федор продолжал петь в хоре, а когда в саду поставили «Русалку», сыграл свата, лихо отплясывая с развернутым красным платочком. Но денег это давало мало — не хватало даже на то, чтобы сытно поесть. Вместе с друзьями Федор ловил в Куре рыбу, которая потом торжественно варилась в сарае на Немецкой улице, где он ютился. По ночам вместе с сыном хозяина он делал набеги на соседний фруктовый сад, а в свободные часы, к неудовольствию хозяйки, пел во весь голос, собирая под окнами народ.

Положение Шаляпина было безразлично товарищам, любившим его за талант, смекалку, веселый нрав и доброту. Одна из хористок, Крендовская, стала хлопотать, чтобы в его пользу был устроен спектакль. Ее поддержал бывший помощник режиссера оперы Алешков, который к этому времени оставил профессиональную сцену и, участвуя только в любительских кружках, поступил на службу в Главное уп-

равление Закавказской железной дороги. Общими силами организовали в Немецком саду спектакль, поставили «Наталку-Полтавку». Шаляпин пел Петра. Осталось ему от сбора около тридцати рублей и хватило их ненадолго. Тогда артист решил попросить о помощи самого Алешкова. Тот, узнав, что Шаляпин знаком с конторской работой, направил его к главному бухгалтеру управления Закавказской железной дороги Рябинину.

Герасим Рябинин — человек богатырского сложения и доброго сердца — поговорил с молодым певцом, посочувствовал ему и взял писцом с жалованием рубль в день. Алешков не случайно направил Шаляпина именно к Рябинину. Герасиму Ивановичу было тогда лет сорок, из которых последние десять он жил в Тифлисе. Обладатель хорошего голоса, певший в прошлом в опере, имеющий музыкальное образование, он оставил сцену и переехал в Тифлис. Но не потерял связи с миром искусства. Он был одним из учредителей Тифлисского артистического общества, которому отдавал все свободное время. Оказать помощь нуждающемуся актеру Рябинин считал своим долгом. И с этого дня Шаляпин аккуратно являлся по утрам в дом на углу Елизаветинской и Вокзальной улиц.

Как ни приятно было получить хоть какой-нибудь постоянный заработок, но мысль о сцене, тоска по ней не оставляли Федора. Он уже не мог жить без тревожащего гула в зале перед поднятием занавеса, волшебного света рампы. В том, что у него хороший голос и музыкальные способности, он сомневаться не мог, и, как только представлялась возможность, продолжал выступать в садах.

✘ Как-то, в конце лета девяносто второго года, товарищи сказали ему, что небольшая группа — восемь человек во главе с хормейстером Карлом Вендтом — собирается в Куджори, чтобы дать там концерт. Федор с радостью согласился, а Рябинин охотно отпустил его.

Нужно было пройти пешком девятнадцать километров. По дороге начался дождь. Он становился все сильнее и превратился в ливень. Публика, конечно, не пришла. Все заночевали в Куджори, а Федор, который

боялся опоздать на работу, с товарищем пошли обратно в Тифлис. Гроза продолжала буйствовать. Шалапин сбился с пути. Дважды поскользнувшись чуть не свалился в пропасть. Наконец, добрались до какого-то духана и легли там на пол рядом с другими промокшими и продрогшими путниками. В Тифлис добрался только к восьми утра и, едва обсушившись, пошел на работу. А к полудню почувствовал сильный озноб и боль в горле. Его отравили в железнодорожный лазарет.

Выздоровев и вернувшись на работу, он вскоре, в конце августа, получил письмо от Семенова-Самарского. Тот сообщал, что может устроить Шалапина в оперу Перовского в Казани на вторые роли, рублей на сто в месяц. Причем, можно получить аванс на дорогу. Согласие последовало тут же («Я вспыхнул великой радостью», — вспоминал он потом). Пришел аванс, и в тот же день Шалапин отказался от места в бухгалтерии.

3

Случилось, однако, непредвиденное. Рябинин и Алешков давно уже говорили Федору, что на него обратил внимание бывший артист столичных оперных театров преподаватель пения Усатов. И в день отъезда из Тифлиса Шалапин решил: «Чем я рискую? Пойду к Усатову!» Правда, сделать это оказалось не так просто. Первый визит окончился неудачно: в музыкальное училище Тифлиского отделения Русского музыкального общества, где преподавал Д. А. Усатов, швейцар, подозрительно покосившись на потрепанный костюм, не впустил его. Вторая и третья попытки также окончились неудачей. Пришлось идти к преподавателю домой.

Федора встретил полный человек маленького роста с закрученными кверху усами, бородкой-эспаньолкой и длинными, зачесанными назад, волосами.

...Алексей Григорьевич Рчеулов, тенор, ученик Усатова, как раз в эти часы занимавшийся у него, вспоминал потом: «В один прекрасный день, когда Усатов давал у себя на квартире уроки, к нему явился молодой человек в совершенно изношенном и изодранном наряде и на вопрос Уса-

това, что ему надо, ответил приблизительно так: «Я хотел бы, чтобы господин Усатов меня прослушал и, если найдет возможным, не оставил бы своим вниманием и позанимался бы со мной. Я уже три раза пытался обратиться к вам в класс, но ни швейцар, ни лакей до вас не допускали».

— Ну что ж, давайте покричим, — чуть насмешливо предложил Усатов.

Сначала он попросил молодого певца сделать несколько арпеджий. Потом предложил обратиться к классическому репертуару. Репертуар этот был у Шалапина небольшой: «Чуют правду» из «Ивана Сусанина», романс Козлова «Когда б я знал», «О поле, поле» из «Руслана и Людмилы», еще несколько романсов и арий из опер, в которых он участвовал.

Так как Шалапин предполагал, что у него баритон, то предложил арию Валентина из «Фауста». Чуть ли не после первых нот преподаватель перестал аккомпанировать. Наступило тягостное молчание. Наконец, Шалапин не выдержал и спросил:

— Что же, можно мне учиться петь?

— Должно! — ответил Усатов.

Неловкость рассеялась. Разговорились. Федор с радостью начал рассказывать, что едет в Казань, будет там получать сто рублей в месяц, за пять месяцев — пятьсот рублей. Сто из них он проживет, а с остальными вернется в Тифлис, чтобы учиться петь.

— Бросьте все это! — перебил его Дмитрий Андреевич. — Ничего вы не скопите. Все это мне известно. Оставайтесь здесь и учитесь у меня. Денег за учение я с вас не возьму.

Он повел его в соседнюю комнату и дал ему часть своего гардероба. А узнав, что и пообедать Федору не на что, оставил обедать у себя. Собираясь уходить, Шалапин твердо уже знал, что не поедет в Казань, что обязательно останется учиться у Усатова и думал только о том, на что же ему жить. Но перед самым его уходом Дмитрий Андреевич сказал:

— Рябинин — мой хороший знакомый. Я напишу ему, и он опять возьмет вас на службу.

Федор побежал с этим письмом в бухгалтерию но... его место было уже занято. Он вернулся к Усатову в страшной растерянности.

— Что ж, — спокойно заметил учитель. — Я напишу письмо другому.

...В своей автобиографии Шалаяпин вспоминает, что Усатов отправил его «к владельцу какой-то аптеки или аптекарского склада, человеку восточного типа». Прочитав письмо, этот человек сказал, что будет давать десять рублей в месяц. И тут же выдал за два месяца вперед.

— А что же я за это должен делать? — робко спросил Федор.

— Ничего. Нужно учиться петь и получать от меня за это десять рублей в месяц.

Артист был поражен. Все это походило на сказку. Он не знал содержания усатовской записки. А в ней было сказано, что у Шалаяпина удивительный, от природы поставленный голос, как это бывает только у итальянских певцов, что заниматься с ним он будет бесплатно и что помочь молодому человеку — долг всех, кто любит искусство.

4

Учение у Усатова продолжалось ровно год — с сентября 1892 года по сентябрь 1893 года. Никогда потом Шалаяпин ни в каких учебных заведениях и у преподавателей не занимался. Этот год был для него сразу всеми курсами консерватории.

Кто же такой Усатов?

Дмитрий Андреевич много лет работал в московском Большом театре, исполняя ведущие теноровые партии, пользовался популярностью у публики. В 1881 году он — впервые в Большом театре — спел партию Ленского в «Евгении Онегине». Через восемь лет, оставив сцену, Усатов переехал в Тифлис, где начал преподавать вокал в музыкальном училище и давать частные уроки. Горячий пропагандист русской музыкальной школы (и, кстати, автор многих романсов), он сыграл в жизни Шалаяпина роль исключительную. Жизнь Федора разительно переменялась после их встречи.

Помимо постановки голоса и прохождения партий, Дмитрий Андреевич знакомил Шалаяпина с традициями русской оперной культуры. Усатов помог ему осмыслить и развить то, что ощущалось Федором лишь интуитивно, помог стать на

путь, который привел Шалаяпина к вершинам искусства.

Федор Иванович вспоминал: «Ведь это очень хорошо — «держать голос в маске», «упирать в зубы» и т. п., но как овладеть этим грудным, ключичным или животным дыханием, — диафрагмой, чтобы уметь звуком изобразить ту или иную музыкальную ситуацию, настроенные того или другого персонажа, дать правдивую для данного чувства интонацию? Я разумею интонацию не музыкальную, то есть держание такой-то ноты, а окраску голоса, который ведь даже в простых разговорах приобретает различные цвета. Человек не может сказать одинаково окрашенным голосом: «я люблю тебя» и «я тебя ненавижу». Будет непременно особая в каждом случае интонация, то есть та окраска, о которой я говорю. Значит, техника, школа кантиленного пения и само это кантиленное пение еще не все, что настоящему певцу-артисту нужно. Усатов наглядно объяснял это на примерах».

Дмитрий Андреевич показывал разницу между итальянской и русской оперными школами. Вот «Риголетто» — прекрасная музыка, легкая, мелодичная и в то же время как будто характеризующая персонажи. Усатов пел арии из «Риголетто» и показывал, что характеристичны все же остаются одноплановыми, исключительно лирическими. Потом он играл и пел отрывки из опер Мусоргского. Вот в «Борисе Годунове» два голоса в хоре, две коротенькие, как будто незначительные музыкальные фразы:

Один голос:

— Митюх, а Митюх, чаво орем?

Другой отвечает:

— Вона — почем я знаю?

И музыка отчетливо рисовала Шалаяпину физиономии этих двух парней: одного — резонера с сипловатым голосом и красным носом, любителя выпить, и другого, в котором угадывается протак. А Усатов объяснял: Мусоргский музыкальными средствами психологически изображает каждого из своих персонажей, его музыка действует на воображение, у него красноречивы даже паузы.

Немного позже в музыкальном кружке в Тифлисе поставили сцену в корчме из «Бориса Годунова». Шалаяпин играл пристава. «Я вдруг по-

Фотография Шаляпина, подаренная им Перестяни. Тифлис, 1893 год.

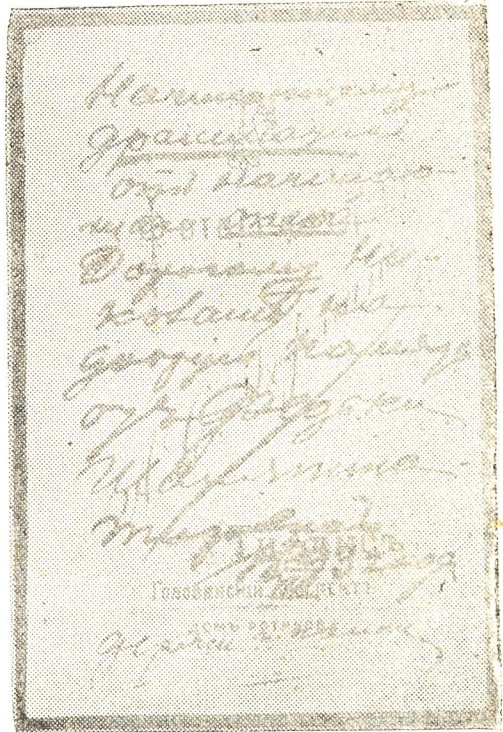
чувствовал в этой странной музыке, — рассказывал он потом, — нечто удивительно родное, знакомое мне. Мне показалось, что вся моя запутанная нелегкая жизнь шла именно под эту музыку. Она всегда сопровождала меня, живет во мне, в душе моей и более того — она всюду в мире, знакомом мне. Это я теперь так говорю, а тогда я просто почувствовал какое-то благоговейное слияние тоски и радости. Мне хотелось плакать и смеяться. Первый раз я ощутил тогда, что музыка — это голос души мира, ее безглагольная песнь».

Прежние друзья не узнавали Федора. Теперь его не затащить было ни в увеселительный сад, ни в компанию. Он даже отказался, как бывало, побродить по городу. Шаляпин снял комнату получше на Саперной улице, взял напрокат пианино и усердно работал. Случались дни, когда он совсем не выходил из дому, увлекшись разучиванием какой-либо партии, обдумывая те образы, воплотить которые через несколько лет, он достиг мировой славы.

Оценивая впоследствии год учебы у Усатова, Шаляпин сделал такой вывод: «Этот превосходный человек и учитель сыграл в моей артистической судьбе огромную роль. С этой

встречи с Усатовым начинается моя сознательная художественная жизнь. В то время, правда, я еще не вполне отдавал себе отчет в том, что было положительного в преподавании Усатова, но его влияние все же действовало на меня уже тогда. Он пробудил во мне первые серьезные мысли о театре, научил чувствовать характер различных музыкальных произведений, утончил мой вкус и — что я в течение всей моей жизни считал и до сих пор считаю самым драгоценным — наглядно обучил музыкальному восприятию и музыкальному выражению исполняемых пьес».

Но это было потом. А пока что Дмитрий Андреевич, понимая, что большим актером не может стать человек некультурный, малообразованный, даже просто плохо воспитанный, взялся за него с самого начала. У Федора была только одна рубашка, которую он сам стирал в Куре. Усатов дал ему белье и просил сле-

Надпись Шаляпина на обороте гласит: «Начинающему драматик от начинающего опера дорогому Николаше на добрую память от Федьки Шаляпина. Тифлис, 26/VIII 1893 г. Держи и помни».

в котором что-то двигалось и негромко жужжало.

— Еще велели передать вот это.

— Что в твоём кулёчке? — удивился Бека.

— Это грузинские пчелы — тут и матки и самцы. Пусть, говорят, плодятся и размножаются здесь пчелы грузинской породы. Ты знаешь, господин, эти пчелы из Гелатского монастыря, где завели их когда-то ваши деда и прадеды.

— Для чего мне пчелы? У меня и меда достаточно и восковой водки.

— Тебе велели, чтобы из этого воска ты отлил свечи и поставил перед Ошкской иконой, может, тогда простится тебе твой великий грех.

Бека-Сафар откинулся в кресле и, с трудом сдерживая гнев, заговорил:

— Хватит, Надира. Я все тебе прошаяю, чтобы не лишать своего внука второго деда. Но прошу тебя, уходи, не выводи меня из терпения. Иди своей дорогой, не испытывай судьбу...

Но Надира поднял руку, требуя внимания:

— И еще одно поручение к тебе есть у меня. Со мной прислали сюда твоего внука. Прикажи, и я приведу его сейчас же.

— Что?!

— Здесь твой младший внук — Бека. Он вырос у меня на руках, на этих самых руках, — Надира протянул вперед обе руки. — Об одном прошу, не принуждай его перейти в османскую веру.

— Скорей приведи его, покажи мне внука, наследника моего имени!

Надира вышел из комнаты. Бека-Сафар хлопнул в ладоши. В мгновение ока перед ним очутился верный слуга.

— Не спускай глаз с этого человека, следуй за ним, не давай ему скрыться, не то... — Бека не договаривал, но все было и без того ясно. Слуга молча поклонился и стремительно вышел из комнаты.

Скоро Надира вернулся. Рядом с

ним шел мальчик, при виде которого Бека снова не смог сдержать волнения: он вспомнил свое детство, узнал куртку, которую носил, вот золотая нить, отец привез ее на рождество, вот соколята с распростертыми крыльями, которых вышила на плечах его нянька. Как сквозь сон донесся до него голос внука:

— Здравствуйте, дедушка!

— Подойди поближе, внучек, дай мне поглядеть на тебя.

Мальчик смело подошел к креслу, на котором сидел Бека-Сафар, и смело ударил с размаху своей маленькой ладошкой по его правой руке.

— Как ты меня узнал, внучек? — удивился Бека.

— А я тебя знаю. Папа нарисовал тебя на картине. Только на той картине ты совсем другой, дедушка: на тебе чоха, а на голове — грузинская шапка...

Долго сидел Бека неподвижно и безмолвно, слушая звонкий голос ребенка. Мальчик обернулся к Надиру:

— Дедушка, а ты не забыл показать подарок крестного?

Бека перевел вопросительный взор на Надира, который пояснил:

— Я ведь говорил, его крестил сам католикос.

— О каком подарке говорит ребенок? — медленно проговорил Бека.

— Гроздь винограда. Этот сорт — качичи — некогда дед твой, великий Кваркваре Джакели, преподнес иконе пресвятой богородицы в Гелати, чтобы напомнить о клятве.

Бека побледнел, глаза у него стали большими и испуганными.

— Гроздь качичи?

— Да, гроздь винограда, сорванная рукою вашего великого предка и засушенная меж страниц наших древних книг. Кваркваре сам понес ее в Кохтастави, когда давал клятву освободить страну от монголов.

Взволнованно ходил Бека-Сафар по комнате из угла в угол. «Они хотят напомнить мне, что османы —

доть за собой. Сама обстановка дома учителя благотворно действовала на Шалапина: со вкусом подобранная мебель, картины, сверкающие чистой комнаты. Жена Усатова — Мария Петровна — оставляла Федора обедать, и он учился правильно есть, вести себя за столом. Федор понимал, что обязан выгладеть по крайней мере не хуже других учеников Усатова — например, Иосифа Комаровского (потом ставшего помощником режиссера в Большом театре), Павла Агнивцева, с которым он подружился. И Шалапин с увлечением взялся за книги, особенно исторические, расспрашивал обо всем, что ему было интересно или непонятно. Товарищи с удивлением замечали, как поражающе он восприимчив, какая ненасытная жажда знаний владеет им, как быстро преобразяется он и внешне и внутренне.

Усатов, вспоминает М. Г. Измирова, говорил своим ученикам и другим, бывавшим у него близким к искусству людям: «Это простой, неотесанный парень с чудесным голосом. Это будущая знаменитость. Помогите мне отшлифовать его, возьмите его к себе в компанию, займитесь им». Дмитрий Андреевич знал, что значат для человека искусства среда, окружение одаренных и умных людей, атмосфера творческой жизни, и он радовался, что Шалапин попал в Тифлис, где для его развития были все необходимые условия.

Тифлис по тем временам был большим городом (145 тысяч населения). Музыкальная и артистическая жизнь в нем протекала чрезвычайно оживленно. Здесь существовал казенный оперный театр, субсидировавшийся властями. В театре пели баритон Л. Г. Яковлев и сопрано В. М. Зарудная-Иванова, хорошо известные музыкальной России. Оперы ставились также и в банковском театре, и в «Тифлисском музыкальном кружке» и в «Тифлисском артистическом обществе». В городе были «Кружок любителей квартетного и хорового пения», музыкальное училище, во главе которого стоял композитор М. М. Ипполитов-Иванов. Из местных сил он создал симфонический оркестр, пользовавшийся большим успехом. Тифлис располагал тремя нотными магазинами, в нем издавалась музыкальная литература, жило много композиторов. (С одним

из них — Геннадием Осиповичем Коргановым — Федор подружился, и его «Элегия» навсегда вошла в Шалапинский репертуар. Знаком он был также с пианистом, педагогом и музыкально-общественным деятелем Алоизием Осиповичем Мизандари и режиссером Иваном Егоровичем Питосвым.)

Сильными были национальные коллективы — татарский и армянский театры, грузинский хор. В русских театрах ставились пьесы Грибоедова и Гоголя, Островского и Чехова, Шекспира и Ибсена. На трех языках — грузинском, армянском и русском — шли пьесы популярного местного драматурга Габриэла Сундукяна. Федор с удовольствием смотрел его «Пепо» и «Хатабала», удивительно верно, с тонким юмором воссоздающие колорит тифлисской жизни. Он восторгался комедийным и драматическим талантом выдающейся грузинской актрисы Марии Михайловны Сафаровой-Абашидзе, яркой игрой крупнейшего грузинского комика Василия Алексеевича Абашидзе, видел игру А. С. Алексис-Месхишвили, К. С. Месхи, превосходной исполнительницы бытовых ролей Елизаветы Черкезишвили.

В Тифлис приезжали крупнейшие русские и иностранные гастролеры. Усатов и другие новые друзья Шалапина старались, чтобы он не пропускал спектаклей и концертов с их участием. Он слышал игру Антона Рубинштейна и пианиста-виртуоза Эмиля Зауэра, известного чешского скрипача Франца Ондрижичека и только что окончившего с золотой медалью московскую консерваторию Иосифа Левина, слышал певцов Н. Н. Фигнера и Маттиа Батистини, известную французскую опереточную актрису Марию Гризье де Монбазон. Он видел на тифлисской сцене знаменитых русских актеров П. А. Стрелетову, Е. Н. Гореву, Н. П. Рощина-Инсарова, М. Г. Савину, В. Ф. Комиссаржевскую, замечательного исполнителя характерных ролей И. П. Киселевского, с которым он познакомился в Тифлисе, М. Ф. Андрееву, начинавшую свой путь в «Тифлисском артистическом обществе», балет Большого театра во главе с В. Д. Тихомировым...

Усатов хотел, чтобы на Шалапина обратили внимание, чтобы он вращался в интеллигентном обществе,

среди передовых по своим взглядам на искусство людей. В начале ноября он попросил Шалапина разучить арию из «Фенеллы» и романс Бахметьева «Борода ль моя, бородушка». Когда Федор подготовил эти вещи, Дмитрий Андреевич отправил его познакомиться с участниками «Тифлисского музыкального кружка», который помещался в доме Арцруни на Грибоедовской улице (теперь в этом доме Тбилисская академия художеств), и который поэтому назывался еще «кружком Арцруни».

5

Кружок этот состоял из ведущих музыкантов Тифлиса, и любительские оперные и драматические спектакли, которые в нем ставились, привлекали всеобщее внимание. Режиссировал оперы нередко сам Д. А. Усатов. Молодой артист произвел на участников кружка хорошее впечатление и с этого дня почти десять месяцев аккуратно посещал все его собрания.

Спустя несколько дней Усатов объявил ученику, что он сможет выступать в платных концертах кружка, а за это ему будут платить стипендию. Но для выступлений нужен был фрак, и Усатову пришлось отдать Федору свой. Правда, Дмитрий Андреевич был маленьким и толстым, а Шалапин — высоким и худым, но приятели-портные все же помогли Федору приспособить фрак к его фигуре.

Наступил день первого концерта. Федор вышел и запел «Борода ль моя, бородушка». Так как признаков ее в ту пору на его лице не было, а со сцены худой и бледный двадцатилетний юноша казался совсем мальчишкой, публика рассмеялась. Но, когда он кончил петь, раздались аплодисменты. И на «бис» Шалапин исполнил арию Гремина.

Федор подружился с членами кружка — итальянцем Фарина, музыкальным и театральным деятелем Петром Георгиевичем Бебутовым, Ниной Ивановной Месхиевой — аккомпаниатором в классе Усатова в музыкальном училище, Ольгой Петровной Михеевой — воспитанницей Петербургской консерватории — к которой Шалапин проникся самыми нежными чувствами. После концерта Фарина подошел к дебютанту

и сказал, что кружок будет платить ему пятнадцать рублей в месяц.

Занятия у Усатова шли, как и прежде, а свободное время Шалапин стал посвящать кружку, участвуя во всех без исключения его затеях. Он пел в концертах, играл Разгуляева в «Ведности не порок», Несчастливцева в «Лесе», Петра в «Наталке Полтавке», ставил декорации, чистил лампы, заведывал бутафорией и вообще, как он сам писал, работал на совесть.

Тем временем Усатов приготовил с ним третий акт «Русалки» и, кроме того, серенаду Мефистофеля. Публика встретила Шалапина горячо. А когда Шалапин-Мельник произнес: «Да, стар и шаловлив я стал», тишина наступила в зале. И случилось небывалое: публика вскочила с мест и аплодировала стоя. На следующий день в газете «Кавказ» Шалапин прочитал отчет о концерте кружка, в котором его сравнивали со знаменитым певцом Осипом Петровым, учеником М. И. Глинки, первым исполнителем роли Мельника.

Артист писал в автобиографии: «Заметка была подписана — Корганов. Я знал, что это был офицер-сапер, знаток и любитель музыки. Впоследствии он написал книгу о Бетховене. Прочитав эту заметку, я с трепетом душевным почувствовал, что со мной случилось что-то невероятное, неожиданное, чего у меня и в мечтах не было. Я, пожалуй, сознавал, что Мельник спет мной хорошо, лучше, чем я когда-либо пел, но все-таки мне казалось, что заметка преувеличивает силу моего дарования. Я был смущен и напуган этой первой печатной хвалой. Я понимал, как много от меня потребуется в будущем. Усатов тоже хвалил меня:

— Ну, что, лодырь? — говорил он, похлопывая меня по плечу. — Тот, вот! Вот так-то!

Я не решался сказать ему, что читал заметку Корганова. Совестно было».

Теперь Шалапин часто исполнял в концертах кружка новые вещи. М. М. Ипполитов-Иванов вспоминал потом: «На одном из музыкальных вечеров кружка, на котором присутствовал я с женой,¹ среди других ис-

¹ Известная певица В. М. Зарудная-Иванова.

полнителей выступил молодой человек, очень заморенного вида, худой и бледный, поэтому казавшийся необыкновенно длинным, с небольшим, но очень симпатичным голосом, поразивший нас своей музыкальностью и искренностью исполнения. Он пел арию Сусанина «Чуют правду» и сразу приковал к себе наше внимание. Варвара Михайловна тогда же отметила его дарование и высказала предположение, что из него выйдет большой артист. Этим талантливым человеком оказался Ф. И. Шаляпин». В марте 1893 года в кружке Арцруни Усатовым был поставлен второй акт «Севильского цирюльника» с Шаляпиным-Доном Базилио. «Это исполнение, — отметил Ипполитов-Иванов, — окончательно нас убедило, что перед нами безусловно исключительное, но не только певческое, а и сценическое дарование».

В это время музыкальный Тифлис уже полюбил Шаляпина. Зная о его исключительно тяжелом материальном положении, ему помогали и Усатов, и Алиханов, и товарищи по кружку, и даже сотрудники газеты «Тифлисский листок».

Зима 1892—1893 года выдалась холодной, выпал снег. Нужно было топить, нужна была теплая одежда, и если бы не бескорыстная помощь тифлисских любителей музыки, Шаляпин вряд ли смог бы продолжать учиться.

Теперь возвратимся чуть назад и посмотрим, как реагировала на выступления Шаляпина в кружке тифлисская пресса. 29 января 1893 года газета «Кавказ» в числе участников состоявшегося в тот вечер концерта впервые упомянула имя Шаляпина. С тех пор каждый раз, когда в доме Арцруни проходил вечер с участием молодого артиста, его имя обязательно фигурировало в печати. Оно начинало приобретать популярность.

Музыкальный обозреватель «Кав-

каза», первый рецензент Шаляпина — Василий Давидович Корганов, внимательно следил за успехами и творческим ростом артиста. Выблещенный в искусство, человек обширных знаний, получивший разностороннее образование — филологическое, техническое и музыкальное, — Корганов в конце восьмидесятых годов стал выступать как музыкальный критик, сотрудничая в периодических изданиях Тифлиса, Петербурга и Москвы. Ко времени знакомства с Шаляпиным он был известен в Тифлисе как пианист и аккомпаниатор, преподаватель теории музыки и музыкальной эстетики, один из директоров Тифлисского отделения Русского музыкального общества и литератор, статьи и книги которого приобрели известность далеко за пределами Кавказа.

За короткое время Усатов приготовил с Шаляпиным партии Сусанина, Фарлафа, Мельника, Мефистофеля и Дона Базилио. Конечно, созданные тогда артистом образы были весьма подражательными и многое в них выглядело примитивным. Но все-таки Корганов сумел заметить и редкую выразительность голоса певца, и его драматический талант. Он поверил в его большое будущее и принял горячее участие в судьбе артиста.

16 февраля 1893 года он сообщил в «Кавказе», что «в воскресенье, 14 февраля, в «Тифлисском музыкальном кружке» состоялся литературно-музыкальный вечер для членов, кандидатов и их семейств. В концертном отделении приняли участие г-жа Римская, и г.г. Коваленский и Шаляпин. Все это молодые начинающие, но подающие надежды артисты. В особенности из них выделялся своим здоровым и приятным голосом г. Шаляпин». В отчете о концерте, состоявшемся 28 февраля, Корганов написал, что «с успехом выступил г. Шаляпин» и что «г. Шаляпиным довольно удачно пропета была ария из оперы «Дон-Карлос».

Окончание следует

Котэ Марджанишвили

Из неопубликованной переписки

Уже в течение ряда лет Грузинский государственный театральный институт имени Шота Руставели научно разрабатывает богатое творческое наследие выдающегося режиссера Константина Александровича Марджанишвили. В 1958 году вышел в свет подготовленный институтом первый сборник материалов, содержащий воспоминания, статьи и доклады Котэ Марджанишвили и статьи о нем. В настоящее время подготавливается к печати второй сборник, в который включены как режиссерские материалы К. Марджанишвили, так и его переписка и воспоминания о нем артистов, режиссеров, художников, композиторов и писателей.

В связи с исполняющимся в октябре 90-летием со дня рождения К. А. Марджанишвили приводятся отдельные его письма — к Алексею Максимовичу Горькому, Константину Сергеевичу Станиславскому, известному режиссеру и актеру И. Н. Берсеневу, театральному художнику Н. А. Ушину, жене Е. И. Донаури, знакомой школьнице Тане Барсуковой.

«Москва Алексею Максимовичу Горькому
Воспоминание прежних постановок не откажите выслать Вашу новую пьесу для грузинской сцены Крепко жму Вашу руку Адрес Дзержинского 10 Марджанов».

И. Н. Берсеневу
1910 г.

«Милый Ванечка! Если Вы хотите работать в художественном театре, то немедленно сообщите, могли бы Вы приехать на несколько дней в Москву для переговоров.

Ваш К. Марджанишвили».

К. С. Станиславскому
Тифлис 7/III-27 г.

«Глубокоуважаемый
Константин Сергеевич!

Податель сего молодой режиссер Грузинской Государственной драмы Антадзе. Очень прошу для него Вашего покровительства — он имеет командировку в Москву на один месяц и если Вы разрешите ему посещение Ваших репетиций и спектаклей — крайне обяжете все грузинское общество.

Крепко жму Вашу руку и желаю здоровья и всяких благополучий.
Искренне преданный Вам Конст. Марджанов».

Н. А. Ушину
15/II-33 г.

«Дорогой мой Николай Алексеевич!
Большое спасибо за согласие делать «Ромео».

Необходимо лично видеть и подробно обо всем потолковать. Хорошо бы, если Вы могли быть в Москве. Мой адрес — Брюсовский 12, кв. 3.

Если это не удастся почему-нибудь, буду в Ленинграде к концу марта.

Постановку предполагаю к осени 33 г., т. е. на открытие будущего сезона, и конечно с музыкой — впрочем увидимся — поговорим.

Я все так же мучительно ищу в искусстве и кажется никогда не замкну круга. Одно только знаю, что без музыки нет искусства, и Вас-то я люблю за то, что Ваши картины поют!

Целую Вас крепко, крепко. Ваш К. Марджанов».

Тане Барсуковой

«Я несказанно рад, моя хорошая Таня, что ты так увлечена уроками живописи, и очень благодарен тебе, что ты решилась своею радостью поделиться со мной — письмо твое я получил!

Одно в нем огорчило меня — это то, что ты ушла из школы. Дело, конечно, не в дипломе, а в том, что работая в искусстве, тем более в живописи, надо быть хорошо образованным человеком. Микельанджело, Тициан, Рембрандт — все большие художники еще в 15 — 16 столетии, чтобы правильно писать человека, изучали, и очень подробно, анатомию и др. науки. Без знания талант нуль — и я не хочу быть ментором, но хочу поделиться с тобой своим опытом. Если уж случилось так, что ты принуждена была уйти из школы, тем большая обязанность перед самой собой является тебе — надо накинуться на книги, надо изучать и знать, знать, знать хорошо все, что касается правды жизни, законов природы, ее отношения к солнцу; и почему это так — только при этом знании можно делать большое в искусстве, а делать маленькое, если вообще в жизни противно, и пошло, то уж в искусстве тем паче.

Если ты окончательно решила посвящать себя живописи — то делай это по крайней мере сильно и крепко. Чтобы взять жизнь, быть ее победительницей, надо много затратить сил — это вообще, а в искусстве тем паче.

Желаю тебе большого успеха и настоящей радости, но не надо забывать и того, что надо скорее становиться на ноги — надо скорее помогать и маме и Вас. Константиновичу. Они отдадут тебе все, что могут, — надо скорее с лихвой возвратить им.

Не думай, моя девочка, что читаю тебе нотацию — я просто хочу

быть твоим настоящим другом, к которому ты можешь обратиться со всеми своими недоумениями.

Через месяц я буду в Тифлисе и, если чем-нибудь сумею помочь тебе, буду много рад.

Поцелуй за меня ручку у мамы. Кланяйся Васо и дедушке с бабушкой. Будь здорова и бодра...

...До свидания — пиши. Так приятно в старости не порывать связей с молодежью.

Твой К. Марджанов».

Е. И. Донаури
29/XII-1931 г.

«Только сегодня послал тебе письмо и сейчас пишу вновь. Только что вернулся со «Страха» из Художественного театра. Так много встало в голове вопросов, что не могу спать и хочу поделиться с тобой. Постановка самая простая, со всеми реалистическими комнатами и т. д. Игра актеров до нудности будничная и фотографично-натуралистическая, все необыкновенно просто (впрочем, я лучше нарисую тебе обстановку — может быть театру пригодится, если они послушают меня и поставят).

Вот и все, ты эти зарисовки покажи режиссуре — может пригодится... Все необыкновенно (или лучше сказать обыкновенно для МХАТ) местами просто и серо. И при всех этих обстоятельствах спектакль производит впечатление. И вот передо мной стала жуткая мысль: а может так и надо. Может нужно, чтобы все было лишено яркости, размаха, взлета. Может не нужно никаких ярких переживаний, и публика будет довольна. Если это так, если они правы, то я абсолютно не нужен искусству, я вреден театру. Но нет! Не может быть это так — ведь в искусстве те части его, которые доступны только чувству, — музыка, например, производит самое сильное впечатление, и с Бетховеном ничего не поделаешь, — не подведешь его под будни, под повседневность. Сравни хотя бы моего «Уриэля» со всеми, которые ты видела. Он потому так действует на массы, что ярко, что выпукл, что четок в ритме, в рисунке, в музыке. Нет! Он забываем. А вот этот спектакль с его жизненной правдой — нравится, но все время оставляет холодного зрителя. Он говорит только уму и ни на секунду не взволнует сердце: а без волнения воспринимающего без чувства его нет искусства. Я сейчас очень взволнован, еще раз я встречаюсь лицом к лицу со своим антиподом. Их победа (вызывали в конце раз 10) как будто мое поражение, но так ли это я не знаю!

О как счастливы музыканты, дирижер или композитор — им ничто не может диктовать приземления — они не обязаны и не могут быть позитивными. Но и в этом спектакле самый яркий, самый сочный — молодой актер Ливанов, играющий казахстанца Кимбаева, запоминается больше всех. Это стиль моего спектакля, моего толкования. Многие ропщут, говорят, что это утрировка, что это экзальтация и т. д., но больше всего воспринимается (и убежден, что запоминается) именно он. Я должно быть утомил тебя своими волнениями, но мне не с кем поделиться своим чувством. О как жалею я, что я принужден работать и творить в театре, а не в концерте с музыкантами. Тем радостнее мне, что у меня есть абонемент на Фрида. Меня все это взволновало тем сильнее, что у меня в руках сейчас самая что ни на есть реальная реалистическая пьеса Сейфуллиной, и я делаю необыкновенные усилия, чтобы поднять ее над уровнем обыденщины. Боюсь, что будут очень большие споры с автором. Хотя она была третьего дня на «Сольнесе» и сказала Тальникову: «Этот режиссер что угодно пусть делает с моей пьесой!» Увидим.

Целую и кланяюсь всем. Котэ»..

Андрэ Вюрмсер

Вариации предисловия к „Баязету“¹

Во французской газете «Леттр франсез» был напечатан полностью роман Константина Лордкипанидзе «Заря Колхиды». После окончания печатания газета опубликовала статью о романе известного французского писателя и критика Андрэ Вюрмсера.

«Это — происшествие, случившееся около тридцати лет тому назад», — говорит Расин и при этом замечает: «Отдаленность страны исправляет, до некоторой степени, слишком большую близость времени».

«Народ, — говорит он дальше, — не делает разницы между тем, что находится, так сказать, за тысячу лет от него, и тем, что находится от него за тысячу миль». Будь то время или расстояние, — «уважение, которое испытывают к героям, растет по мере того, как они отдаляются от нас».

Я лично в этом уверен. Тот, кто живет очень далеко от нас, представляет собою нечто вроде Наче-за, опасного и не поддающегося убеждению, который так глуп, что верит в Юпитера или в Вишну и доходит в своей тупости до того, что хорошему бифштексу предпочитает тюленьё мясо. Как можно быть персом? — задавали себе вопрос парижане у Монтескье. Как можно быть грузином? Да еще коммунистом, а это так далеко от

нас, от Жозефа Приюдома, от каллиграфа, от ученика Бара и от Сен-Омера, как парк культуры в Тбилиси далек от нашей маленькой беседки в Сен-Мандэ.

Представим себе, чем должны были являться в глазах прусского феодала или мужика времен царизма, или евнуха турецкого султана наши санкюлоты, либо такие слова, как родина, народ, свобода, равенство, братство. Представим себе, чем в глазах мосье Буссака или мелкого торговца, или толстого колониста из Кабилии, или бессмертного каллиграфа являются коммунисты, либо такие слова, как советы, колхозы, социализм, коллективная собственность. Разве все эти троглодиты не сказали бы и не говорят о своих современниках — французских патриотах или грузинских коммунистах — то же самое, что Расин сказал о турках: «Мы смотрим на них, если так можно выразиться, как на людей из другого века». Грузия, Турция — разве это, в конце концов, не почти одно и то же в глазах среднего француза, украшенного орденом почетного легиона и не слишком уверенного в географии.

¹ Трагедия Жака Расина «Баязет» на турецкий сюжет.

Таким образом, с «Зарей Колхиды» дело обстоит точно так же, как с «Баязетом»: ее герои одинаково далеки от нас в пространстве, хотя понятие о расстоянии баснословно сократилось со времен Расина.

И тем не менее, эти герои еще по-новому далеки от нас и во времени, ибо «сюжет этой трагедии еще не записан в истории», во всяком случае в истории Франции: они живут лишь в будущем веке — в нашем будущем.

Я не стану пересказывать читателям „Lettres“ роман «Заря Колхиды», недавно ими прочитанный и который они с удовольствием перечеитают еще раз. Первая часть, как сказали бы, я полагаю, некоторые собратья по перу, «целиком грузинская». Она вся посвящена любви юного Меки, описаниям сельского праздника, песен, танцев, состязаний, страстей; что же касается второй части, то она «целиком советская», как сказали бы, конечно, те же судьи, причем они не стали бы дальше читать, убежденные, что политика многого не стоит — по крайней мере в литературе.

Однако, если посмотреть на вещи внимательнее и с меньшим пристрастием, то можно убедиться, что «Заря Колхиды» не страдает подобным конструктивным недостатком, — разве только, на мой взгляд, ее главные герои, действующие в первой части, слишком быстро отступают на задний план, когда начинается вторая часть.

В отсталом селении, затерянном в глубине средневекового Кавказа, романист ничего не может увидеть, кроме борцов, танцоров и влюбленных.

Константин Лордкипанидзе имеет право сказать, как когда-то говорил Расин: «Главное, к чему я стремился, это чтобы ничего не изменить в нравах и обычаях народа, причем я особенно старался не утверждать ничего такого, что бы шло вразрез с историей».

Что касается вопроса, насколько

точно изображенное художником соответствует натуре, то я могу об этом судить лишь на основании нескольких дней своего путешествия по Грузии, и притом — по Грузии, совершенно преобразившейся после двадцати лет существования Советской власти. Талико, «озорную красавицу», я вижу на тбилисских улицах. Меки для меня имеет облик того студента, который готовил доклад о Бальзаке в том же Тбилиси, где главный бульвар с его солнцем, деревьями и прекрасными зданиями немного напоминает наши Ла Круазет и Английский бульвар.

А «Заря Колхиды» — это, быть может, тот колхоз, в который мы заехали экспромтом. Он был очень небогат, не отличался высокой производительностью, и французские крестьяне, бывшие там вместе со мной, при виде всего этого обнаруживали меньше воодушевления, чем сами колхозники. Но чтобы понимать этих последних, надо было представить себе всю их былую нищету, которую так ярко рисует роман Константина Лордкипанидзе, и весь тот тяжелый путь, который им пришлось проделать с того момента, как контрреволюционеры разорили Грузию перед своим поражением: они рубили деревья, разрушали и сжигали все, что было возможно, — пусть лучше гибнет родина, нежели «порядок»!

Старая история!..

Но даже после их изгнания далекие волны огромных потрясений не сразу докатились до грузинских сел. Долгое время перемена мало ощущалась как богатыми, так и бедными, как безработными агрономами, так и неграмотными, как Меки, так и всеильным Барнабой, отцом Талико. Ведь и наша революция не проявила всего своего могучего эффекта ни 15 июля, ни 5 августа 1793 года.

Но настал день — иначе говоря — появилась соответствующая страница романа — и колхоз смог родиться, и он родился.

Автор отнюдь не ввел в свой роман политику согласно чьему-то решению или приказу: она просто сама вошла в жизнь каждого. И писатель-реалист это увидел и понял.

Настоящей революции сопутствует контрреволюция. И неплохо, что «Заря Колхиды» нам об этом напоминает. Не бывает прилива без отлива, не может быть свергнутого класса, который бы не оказал сопротивления, нет республики без шуанов, коллективизации деревни без террора кулаков: нет прогресса, против которого бы не ополчилась «Европейская коалиция» (как говорили в 93 году), Вандея, все те, кого лишают их богатства.

Последствия Октябрьской революции не вошли в жизнь Грузии 8 ноября 1917 года. Нужно вспомнить те контрреволюционные движения, которые пытались нанести ущерб делу большевиков в 1924 и 1930 годах.

И мне часто приходит на память название одной из глав романа «93 год»: «Борьба приходит после победы».

Революция не имеет ничего общего со взмахом волшебной палочки, после которого тыква превращается в карету, а мыши — в лошадей.

Как говорит Андрэ Боннар в своей неподражаемой книге о греческой цивилизации: «Наибольшая трудность для первобытного человека, вырвавшегося из состояния животного заключалась в том, чтобы взглянуть на мир человеческим взглядом».

Но Лордкипанидзе не Эврипид, и тут мы опять вернемся к «Баязету». «Это — происшествие, случившееся около тридцати лет тому назад», и притом с героями, которые находятся «за тысячу миль», — вовсе не настолько далеко от нас, как если бы оно имело место «тысячу лет» тому назад.

Поговорите с Жозефом Прюдомом о кооперации, и он скажет вам, что лентяи станут пировать

за счет усердно работающих, что крестьянин никогда не согласится отказаться от своих больших белых волов, что время, истраченное на пустые споры, будет безвозмездно потеряно, что земля наемается над нашими законами, что личный интерес пустил слишком прочные корни в сердце человека, чтобы... и т. д. Я не знаю, как назвать Прюдома по-грузински, но все эти аргументы с перечислением всех препятствий, в них таящихся, Константин Лордкипанидзе вложил в своем романе в уста крестьян. И, однако, последние живут в наше время и перед нами.

Они не без страданий построили свою высшую цивилизацию. Достигнуть цивилизации, говорит в своей книге Андрэ Боннар, это означает «не только сохранить человеческую жизнь, но и украсить ее, поднять общее благосостояние, создать радость жизни в таком обществе, где постепенно между людьми будут складываться справедливые отношения».

Константин Лордкипанидзе — хороший романист, достаточно несколько фраз из его книги, чтобы в этом убедиться: «Ему хотелось, чтобы новое, только что начинавшееся дело было для него заранее так же ясно, как повадки его собственных быков. Пуще всего он боялся что-нибудь упустить, в чем-нибудь просчитаться. Он был неглупый человек, но трудно, ох как трудно было решить, что лучше — неведомое счастье или привычная беда?» — пишет он, и этими словами определяет всю психологию человека перед лицом перемен и, как следствие того, реакцию людей на революцию. Он хорошо знает, что «незрелый рай полудетской любви» кажется привлекательным лишь издали и что в свое время он казался адом, где кишели жалкие и постыдные, смешные и неясные желанья и мучительная ревность; мы знаем, что неодолимые препятствия безжалостно разлучают стольких юных влюбленных, а тем более

тех, кто любит без взаимности. Но кому придет в голову воспеть несчастную любовь, пережитую еще в то время, когда бегал в коротких штанишках?

Меки нелюбим и страдает так, как страдают от этого все люди. Но к его страданию добавляется еще своя, особая боль: его презирают за нищету и за сопутствующую этой нищете боязливую приниженность, кроткое низкопоклонство, презирают его голодное сердце, нетронутый ум.

«Заря Колхиды» очень удачно показывает судьбу **беднейшего**, который жил там, который живет и здесь (несмотря на различие нравов), игнорируемый богатыми и даже людьми среднего достатка.

В западной литературе «беднейший» тоже имел свое место.

Я не говорю о «Голоде»¹, который толкает деклассированного (случайного нищего, принимая во внимание его принадлежность к определенной социальной категории) на чисто индивидуальный бунт. Я говорю о настоящих бедняках.

На этот счет можно было бы высказать ряд наблюдений, лишь подчеркивающих тот характер невольной мистификации, который вносит наличие «беднейших» в литературу.

Речь идет о таких, как Шарль-Луи Филипп, автор книги «Мать и дитя», как Андерсен с его «Сказкой моей жизни» или Альфонс Додэ, написавший „Petit Chose“.

Эти «беднейшие из бедных» стали Шарлем-Луи Филиппом, Андерсеном и Додэ. Выходит, что для самых нищих еще остается надежда в этом трудном, напрасно опороженном мире: кто не испытывал бы гордости, живя в нищете, как маленький Ганс-Христиан, если бы ему суждено было подарить миру хоть несколько таких чудесных сказок?! Но Меки, напротив, остался

бы ничем, если бы весь мир не изменил своего лица... Имя ему не Меки, а Легион! Эти бедняки не обладают талантом, они ничем не выдаются из массы им подобных, никем не будут увековечены.

Но они становятся людьми. Поэтому что они ими не были, как бы ни старались скопить хоть немного денег, как бы ни лелеяли эти несбыточные сны!

Вспомните, как преобразается Меки! Не по взмаху волшебной палочки, не по чьей-либо доброте, щедрости, милосердию. Нет, вследствие испытываемой бедняками **необходимости** создать колхоз, в силу **необходимости** для колхоза иметь трактор, а трактору — иметь водителя. А последнему опять-таки **необходимо** уметь читать, ему придется учиться, и он даже должен быть в состоянии руководить.

И вот вместе со своими лохмотьями Меки теряет свое униженное низкопоклонство, свою унылую покорность. Революция — это значит держаться прямо, не сгибая спины. Это значит любить не снизу вверх, и не сверху вниз.

Я знаю один прекрасный эпиграф для этой книги, которая рассказывает о метаморфозе такого героя: «Свобода, Равенство, Братство».

* * *

Меня могут упрекнуть в том, что я ничего не сказал о красочности костюмов и обычаев, о живописном изображении крестьян и пейзажей, о такой верности психологии Меки и многих других.

Все это так. Но я ни во что не ставлю «чисто» литературные рассуждения. «Чистая» вода лишена вкуса и запаха, а «чистая» литература — это чистая глупость!

Перевод с французского Б. Невской

¹ «Голод» Кнута Гамсуна.

такие же враги для Грузии, как были монголы. Но я ведь принял магометанскую веру...» Остановившись перед Надиром, он сказал:

— Ты забываешь, что у меня чалма на голове.

— Ошибку можно исправить, измену — никогда, — твердо ответил тот.

— Я избрал свой путь, Надира. Так и передай пославшим тебя.

— Это ваше последнее слово?

— Да, я решил. И благодарю своего бога, что я отпускаю тебя отсюда живым. Возьми с собой своего внука и эту сушеную виноградную гроздь. Пусть знают все, что отныне и на веки веков в этом краю не будет места ни детям грузин, ни виноградной лозе.

Надира положил руку на плечо маленькому Бека и вывел его из комнаты. В дверях он задержался и, оглянувшись, сказал:

— Я ошибался, веря в тебя, Сафар-бег. Но и ты ошибаешься, так и знай: эта земля увидит наших детей и виноградную лозу. Она еще зацветет.

* * *

Старик закончил свой рассказ, неторопливо набил трубку и задымил. Помолчав, добавил:

— Ошибся Джакели, а Надира оказался прав. Видишь, куда пририсовали наши ребята виноградную гроздь? — он указал чубуком в разрисованный свод. — Народ не может забыть древних обычаев. Снова клонятся к земле лозы под тяжестью грузных гроздьев качичи.

И кипит в замурованных глиняных кувшинах молодое вино мацари.

Старик замолчал. Я не ватать глаз от росписи свода. Нет, дело не в том, что какими-то особыми художественными достоинствами был отмечен этот орнамент. Я глядел на эти гроздьи медового цвета, на изумрудные сплетения листьев и думал: вновь пришел качичи на родную землю, вновь пустил в нее свои корни. И на этот раз — навсегда.

Перед сценой хлопотал и суетился молодой архитектор Джемал Чумбуридзе. Мой сосед снова склонился ко мне:

— Гляди, какой парень! А Сафар Джакели говорил, что они никогда уже не вернуться сюда.

* * *

У меня перед глазами неотступно стояло лицо Надира. В моем представлении оно неуловимо сливалось с лицом того старого крестьянина, который рассказывал мне трогательную и непритязательную легенду о виноградной лозе и о любви к родине. «Уж не сам ли Надира поведал мне свою историю?» — подумалось мне.

Наверное, так и должно быть в жизни: мой современник рассказывает предание о своем предке, и невозможно их отделить друг от друга, настолько рассказчик походит на героя своего рассказа. И этот старик, так же как Надира, верит в крепость и непоколебимость краеугольного камня, на котором зиждется его страна, верит в счастливое будущее своего народа.

Новый роман Р. Бежанишвили

Немалый вклад в дальнейшее процветание грузинской советской прозы, наряду с представителями старшего поколения, вносят молодые писатели Грузии. Талантливая молодежь, подвизающаяся на литературном поприще и переживающая пору творческих исканий, подает большие надежды. Поэтому произведения этих авторов заслуживают большого внимания и вызывают горячие споры, способствующие их дальнейшему творческому росту.

Мы остановимся на романе молодого прозаика Р. Бежанишвили «Побеги грядущего», опубликованном на грузинском языке несколько лет назад и совсем недавно выпущенном на русском языке издательством «Заря Востока».

Грузинский читатель достаточно хорошо знает Ростом Бежанишвили, у русского читателя также была возможность познакомиться с некоторыми его произведениями. Р. Бежанишвили — автор нескольких интересных рассказов. Но, думается (и для этого есть основание), что писатель заметно тяготеет к большим прозаическим полотнам. Еще в начале своего творчества он написал роман «Судьба солдата», возможно и слабый в художественном отношении, но указывающий на влечение автора к эпическому жанру. Роман же «Побеги грядущего» не только утвердил это предположение, но и показал значительный рост творческих сил и возможностей автора на пути совершенствования художественного мастерства.

В литературной критике часто можно встретить мнение, что большие прозаические полотна — область зрелых мастеров, накопивших боль-

шой жизненный опыт и многое переживших, у которых над эмоциями берет верх интеллект, выработано и отточено мастерство создания «эскизов».

Трудно опровергать это принципиально правильное положение, но часты и такие случаи, когда внутренняя необходимость эпического изложения проявляется у писателя довольно рано. Это зависит от своеобразия таланта писателя и определяет особенность стиля и жанровую приверженность его. Шолохову, автору всего лишь нескольких рассказов, было едва за двадцать, когда он почувствовал огромное влечение к эпическому жанру и взялся за титаническую палитру. Писатель поступил правильно, уступив своему влечению, а не общепринятому положению о возрастной приверженности к литературным жанрам. Подобных примеров можно привести немало. И это лишь подтверждает то положение, что способность эпического повествования зависит от природы творчества писателя, а поэтому не может подчиняться какому-либо строго определенному закону.

И если Р. Бежанишвили тяготеет к созданию эпических полотен, думается, советы некоторых критиков отложить осуществление подобных замыслов на более зрелый период творчества ничем не оправданы.

Тут же хочется оговориться, что роман «Побеги грядущего», хотя и представляется интересным явлением грузинской литературы, вместе с тем не дал еще проявиться с полной силой той потенции автора, которой он, безусловно, обладает. Бежанишвили пока далек от творческой зре-

лости, он только на пути к совершенствованию своего мастерства.

Приятно отметить и приветствовать тот факт, что молодой писатель смело берется за решение задачи художественного осмысления и воплощения столь значительной эпохи нашей жизни. Роман «Побеги грядущего» задуман автором как художественная хроника грузинского быта XX века. Цель автора — изобразить не какой-либо отдельный период нашей жизни, а художественно воплотить наш быт с начала XX века по сей день.

Таким образом, писатель взялся за весьма большую и ответственную задачу. В целом ряде случаев он справился с ней, но кое-что в произведении получилось поверхностным и художественно неубедительным.

Роман, безусловно, хорошо продуман. Путем изображения типичных образов представителей нескольких поколений писатель стремится нарисовать широкое полотно развития нашего общества, в частности картину сельской жизни. Эта мысль осуществлена с помощью показа потомков Ники и Хареба. Об этом говорит и название романа. Правда, народное выражение «самамуле рка» (побег виноградной лозы) связано с виноградником, с виноградной лозой, однако автор пользуется этим выражением, имея в виду побеги грядущих поколений, потомков человека. В романе отображена жизнь грузинского крестьянина, конкретнее крестьянина-кахетинца, существование которого тесно связано с культурой винограда. Однако автор не ставит в центр внимания разрешение проблемы виноградарства. Его интересует только духовная жизнь героев романа. И хотя подобное утверждение может показаться парадоксальным, так как только это и может интересовать настоящего художника, давайте вспомним, как наряду с этим Леонов в своем романе «Русский лес» поставил истинно научные и хозяйственно важные вопросы.

В романе отсутствует центральный герой, за что упрекала автора литературная критика. Писателя интересуют целые поколения, побеги грядущего человека. Отсюда требование критиков — резко выделить

центрального героя — основано лишь на неправильном понимании и толковании замысла Р. Бежанишвили. Он задумал центральными героями потомков двух семейств: с одной стороны, Ника, Джамбара, Гю, Нино и, пожалуй, Стефанэ. С другой — Хареба, Анания, Котэ. Другое дело, насколько удачно осуществлен этот замысел. Но об этом ниже.

Смело можно сказать, что некоторые образы романа, безусловно, удались писателю. Живо, рельефно, убедительно рисует он типичные образы Харебы и Джамбара, двух совершенно различных по своей природе представителей одной и той же социальной группы. Хотя здесь же необходимо отметить, что в русском переводе значительно поблекли яркие краски созданных писателем образов. Джамбара и Хареба безмерно любят вечную надежду и богатство крестьянина — землю, виноградник. Но если у Джамбара эта любовь вследствие тяжелой многострадальной жизни крестьянина превратилась в болезненный инстинкт, то у Хареба она вылилась в надежду, благородную мечту.

Джамбара жадно смотрит на виноградник, Хареба же считает себя его органической частью, любит его, как живое существо.

Психология героев определяет их судьбу и конец жизни. Смерть обоих связана с виноградником. Но если Джамбара погибает от страха перед неизвестным ему доселе новым строем, родившимся в деревне, как слепой раб частной собственности, не вынесший слияния своего виноградника с коллективным хозяйством, то Хареба умирает смертью благородного человека, защищая, хоть и безнадежно, лозу от разбушевавшейся стихии.

Пожалуй, не будет переоценкой считать Джамбара и Хареба одними из сильных художественных образов грузинской прозы последних лет. Молодому писателю удалось создать самобытные образы, наделенные большой художественной правдой.

Здесь же надо заметить, что в творчестве Р. Бежанишвили вообще, а в этом романе в частности, встречаются повторения художественных приемов грузинской классической

литературы, а иногда и целых сцен, вычитанных в произведениях периода критического реализма. Хотя Ростом Бежанишвили относится к молодому поколению писателей, он явно отличается от них своими творческими симпатиями. Если наши молодые прозаики, основываясь на традициях классического наследия писателей старшего поколения, постоянно ищут нового, то Р. Бежанишвили предпочитает писать в старой традиционной манере. Следовательно, только по манере письма трудно определить, к какому поколению принадлежит автор «Побегов грядущего».

Как справедливо отмечала грузинская литературная критика, Р. Бежанишвили мастерски и с избытком использует своеобразную символику. В какой-то мере символична гибель Хареба и Джамбара. Казалось бы, этих двух сцен достаточно для полного раскрытия их характеров.

О многом говорит и как бы символически раскрывает основной пафос романа тот факт, что приусадебный участок Джамбара — причина раздоров целых поколений — используется под строительство общежития тружеников села; это подчеркивает никчемность и беспочвенность семейной распри, когда новая жизнь неумолимо пробивает себе дорогу. Эгоистическому чувству частного владельца противопоставляются коллективизм и солидарность нового, советского человека.

Из своеобразной символики, использованной автором для раскрытия характеров героев, обращает на себя внимание сцена после ярмарки. Встреча с пышущей здоровьем вдовой Мелано радостью отзовется в сердце Джамбара — отца сирот. Мелано и Джамбара вместе отправляются в свое село. Чтобы не промочить ноги в разлившейся по дороге речке, Мелано и ее великовозрастный сын Стефанэ довольно ловко устраиваются на спине ошеломленного Джамбара. Несмотря на то, что до этого читатель сочувствовал Мелано и его как будто даже радовалось взаимное влечение двух овдовевших людей, в этом эпизоде перед ним предстает символическая картина — Джамбара, взваливший на себя непосильный груз. Ожидания чита-

теля оправдываются, и еще не раз придется посочувствовать этому трудолюбивому крестьянину, обременившему себя таким тяжелым грузом. К чести писателя надо сказать, что, несмотря на заранее намеченную сюжетную канву он так мастерски, психологически глубоко раскрывает характеры Мелано — этой эгоистичной женщины старорежимного типа — и ее сына Стефанэ, что за развитием действия следишь с неослабевающим интересом.

Можно было бы остановиться на ряде других интересных и положительных моментов в романе, на своеобразии мастерства писателя: художественной отточенности отдельных эпизодов или рельефности изображения характера. Но все это уведет нас слишком в сторону, так как касается лишь отдельных деталей и менее важных эпизодов.

Вместе с тем нельзя быть до конца искренним, если не сказать о тех серьезных недостатках, которыми грешит роман. А он написан с далеко не одинаковой силой...

Как мы указывали, «Побег грядущего» — произведение эпическое, в котором автор попытался оживить не одно звено, а целую цепь исторических переломов.

Эта колоссальная задача поставила перед писателем целый ряд препятствий, которые он не во всех случаях смог преодолеть. В первую очередь это относится к композиции романа. Р. Бежанишвили увлекается малозначительными событиями, которые, может быть, и переданы с достаточным мастерством, но мало чем способствуют раскрытию основного замысла и поэтому теряют свое назначение. Отсюда впечатление, что мастерство изображения отдельных деталей — самоцель для автора романа.

В связи с этим хочется напомнить, что как бы мастерски не был написан отдельный эпизод, если он ничего не прибавляет к основному действию произведения, остается вне его развития, то становится ненужным и лишним. Вот, например, сцена, когда, не найдя иного выхода, обескураженный Джамбара вынужден встретиться с женой на винограднике. Но и здесь Джамбара мешает его пасынок Стефанэ, увязавшийся за своей матерью; даже на

винограднике Джамбара не может спокойно приласкать свою жену. Эта деталь имеет определенную функцию, так как подчеркивает всю неадекватность груза, который добровольно взвалил Джамбара на свои и без того натруженные плечи, а также выявляет еще одну черту характера Стефанэ, в дальнейшем глубоко раскрываемого в романе.

Но сцена между Киндзыгало и Пело уже ничем не оправдана. Да и вообще цель тщательно выписанного образа сельской сплетницы Пело не ясна. Болтовня Пело, которой уделено больше места, чем раскрытию характеров центральных героев, снова наводит на мысль, что автору изменяет чувство меры при описании, незначительных, мало о чем говорящих деталей, мешающих следить за развитием основного действия произведения.

Не нашли должного отражения в романе и большие социально-политические сдвиги, коренные переломы, имевшие место в грузинской деревне, в психологии грузинского крестьянина в XX веке. Часто значительные исторические события, во время которых с большей глубиной и рельефностью должны раскрыться характеры героев, их духовное богатство или бедность, обойдены молчанием или оставлены в стороне. И читатель лишь по ходу действия романа догадывается, что этот исторический период уже позади. Ничего не сказано о том, какое участие принимали или хотя бы какое отношение проявили герои романа к бурным дням революции. Годы империалистической войны внезапно сменяются периодом коллективизации, затем автор вновь обходит молчанием Великую Отечественную войну и переносит действие романа в послевоенные годы. Но и периоды, которые нашли отражение в романе, описаны довольно поверхностно. Сравнительно глубоко характеризует автор годы коллективизации.

Надо отметить, что русское издание романа фактически выходит за рамки перевода и представляет собой его переработанный вариант. Автор, совместно с переводчиками, почти наполовину сократил роман и поступил, безусловно, правильно.

Анализируя грузинский вариант, я уже указывал, что с точки зрения

общего развития действия в романе встречаются не только лишние детали или эпизоды, но и целые части. Это относилось, в частности, к первой части, в которой действие развертывается в эпоху от первой революции в России до гражданской войны. Здесь Р. Бежанишвили хотел показать быт грузинских крестьян на заре революционного движения, но на это ему не хватило ни опыта, ни знания жизни, ни мастерства. И, потеряв нить основного действия, автор начал развлекать читателя какими-то сентиментальными приключениями — эпизодами из жизни офицера царской России, сценной дуэли, ложносентиментальной историей и трагическим концом любви христианина Ники и мусульманки Лалы, кстати написанными до удивления шаблонно.

Под влиянием поверхностных впечатлений Р. Бежанишвили сбился на рассказ приключенческого характера, вместо того, чтобы найти логическую нить развития действия, которая помогла бы ему реалистично изобразить эпоху и создать типические образы.

Поэтому нельзя без удовлетворения не отметить отсутствие подобных мест в русском варианте романа. От этого он только выиграл. Было бы еще лучше, если бы автор не только сократил роман, но и основательно переработал его. Вследствие механического сокращения в нем появилась некоторая схематичность, которой можно было избежать при более серьезной работе над переводом.

Некоторые удавшиеся Р. Бежанишвили интересные художественные образы лишь указывают на возможности автора и совершенно недостаточны для романа в целом, тем более, что в русском издании часть из них (например, образ Хареба) получилась явно схематичной, лишенной жизненной правды, не поднимающей до высоты типического обобщения.

В связи с разбором грузинского варианта романа уже говорилось о том, что один из центральных образов произведения — Ника — выглядит неправдоподобным. Писатель пространно рассказывает странную и наивную историю жизни своего героя, чья внезапная метаморфоза

удивляет читателя. Изможденный крестьянин, впоследствии революционер, вдруг предстает перед нами на балу франтоватым офицером, известным своим искусством танца всему аристократическому обществу. Видимо и автор почувствовал несостоятельность этого и резко изменил жизненный путь героя, представив его русскому читателю пламенным и стойким борцом за дело революции, уверенно идущим к благородной цели, героически встретившим смерть. Таким образом, в русском издании этот образ получился хотя и схематичным, но не парадоксальным. Целый ряд других образов не претерпевает подобной метаморфозы, но зато совершенно без всякого на то основания вводится или выпадает из действия. В русском издании писатель постарался исправить и этот недостаток; изменилась также функция многих персонажей, некоторые из них вовсе изъяты из романа. Но благодаря этому все же исправить все до конца не удалось. Например, остается непонятным, какая функция возложена на образ парторга Ладо. Он вступает в действие романа в период проведения на селе коллективизации и, не оставляя никаких следов, если не считать его подарок сыну Анания — изрешеченную пулями шинель, внезапно умирает.

Как в классической, так и в современной литературе существует немало произведений, густо населенных персонажами. В «Войне и мире» Льва Толстого их свыше 600, но каждый из них имеет свой путь развития. Из произведений современных писателей можно привести «Тихий Дон» М. Шолохова. Конечно, нельзя от каждого автора требовать умения и таланта Толстого или Шолохова, но если писатель не в состоянии справиться с многочисленными героями, то не надо вводить их в действие.

Такие герои безо всякой функции блуждают в произведении или, что еще хуже, внезапно отстраняются от действия.

Основное в романе — это вопрос поколений, которые мужают в разных исторических условиях и в силу этого отличаются друг от друга. Как же автор справился с этой сложной задачей, смог ли он убедительно на-

рисовать процесс смены поколений? Пожалуй, только частично.

Линия Хареба, Анания, Котэ развивается интересно, но сравнительно безболезненно, без внутренних конфликтов, так как с самого же начала этой ветви рода свойственны любовь к труду и жизнеутверждающая сила. Это не дало возможности писателю показать итоги своих психологических наблюдений и анализа, он вынужден был довольно прямолинейно рассказать историю жизни этих людей.

Вторая же ветвь, вне всякого сомнения, открывает перед автором широкие возможности для раскрытия глубины характеров и психологического анализа. Ника, Джамбара, Гио, Нико, Стефанэ — люди разных характеров и взглядов на назначение человека, цели в жизни.

Эта ветвь росла с большим трудом и болью, но как раз в развитии этой линии сказались самые существенные недостатки романа.

Видимо, Р. Бежанишвили плохо удается психологический анализ. Это, очевидно, и определяет манеру письма, характерную для его творчества. Она чревата опасностью превращения строгого повествования в простое описание. И это довольно часто проявляется в романе «Побеги грядущего».

Взять хотя бы отношения Ники и его сына Джамбара. Это — люди различной психологии и стремлений. Сын ничего не видит дальше насущного куска хлеба. Отец же поставил перед собой цель бороться за освобождение угнетенного народа. Казалось бы, у автора есть замечательная возможность сделать читателя свидетелем этих сложных отношений, но он не воспользовался этой возможностью и не показал глубину переживаний своих героев, не разобрался в них.

Сравнительно лучше раскрыты взаимоотношения Джамбара и его потомства. Между ними встает большая преграда. Джамбара прикован к своему винограднику, ему трудно подняться над своим частнособственническим чувством, а его потомки — люди нового социалистического быта, и эти два поколения мыслят, действуют, живут совершенно по-разному.

Рельефнее всего в романе нари-

сована семейная трагедия, разыгравшаяся между Джамбара, Мелано и Стефанэ. Джамбара хочет сохранить приусадебный участок для своего родного сына, последний же к этому не проявляет никакого интереса. Для него собственный виноградник, собственная земля не представляют никакой ценности. Зато за это наследство активно борются Мелано и ее сын Стефанэ. Этот конфликт развернут так глубоко и интересно, что создается впечатление, будто главное в романе не показ жизни поколений различных исторических эпох, а именно этот конфликт семьи Джамбара.

Нельзя не отметить и не подчеркнуть того отрадного явления, что роман «Побеги грядущего» в подлиннике написан поистине живым, многообразным, красочным грузинским языком. Для создания настроения и раскрытия образа писатель использует оригинальные сравнения и народные выражения, замечательно рисует сельские пейзажи, интересно рассказывает отдельные эпизоды. Вместе с тем, надо указать

на чувство меры, которое удерживает его от чрезмерного увлечения восточным диалектом, видимо, русским военным им так же органично, как и грузинский литературный язык. Правда, язык писателя и его героев отличаются друг от друга, вместе с тем авторский текст явно носит оттенок восточного говора. Но это, безусловно, связывает в единое целое весь языковой материал произведения.

К сожалению, у русского читателя нет возможности хотя бы приблизительно оценить этот дар Р. Бержанишвили, ибо в переводе совершенно исчезло языковое богатство подлинника. В этом переводе богатый, живой язык автора безжалостно упрощен, доведен до примитива. Думается, не стоит здесь приводить примеры. Тому, кто захочет убедиться в достоверности этих слов, достаточно сравнить произвольную страницу подлинника и перевода. Посредственный перевод еще более обесцветил и упростил роман Р. Бержанишвили, который и без того не был лишен недостатков.

Еще раз об ответственности перед читателем

Русско-грузинские литературные отношения, подробности пребывания русских поэтов и писателей в Грузии в течение многих лет занимают И. К. Ениколопова. К своим прежним работам в этой области он недавно прибавил новую — «Лев Николаевич Толстой в Грузии», вышедшую в издательстве Союза писателей Грузии «Заря Востока», Тбилиси, 1960 г. В нашем литературоведении это не первая работа о Толстом в Грузии. Хронологически ей предшествуют «Лев Толстой и Грузия» Л. Асатиани, «Лев Толстой и Грузия» Г. Талиашвили.

Тема «Лев Толстой и Грузия» или «Лев Толстой и грузинская действительность» совершенно определенно предусматривает выявление взаимоотношений между «великим писателем земли русской» и Грузией и носит исследовательский характер. Тема же «Л. Н. Толстой в Грузии» может быть истолкована двояко: как идентичная первой и как освещающая в биографическом плане период пребывания писателя в Грузии.

И. К. Ениколопова эта тема привлекла в ее втором истолковании, к тому же в довольно суженном плане. Он так уточняет и определяет тему и цель своей книги: **в подробностях осветить период пребывания Л. Н. Толстого на Кавказе.**

Книга состоит из четырех глав и приложений. В первой главе речь идет о приезде Толстого на Кавказ, о его настроениях и представлениях о Кавказе, сложившихся на основании знакомства с литературными источниками, о возникшей в связи с решением поступить на военную службу необходимости поездки в Тбилиси. Затем автор характеризует Тбилиси 50-х годов прошлого столетия, культурную жизнь города тех лет, говорит о знакомых Толстого, останавливается на работе писателя над повестью «Детство», на истории ее опубликования, на хлопотах его по определению на службу, о впечатлениях писателя о городе.

Во второй главе освещена жизнь и деятельность Толстого на Северном Кавказе: его участие в действующем против горцев отряде, подробности пребывания в станице Старогладковской. В заключение коротко подводятся итоги пребывания Толстого на Кавказе.

Третья глава — «Почитатели Толсто-

го в Грузии» начинается с указания на то, что Толстой после отъезда из Грузии продолжал проявлять интерес к ней; подробно цитируется ответ писателя «Тифлисским барышням». Затем автор книги обстоятельно знакомит с историей появления и расселения духовоборов на Кавказе, с их движением и с отношениями, завязавшимися у писателя с ними. Кратко, в плане констатации фактов, говорится здесь о связи Толстого с представителями грузинской интеллигенции, сочувственным отклике писателя на обращение к нему группы грузинской молодежи, на восстание в Гурии.

Четвертая глава — «Отклики в Грузии на смерть Толстого», занимающая две страницы, содержит перечень свидетельств проявления любви и великого уважения к писателю в России и в Грузии после известия о его смерти.

На основании этого обзора не трудно заметить, что культурные и литературные взаимосвязи Толстого с Грузией, составляющие основной интерес и в биографическом очерке о жизни писателя, обойдены автором. Основная тема, четко определенная в названии книги — «Лев Николаевич Толстой в Грузии», перерастает в тему «Толстой на Кавказе», т. к. вся вторая глава книги и половина первой отведены освещению служебной деятельности и жизни писателя на Северном Кавказе.

Следуя намеченной цели, И. К. Ениколопов все свое внимание сосредотачивает на «подробностях», не имеющих в большинстве случаев существенного значения. Так, например, отметив, что Толстой по прибытии на Кавказ принялся за изучение татарского языка, автор спешит сообщить читателям о постановке изучения восточных языков в Казанском университете; описание Старогладковской, как места жительства Л. Н. Толстого, перебивается пространно данной историей гребенских казаков; в связи с сообщениями о работе писателя над повестью «Детство» привлекается переписка его с Некрасовым по поводу опубликования повести в «Современнике», упоминается даже то, что Толстой не получил гонорара за нее; это вызывает, в свою очередь, пояснения правил журнала, согласно которым первое произведение начинающего автора не оплачивалось.

Удивляет тенденция автора книги отстраниться от анализа фактов, от раскрытия смысла тех или иных явлений. И. К. Ениколопов приводит факты, подробности, свидетельства, цитирует различные источники, предоставляя читателю самому разбираться в них, лишь изредка выдвигая то или иное положение, зачастую, носящее декларативный характер.

«В «Детстве», — утверждает И. К. Ениколопов, — ясно чувствуется мировоззрение, сложившееся у писателя в период пребывания в Грузии» (стр. 24). Каково было мировоззрение писателя, как оно отразилось в повести, как и под воздействием чего оно складывалось, остается неизвестным. Предпочтение отдается подробностям, незначительным фактам, не требующим анализа.

Игнорирование научного подхода к материалу, отсутствие исследовательских навыков дает себя знать и при попытках автора обосновать свои предположения относительно знакомств Толстого с представителями тифлисской интеллигенции.

На вопрос: «Был ли знаком Толстой с проживающими тогда в Тбилиси выдающимися азербайджанскими деятелями Мирза Шафи, Мирза Фатали Ахундовым Фазыл-ханом, чей хлесткий стих многих задевал за живое» (стр. 20), можно, по мнению И. К. Ениколопова, ответить утвердительно. Основанием для такого ответа служат следующие умозаключения автора: «Л. Н. Толстой должен был заинтересоваться М. Ф. Ахундовым, пьеса которого «Медведь — победитель разбойника» как раз в это время печаталась в газете «Кавказ». А до того в той же газете публиковалась его пьеса «Мусы-Жордан — ботаник». Трудно представить, чтобы начинающий, всем интересующийся молодой писатель не отдал бы дани признательности драматургу,

чьи произведения имели огромный успех» (стр. 20).

Сейчас же за этим следует: «В период пребывания Толстого в Тбилиси здесь жил Владимир Сологуб (автор «Тарантаса»), по инициативе которого организовалась в городе итальянская опера.

Стихотворение В. Сологуба «Аллаверды», переложенное на музыку, получило широкое распространение на Кавказе. Имеется фотография 50-х годов, где в группе писателей снят и Л. Н. Толстой» (стр. 56).

Предположение, что Георгий Константинович Багратион-Мухранский и был тем Багратионом, о котором Лев Николаевич говорит как о своем петербургском знакомце, дает возможность И. К. Ениколопову предполагать, что Багратион-Мухранский ввел Толстого в гостеприимный дом семьи Александра Чавчавадзе.

«Бывая в этом доме, — продолжает И. К. Ениколопов, — Толстой не мог не познакомиться с Мананой Орбелиани», «в доме Чавчавадзе Толстой мог встретить Георгия Эристави, Платона Иоселиани, Дмитрия Кипиани и других видных представителей грузинского общества» (стр. 23).

А ведь каждое предположение должно быть серьезно аргументировано, при этом исследователь не может не учитывать все моменты, факты и свидетельства как за, так и против них. Но это только одна сторона дела. Кроме того важно не только установить факт знакомства Толстого с тем или иным из его современников в Грузии. Нужно выяснить характер, смысл и значение их взаимоотношений. Но и эта сторона мало занимает автора книги. Книга «Лев Толстой в Грузии» свидетельство того, что чувство ответственности изменило как автору, так и издателям ее.

Подписано к печати 25 октября 1962 г. 6 печ. листов

Формат бумаги 70×108^{1/8} мм.

Зак. № 1453

Тираж 2700

УД 05085

Цена 40 коп.

ქობულთაში „ლიტერატურისა და ხელოვნების“

(რედაქცია)

საბავშვო-საბავშვო მუშაკთა კავშირის გამომცემლობა „ბავშვის მეგობარი“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42

Михаил Квливидзе

«ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ»

Таково этой книги название.
В ней соседствует старое с новым.
Вся она до конца—ожидание,
Как письмо в отделенье почтовом.

Сколько в ящике их ни рассовано,
(я и сам получал их когда-то),
Все равно: раз письмо адресовано,
То дождется оно адресата.

Кто ж ты, нетерпением охваченный,
Где же ты? Поспеши убедиться,
Что тебе, как письмо, предназначена
Этой книги любая страница.

Перевод с грузинского А. Тарковского

* * *

Ночь. Звонит телефон за стеной.
Словно бранит и словно винит.
То колокол,
то колокольчик степной звенит.
За стеной телефон звонит.
То умолкает, то вновь напряжен,
словно больными руками качаемый,
умоляюще, надрывно, отчаянно
и безнадежно звонит телефон...
Ливень клокочет. Водоворот.
Кто это мечется, улицу будит,
дверцы трясет автоматных будок
и исчезает в провалах ворот?
Кто выбегает опять как шальной,
в мокрой ладони сжимая монету?..
А телефон все звонит за стеной
в комнате, где никого уже нету.

Перевод с грузинского Б. Окуджава

Тамаз Чиладзе

Прогулка на пони

ПОВЕСТЬ

Перевод с грузинского А. Беставашвили

Рис. Д. Эристави

Никто не знал, что происходит с Эстатэ. Он и сам себе удивлялся, но не решался с кем-нибудь поделиться.

А дело было в том, что Эстатэ видел своего сына Кахабера.

Кахабер бежал по прибрежному песку. В песке валялись щепки. Кахабер сделал из них кораблик и спускал его в воду. Волны выбрасывали его обратно на берег, и Каха сердился. И снова упрямо толкал кораблик в море. Наконец волна подняла его и унесла. Кахабер обрадовался:

— Папа, папа!

Окончание. Начало см. в журнале «Литературная Грузия» № 8 и 9 за 1962 г.

Эстатэ приходил в себя, поворачивался к доске и писал:
 $(a+b)^2 = a^2 + 2ab...$

Сухие математические формулы имели для него особое значение. Иногда они звенели весело и беспечно, как провода, унизанные птицами, а часто были холодными и резкими, как все, что написано мелом.

В самый последний день перед его уходом из школы в классе стояла почтительная тишина. И Эстатэ тосковал по шуму и беспорядку. Он ходил между партами, опускал руку на круглые детские головы и неуверенным голосом повторял:

— Я знаю, что математика — предмет нелегкий... Но помните, это — самая великая наука... На наших глазах человек полетел в космос... это тоже... математика...

Он не сказал больше ничего и вышел из класса...

Теперь у него была одна забота — глаза Мариам. К каким только врачам он ее не водил — никто не смог вернуть ей зрение.

С поразительной ловкостью Мариам убирала комнаты, готовила и стирала.

Она складывала выстиранное белье в большую корзину, нащупывала пальцами дверь, выходила во двор и развешивала белье. Потом садилась на каменную скамью и сидела, напряженно вытянув шею, вслушиваясь во все шумы и голоса.

Эстатэ очень обрадовался:

— Где ты пропадал, Ника! Как тебе не стыдно!

Он достал папиросу и закурил.

— Тетка твоя только о тебе и говорит. Ты знаешь, у нее не много радости... А ты живешь в Тбилиси и появляешься раз в год...

— Я очень виноват... но теперь диплом на носу — рисую с утра до вечера, а вечером — работа...

Во дворе было прохладно. Земля, стол и лавка были засыпаны черными влажными ягодами. Они поминутно срывались с веток и тяжело падали вниз. Дерево походило на счастливого и щедрого человека, который раздаривает свое богатство.

На пронизанных солнцем ветвях сидели птицы и трещали вовсю.

Эстатэ протянул Нике горсть ягод:

— Попробуй! Сладкие, очень спелые...

— У вас хорошее дерево, дядя Эстатэ...

— Да, летом только оно нас и спасает...

Парусиновый пиджак весь в лиловых винных пятнах от тутовых ягод.

— Расскажи, что на свете нового... Я, видимо, уже постарел. А Мариам совсем плоха. Знаешь, встанет на пороге и смотрит на калитку — глаз не отводит. Я-то знаю, что она ничего не видит, а все-таки надеюсь. Подойду тихонько и встану перед ней. Нет, ничего! Стоит и глядит вперед, точно за мной кого-то видит, не моргнет ни разу, бедняжка... Я пойду разбужу её, она обрадуется.

— Не надо, пусть спит... Я подожду.

Эстатэ подошел вплотную к Нике, наклонился и доверительно прошептал:

— Мне очень трудно, Ника...

С тех пор, как Эстатэ ушел из школы, он больше не видел Кахабера, не слышал его голоса. Наверное, раньше это было от детских лиц и голосов, а теперь все прошло.

— Мне очень трудно...

Ника не знал, о чем говорит Эстатэ, и понимал его жалобы как обычные стариковские.

— Ты не переживай, дядя... все обойдется!

— Эх! — Эстатэ пошел к дому, потирая поясницу.

Из всех близких у Ники остались только эти старики, которые так любили его и которых он так редко навещал.

Сегодня он пришел не случайно. Может, хотел рассказать им, что происходит в его душе. Или просто обменяться незначительными словами. Так молодой воин перед боем приходит к старейшине племени...

Ника почти на руках перенес Мариам во двор и посадил под туюй.

— Мой мальчик, мой взрослый, большой мальчик... — шептала она и гладила его лицо прохладными руками.

Ника стоял на коленях, уткнувшись головой в ее платье.

Ему казалось, что Мариам сохраняла далекий запах отцовских рук и тепло, по которому он так истосковался.

И Ника заговорил. Он вспомнил своих родителей, рассказывал все с мельчайшими подробностями, удивляясь сам, что говорит так много. Он не в силах был остановиться. Как будто все события своей жизни решил превратить в слова — выговорить и избавиться от них.

Тетя Мариам сидела подняв голову и глядела прямо перед собой.

— Мой мальчик, мой дорогой мальчик...

На дереве галдели птицы, и тяжело падали вниз налитые спелые ягоды.

Когда он вышел от тетки, было уже поздно. Он доехал до стадиона, пересел с трамвая на троллейбусе и сошел у кинотеатра, купил у знакомого лоточника сигареты и поднялся к себе.

Чипо складывал в углу круглые коробки с лентами и напевал.

— Вот это кино! — Чипо показал большой палец. — Стрельба и лошади! Все время!

— Чипо, ты можешь прокрутить фильм? — спросил Ника.

Чипо застыл от невыразимого восторга, и глаза его говорили: ты же знаешь, что могу. Зачем напрасно спрашивать...

Резо — сменщик Ники — вытирал руки и поглядывал на часы.

— Сегодня мы с Элисо идем в кино. Наконец и я сяду как человек и посмотрю фильм.

— Как ты думаешь, Чипо справится?

— Не знаю... А ты что, занят?

— Я обязательно должен уйти.

— Черт с тобой! Я останусь.

— Нет, ни за что. Ведь Элисо будет ждать!

— Она поймет, что я не смог, и все...

— Почему ты не доверяешь Чипо?

Резо взглянул на Чипо. Тот не смотрел на них, но чувствовал, что все внимание обращено на него.

— А если узнает директор?

— Ничего он не узнает! — выпалил Чипо.

— Нет, лучше я останусь.

Ника повернулся к Чипо и развел руками. Чипо опустил голову и загремел коробками.

Маринэ подошла совсем близко и тихо спросила:

— Ника, почему ты мне тогда ничего не сказал? Без всяких разговоров примирился с тем... ну, с тем... что случилось.

Маринэ дышала неровно. Ее сухие горячие губы были совсем рядом, и волосы касались Никиного лица.

Все смешалось и закружилось бешеной каруселью. Белые акации, мостовые, платаны, такси, антенны, черные тутовые ягоды и музыка Шопена.

— Маринэ, — выговорил Ника, — Маринэ...

Он с силой прижал к себе податливое тело и легко поднял на руки. Она молчала и, словно страшась чего-то, прятала лицо у него на груди. Потом крепко и нежно обхватила его шею, и он больше ничего не помнил и не чувствовал, кроме ее тела, ее тепла, ее дыхания.

— Маринэ... я тебя любил... всегда, Маринэ! Почему у тебя мокрые глаза? Не плачь... Обними меня... крепче.

Маринэ лежала, закрыв глаза, слабо улыбалась, и на ресницах ее блстели слезы.

В дверь постучали.

Ника встал.

— Простите, у вас не будет спичек? — соседка шарила глазами по комнате.

Ника молча протянул ей коробок.

— Я сейчас принесу...

— Не нужно, у меня есть еще.

— Ну что вы, я верну!

— Не надо, у меня есть!

— Спасибо. — Она была явно недовольна.

Ника засмеялся.

— Началось...

— Что?

— Нашествие.

— Так всегда бывает, когда у тебя кто-нибудь?.. Женщины...

— Нет. Но ты им показалась подозрительной. Они что-то почуяли!

— Что же?

— Что я тебя люблю.

— Ника, иди ко мне.

Он сел на кровать, и она снова обхватила его шею.

— Ника, я хочу знать, точно знать... мне это необходимо...

Ника встал и повесил на гвоздь плащ Маринэ.

— Будет дождь.

— На той улице тоже были акации, — сказала Маринэ.

— Знаю.

— Я смотрела из окна, и мне хотелось плакать.

В дверь опять постучали, вежливо, осторожно.

— Войдите! — крикнул Ника и взглянул на Маринэ.

Она поправила прическу.

В дверях стоял железнодорожник. Увидев Маринэ, он хотел повернуть назад, но Ника повторил:

— Войдите.

Тогда он подошел к столу и сразу сел, точно устав от тяжести собственного тела. Он положил на стол руки и сказал Нике:

— Я пришел за вами. Сегодня — день рождения Майи. Я прошу вас...

Он посмотрел на Маринэ.

— Это Маринэ. Познакомьтесь.

Железнодорожник встал и пожал Маринэ руку.

— Очень приятно.

У дверей он увидел плащ и чемодан.

— Вашу знакомую обязательно приведите с собой.

Он улыбнулся Маринэ бесцветной, невеселой улыбкой и вышел.

Гостей было мало: Нодар и Гурам с беременной женой, худенькой блондинкой, которая за весь вечер не проронила ни слова. Все они были школьными товарищами Майи и, наверное, каждый год приходили ее поздравлять.

Ника извинился, что пришел с пустыми руками. Маринэ стояла, опустив голову, и чувствовала себя неловко. Майя поцеловала ее, как старая знакомая, и пригласила в комнату.

— Заходите, заходите!

За столом играли в «девятку».

Ника поздоровался со всеми за руку и попросил:

— Сдайте и мне.

Как только раздали карты, вошел Арчил с букетом сирени, красный и смущенно улыбающийся.

— Как это случилось, что ты не забыл? — Майя взяла у Арчила цветы и спрятала в них лицо. Потом посмотрела на всех счастливыми глазами, подошла к буфету и поставила сирень в высокую вазу.

Арчил снял очки, потер глаза, потом снова надел очки, сел рядом с женой Гурама и замолчал на весь вечер.

Майя и Маринэ оживленно беседовали. Иногда Майя громко восклицала: «Что вы!» или «Не может быть!»

Железнодорожник открывал коньяк.

Затем он присоединился к гостям. Играл он осторожно, долго думая над каждым ходом. Выигрывая, радовался, как ребенок, и смеялся неожиданно тонким смехом. Выигранную мелочь он пододвигал к себе, накрывал обеими руками и лукаво улыбался.

Ника вежливо улыбался в знак того, что разделяет его радость. Нодар и Гурам не обращали на это никакого внимания. Видимо, они давно привыкли к манерам хозяина и его тонкому смеху.

Майя принесла коньяк.

— А теперь давайте выпьем, — предложил Гурам.

На Майе был черный, тесно облегающий свитер и серая юбка. Туфли на низком каблучке очень шли к ее чуть полным ногам. У Майи была красивая походка. Она держалась очень прямо, слегка отведя назад руки, как крылья, и при ходьбе почти не двигала плечами.

Она стояла у стола и играла влажными губами с краями рюмки. Стояла и улыбалась.

«Майя все время улыбается...»

Нодар опрокинул коньяк залпом и покраснел, как рак. Он сидел надутый, молчаливый и щурил глаза в табачном дыму.

Пепельница была полна окурков, сгоревших спичек и скомканных пустых пачек от сигарет.

Ника подошел к Майе.

— Пожалуйста, стакан воды.

Майя налила ему воды и посмотрела прямо в лицо, странно блестя глазами, на дне которых было больше печали, чем радости.

Ника налил себе коньяк, выпил и снова налил.

«Вот возьму и напьюсь!»

«Как странно она на меня смотрит».

— Ника, я вас поздравляю, — Майя подвела к нему Маринэ и ласково и грустно взглянула на них обоих.